

НЕМЕЦКИЕ УЧЕНЫЕ — ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

К 200-летию Казанского университета

НЕМЕЦКИЕ УЧЕНЫЕ — ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Авторы-составители: В. Г. ДИЦ, А. В. ГАРЗАВИНА, И. А. НОВИЦКАЯ

Издатель: Немецкий Дом Республики Татарстан

Казань
2004

Книга издана при поддержке Посольства Федеративной Республики Германии в Российской Федерации

Немецкие ученые — профессора Казанского университета // Составители В. Г. Диц, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. — Казань, 2004. — 180 с.

В книге раскрывается выдающаяся роль ученых, выходцев из Германии, в истории Казанского университета, в развитии науки и культуры Среднего Поволжья. На основании документальных источников и воспоминаний современников воссоздается картина жизни Казани 1-й половины XIX века.

Zum 200. Jahrestag der Kasaner Universität

DEUTSCHE GELEHRTE ALS PROFESSOREN DER KASANER UNIVERSITÄT

Verfasser: V. DIETZ, A. GARSAVINA, I. NOWIZKAJA

Herausgeber: Deutsches Haus der Republik Tatarstan

Die Erscheinung des vorliegenden Buches haben wir der wirksamen Unterstützung der Botschaft der Bundesrepublik Deutschland zu verdanken

РОЛЬ НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ В СТАНОВЛЕНИИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В формировании казанской науки и культуры, наряду с представителями многих народов, значительное место принадлежит германским ученым.

Первые контакты с немцами относятся к XVI—XVII вв. Сочинения Зигмунда Герберштейна и Адама Олеария, познакомившие европейцев с Россией, в значительной степени определили их интерес к неведомой, далекой стране.

Привлечению иностранцев в Россию способствовала государственная политика. Уже в XVII в., при царе Алексее Михайловиче, на русскую службу приехало немало немцев. При Петре I немцы служили корабельными мастерами, инженерами, военными, занимались торговлей. Екатерина II издала манифесты, приглашающие иностранцев переселяться в Россию, давая освобождение от гражданской, военной службы, от налогов и податей на первые 30 лет проживания. Александр I продолжил эту политику, и основная масса немецких эмигрантов появилась в России в конце XVIII — начале XIX вв.

В связи с основанием в 1804 г. Казанского университета довольно большое число ученых, приехавших из Германии, пополнили немецкую диаспору в Казани.

По уставу 1804 г. в университете предусматривалось четыре отделения: нравственных и политических наук; физических и математических наук; врачебных, или медицинских, наук; словесных наук (с кафедрой восточных языков). Создавались библиотека и типография, астрономическая обсерватория, анатомический театр, кабинеты физический, минералогический и естественной истории, институты клинический, хирургический, повивального искусства и педагогический.

В 1810 г. профессор Карл Фукс разработал проект о внесении изменений в постановку преподавания в университете; самой важной стороной проекта было предложение об учреждении факультетов, но оно даже не было тогда обсуждено.

Deutsche Gelehrte als Professoren der Kasaner Universität // Verfasser: V. Dietz, A. Garsavina, I. Nowizkaja. — Kasan, 2004. — 180 S.

Das Buch zeigt die hervorragende Rolle der deutschstämmigen Gelehrten in der Geschichte der Kasaner Universität, in der Entwicklung der Wissenschaft und Kultur des mittelvolgaer Gebiets. Auf der Grundlage der Dokumentarquellen und Erinnerungen der Zeitgenossen wird ein lebendiges Bild des Lebens von Kasan der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts dargestellt.

Было осуществлено подобное предложение, сделанное через несколько лет профессором Францем Ксавером Броннером.

В 1835 г. был принят новый устав, по которому в Казанском университете создавались три факультета: медицинский, юридический и философский с двумя отделениями. В рамках первого отделения преподавались собственно философия, греческая и римская словесности и древности, российская словесность и история российской литературы, история и литература славянских наречий, российская история, всеобщая история, политическая экономия и статистика, восточная словесность (языки арабский, турецкий и персидский, монгольский и татарский). На втором отделении преподавались чистая и прикладная математика, астрономия, физика и физическая география, химия, минералогия и геогнозия, ботаника, зоология, технология, сельское хозяйство, лесоводство и архитектура. Сверх того были кафедры догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законодательства. В университете преподавались немецкий, французский, английский и итальянский языки, работали учителя рисования, фехтования, музыки, танцев и верховой езды.

Такой была, в общих чертах, структура Казанского университета в I половине XIX в. По уставу право выбора профессоров принадлежало исключительно Совету университета. До его образования формирование преподавательского состава было возложено на попечителя Казанского учебного округа С. Я. Румовского, известного астронома, вице-президента Петербургской академии наук.

Румовский сделал очень многое для развития образования в крае. Став попечителем округа в 1803 г., он предложил воспитывать на казенном иждивении по 40 человек в Казанской гимназии с тем, чтобы позже они поступили бы в студенты университета, а по окончании курса заняли бы учительские места. Иначе, хотя университет и будет существовать, но в учителях всегда будет недостаток, ибо для гимназий и училищ Казанского учебного округа требовалось тогда «более 290 учителей наук и языков и 159 учителей рисования».

В феврале 1804 г. в Казанскую гимназию преподавателем был определен Петр Даниил Фридрих Цеплин с тем, чтобы после открытия университета занять в нем кафедру. Он стал первым немецким профессором, приехавшим в Казань.

Торжественный акт открытия Казанского университета состоялся 14 февраля 1805 г. Утвердительную грамоту, подписанную императором Александром I, прочитал С. Я. Румовский. Этот день стал началом деятельности университета. В присутствии попечителя 22 февраля лучшие ученики гимназии были выбраны в студенты. Ими стали 33 человека, из которых 26 были казеннокоштными; через несколько месяцев к ним прибавилось еще 8 человек.

Перед Румовским остро встала проблема профессорских кадров для молодого университета: ученых в стране слишком мало, их нужно было искать за границей. С каждым из приглашаемых профессоров он вел переписку, касаясь специальных подробностей, запрашивал труды и отзывы на них; выбор Румовского всего удачнее был по наукам, близким его занятиям.

Германские университеты в начале XIX в. были центрами европейской науки, и ученых они готовили больше, чем можно было применить их в своем оте-

честве. К переезду в Россию, после получения известий об открытии там университетов, одних манили материальные выгоды, других, по их собственному свидетельству, слава быть первыми вестниками цивилизации в стране, не затронутой образованием, третьих — нестабильная политическая обстановка в Европе. Не все из них отличались талантами и научными заслугами, но несколько крупных ученых оказались в Казани. Один из них, известный европейский математик Иоганн Мартин Христиан Бартельс, впоследствии писал: «К величайшей моей радости, я встретил в Казани, несмотря на незначительное число студентов, необыкновенно много любви к изучению математических наук». После Казани Бартельс преподавал в Дерптском университете и, по его рассказам, не встретил там такого воодушевленного интереса к математике и такого высокого уровня знаний, как у казанских студентов. Именно Бартельс заложил основы прочного математического образования в Казанском университете. Своим наиболее талантливым учеником он считал Н. И. Лобачевского.

О знаменитом астрономе Йозефе Иоганне Литтрове Румовский отзывался так: «Во всей немецкой земле мало сыщется таких людей, коим пред Литтровым должно отдать преимущество, и приобретение его для всякого в России университета почитаю я драгоценным». Литтров стал первым профессором астрономии в Казанском университете, почетным членом его и членом-корреспондентом Академии наук. В занятиях с Н. И. Лобачевским Литтров не ограничивался астрономической наукой. Он знакомил его с философией. В дневнике Литтрова, сохранившемся в Вене, в числе книг, которые он давал читать студенту Лобачевскому, указаны также сочинения Лессинга и Дидро.

Немцы, члены Петербургской академии наук во главе с ее секретарем академиком Н. И. Фуссом, были посредствующим звеном между учеными Германии и попечителем Румовским. Фусс принял участие в судьбе Карла Теофиуса Фойгта, рекомендовал в Казанский университет И. Г. Неймана.

Особое место в становлении и развитии российских университетов, в том числе и Казанского, принадлежит гёттингенскому ученому Кристофу Мейнерсу, известному по трудам о системе образования в университетах Германии. Его сочинения оказали влияние на решение университетских вопросов правительством Александра I — от общего духа учебного учреждения, свободы преподавания до частных — положения попечителей и воспитания студентов. Ученые, рекомендованные Мейнерсом Казанскому университету, значительно усилили его профессорский корпус. Так, прекрасную характеристику Мейнерс дал Иоанну Христову Финке, который ее блестяще оправдал. Желая быть полезным в России, Финке был убежден в необходимости для немецких ученых знания русского языка. «В университетах всех стран, кроме России, — писал Финке, — науки преподаются на родном языке». Ранняя смерть оборвала его работу в Казани.

Фридрих Фатер был принят в Казанский университет по рекомендации знаменитого ученого Александра Гумбольдта. Он вел в высшей степени плодотворную деятельность, глубоко знал свой предмет и преподавал его интересно. К числу учеников Фатера относятся К. С. Тхоржевский, Н. И. Булич и А. О. Угланский.

Фатер отличался независимостью суждений, требовательным отношением к делу и принципиальностью.

Человеком разностороннего, солидного образования был Броннер. Он организовал первые метеорологические наблюдения в Казани, ярко проявил себя как воспитатель в должности инспектора студентов. В преподавании применил трехлетний план обучения, отразивший опыт германских университетов. Броннер был не только опытным преподавателем и педагогом, но и известным поэтом-идилликом. Любовь к поэзии он передал своему ученику В. И. Панаеву.

Поразительна широта интересов немцев-профессоров Казанского университета. Иоганн-Фридрих Эрдман в речи на торжественном акте в 1815 г. провозгласил необходимость образования, которым должен руководить университет, для всех народов — татар, калмыков, киргизов, якутов. Он мечтал о том времени, когда представители этих народов «придут в святилища муз и принесут из них своим согражданам просвещение. Что кажется теперь сном, сбудется...» Мог ли он предполагать, что его мечты станут реальностью?

Во время каникул Эрдман совершал поездки в окрестности Казани, в Булгарию и по всему обширному учебному округу, проявляя любопытство к новой стране, новым обычаям. Эти наблюдения легли в основу его трехтомного труда «Путешествие по России». Даже среди профессоров Дерптского университета, в котором он позже преподавал, Эрдман, по словам известного хирурга Н. И. Пирогова, выделялся «необыкновенной начитанностью и ученостью». В 1830 г. он был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

Еще раньше, в 1810 г., членом-корреспондентом Академии наук стал Иоанн Фридрих Вуттиг, построивший в России первый завод для производства серной кислоты. Христиан Мартин Френ — основатель научной нумизматики мусульманского Востока, в 1817 г. был избран академиком. Его труды привели к созданию в России научного востоковедения.

Немецкие ученые не порывали связей с Германией, они посещали свою родину, публиковали там результаты исследований. К примеру, Эрнст Кнопп отсылал статьи в «Annalen der Physik und Chemie» в Берлин, Христиан Френ печатался в Вене, в «Fundgruben des Orients». Немцев, профессоров Казанского университета, принимали в члены германских научных учреждений: Иосифа Готвальда — в Лейпцигское общество ориенталистов, Эдуарда Эверсмана — в Зенкенбергское общество во Франкфурте-на-Майне, любителей естествознания в Берлине, Академию общепользных знаний в Эрфурте и Штетинское энтомологическое общество и т. д. На заседаниях Совета университета немцы отстаивали самостоятельность Казанского университета, его независимость от местных властей, зачастую рискуя своей карьерой.

Действительную пользу Казанскому университету принесли не все иностранные профессора. Оани не нашли подходящей среды для применения своих знаний; активно печатавшиеся в Германии, после переезда в Россию, они не опубликовали ни одной работы. Другим помешали языковой барьер или недостаток знаний. Некоторые уехали при наступлении реакции, когда в 1817 г. объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения России возглавил А. Н.

Голицын. Многие из оставшихся жестоко пострадали в 1819 г. при ревизии Казанского университета М. А. Магницким, когда доверие к университетской науке протестантской Германии заменилось религиозным мистицизмом.

Для таких ученых, как Фукс, Эверсман, Готвальд, Казань стала второй родиной. Не случайно в Казани установлен памятник Карлу Фуку, знаменитому деятелю Поволжья, определившему несколько направлений научных исследований в крае, знаменитому врачу-филантропу, этнографу и краеведу. Его имя носит городское немецкое общество, активно действующее в Казани.

Предлагаемая читателям книга посвящена выдающимся немецким ученым, работавшим в Казанском университете. Первая часть книги включает материалы к их биографиям. Мы приводим биографии только тех ученых, которые приехали в Казань из Германии; о немцах-профессорах университета, родившихся или проживавших до переезда в Казань в пределах Российской империи будет рассказано в следующей книге.

Германские ученые занимали в университете не только профессорские должности. Они служили адъюнктами, лекторами, механиками. Несколько биографий таких людей — Карла Краузе, Карла Крюгера, Иоганна Лейтера, Христофора Иосифа Ренарда — также включены в книгу, так как эти люди играли немаловажную роль в жизни университета.

Вторая часть — «Как жили немцы в Казани» — основана на исторической и мемуарной литературе, документальных свидетельствах тех лет, материалах казанской прессы.

В третью часть книги включены воспоминания казанских студентов о немецких профессорах с начала основания университета по 70-е гг. XIX в.

В приложении даны выборочные сведения о службе в Казанском университете немецких профессоров и учебе студентов, оставивших приводимые нами воспоминания, из трехтомного труда А. И. Михайловского, а также список основной литературы о немецких ученых, работавших в Казани.

Многочисленные, но труднодоступные для большинства читателей свидетельства об их деятельности, собранные воедино и представленные в этой книге, дают объемную, яркую картину весомого вклада посланцев Германии в развитие экономики, науки и культуры нашего края.

В. Г. ДИЦ, А. В. ГАРЗАВИНА, И. А. НОВИЦКАЯ

ROLLE DER DEUTSCHEN GELEHRTEN IM WERDEN DER KASANER UNIVERSITÄT

In der Herausbildung der Kasaner Wissenschaft und Kultur nehmen die deutschen Wissenschaftler unter den Vertretern vieler Völker einen bedeutenden Platz ein.

Die ersten Kontakte mit Deutschen gehen auf die XVI.-XVII. Jahrhunderte zurück. Die Werke von Sigmund Gerberstein und Adam Olearius, die die Europäer mit Russland bekannt gemacht hatten, bestimmten maßgebend das Interesse für ein rätselhaftes und fernes Land.

Das Heranziehen der Ausländer nach Russland wurde von der Staatspolitik gefördert. Bereits im XVII. Jahrhundert beim Zaren Alexej Michailowitsch kamen viele Deutschen zum Dienst in Russland. Bei Peter I. dienten Deutsche als Schiffbaumeister, Ingenieure, Militärs und Händler. Katharina II. gab die zur Übersiedlung nach Russland einladenden Manifeste heraus und räumte die Befreiung der Übersiedler vom Zivil- und Militärdienst, von Steuern und Abgaben für die ersten 30 Lebensjahre in Russland ein. Alexander I. setzte diese Politik fort, und die überwiegende Zahl der deutschen Emigranten erschien Ende des XVIII. – Anfang des XIX. Jahrhunderts in Russland.

Aus Anlaß der Gründung der Kasaner Universität 1804 kam eine große Anzahl der Gelehrten aus Deutschland und so wurde die Gesamtzahl der in Russland lebenden Deutschen erheblich vermehrt.

Satzungsmäßig wurden 4 Abteilungen an der Universität 1804 vorgesehen: für Moral und Politik, für sittliche und politische Wissenschaften, für Physik und Mathematik, für Medizin und Philologie (mit dem Lehrstuhl für orientalische Sprachen). Es wurden die Bibliothek, das Kabinett für Physik, das Kabinett für Mineralogie, das Kabinett für naturwissenschaftliche Geschichte, die Sternwarte, der Anatomiesaal und die Institute für klinische und chirurgische Kunst und für Hebammenkunst, für Pädagogik sowie auch eine Druckerei gegründet.

1810 wurde ein Veränderungsentwurf des Unterrichtswesens an der Universität vom Prof. Fuchs ausgearbeitet. Das wichtigste dabei war der Vorschlag, Fakultäten zu gründen.

Aber der Vorschlag wurde nicht einmal besprochen. Erst in einigen Jahren wurde derselbe erneut von Bronner gemachte Vorschlag verwirklicht.

1835 wurde eine neue Satzung angenommen. Satzungsgemäß wurden 3 Fakultäten gegründet: für Medizin, für Rechtswissenschaft und für Philologie mit 2 Abteilungen. An der erstgenannten Fakultät wurden Philosophie, griechische und römische Philologie, altertümliche Philologie, russische Philologie und Geschichte der russischen Philologie, Geschichte und Literatur der slavischen Mundarten, russische und allgemeine Geschichte, politische Ökonomie und Statistik, orientalische Philologie (Türkisch, Persisch, Arabisch, Mongolisch und Tatarisch) unterrichtet. An der zweiten Fakultät waren reine und angewandte Mathematik, Astronomie, Physik und physische Geographie, Chemie, Mineralogie und Geognosie, Botanik, Zoologie, Technologie, Landwirtschaft, Forstwissenschaft und Architektur Hauptfächer. Es gab auch Lehrstühle für dogmatische und belehrende Theologie, für Fremdsprachen (Deutsch, Französisch, Englisch und Italienisch), für Zeichenlehrer, für Fechten, für Musik, für Tanzkunst und für Reitkunst.

So war die Struktur der Kasaner Universität in der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts. Satzungsgemäß war das Wahlrecht der Professoren ausschließlich dem Universitätssenat zuständig. Vor ihrer Gründung war der Kurator des Kasaner Lehrgebietes S. Rumowsky, der bekannte Astronom, der Vizepräsident der Sankt-Petersburger Akademie für Wissenschaften, mit der Formierung des Lehrkörpers beauftragt.

S. Rumowsky leistete zur Entwicklung des Bildungswesens im Gebiet Kasan einen großen Beitrag. Er wurde 1803 zum Kurator des Lehrgebietes und schlug vor, je 40 Personen im Gymnasium auf Staatskosten zum weiteren Studium an der Kasaner Universität vorzubereiten. Nachdem sie die Universität absolviert hatten, nahmen sie die Lehrstellen ein. Der Meinung von S. Rumowsky nach würde, sonst der Mangel an Lehrkräften weiter bestehen, denn die Gymnasien und Lehranstalten des Kasaner Lehrgebietes „mehr als 290 Lehrkräfte in Wissenschaften und Sprachen und 159 Zeichenlehrer“ brauchten.

Im Februar 1804 wurde Zaepeli zu Lehrer des Kasaner Gymnasiums. Nach der Eröffnung der Universität sollte er einen Lehrstuhl übernehmen. So wurde er zum ersten deutschen Professor in Kasan.

Die Eröffnungsfeier der Kasaner Universität fand am 14. Februar 1805. Die von Imperator Alexander II. unterzeichnete Bestätigungsurkunde wurde von S. Rumowsky vorgelesen. Dieser Tag wurde zum Beginn der wissenschaftlichen Tätigkeit der Universität. In Anwesenheit des Kurators wurden die besten Gymnasiasten am 22. Februar 1805 immatrikuliert. Es waren 33 Gymnasiasten, von denen 26 auf Staatskosten studieren konnten. In einigen Monaten kamen noch 8 Personen hinzu.

Der Kurator Rumowsky sah sich konfrontiert mit dem schwierigen Problem des Mangels an Professorenkader für die junge Universität: es gab zu wenig Gelehrte im Lande, man mußte sie aus dem Ausland einladen. Mit jedem von den einzuladenden Professoren stand S. Rumowsky persönlich im Briefwechsel. Er interessierte sich für alle fachmännische Einzelheiten, forderte wissenschaftliche Arbeiten mit Rezensionen an. Am richtigsten war die Wahl in Wissenschaften, die seinen wissenschaftlichen Beschäftigungen besonders nahe standen.

Anfang des XIX. Jahrhunderts wirkten die deutschen Universitäten als Mittelpunkt der europäischen Wissenschaft, und sie bildeten mehr Gelehrte aus und nicht alle konnten

in ihrem Vaterland gebraucht werden. Die Nachricht über die Gründung der Universitäten veranlasste die Übersiedlung der deutschen Professoren nach Russland: die einen wurden durch die materiellen Vorteile, die anderen laut ihrem eigenen Zeugnis durch den Ruhm, erste Boten der Zivilisation im von der Bildung nicht berührten Land zu sein, angezogen. Noch ein Grund dafür war die instabile politische Situation in Europa.

Nicht alle deutschen Professoren waren ihrem Talent und ihren wissenschaftlichen Leistungen nach ebenbürtig. Aber Kasan hatte Glück, einige große Gelehrte zu gewinnen. Der bekannte europäische Mathematiker Bartels schrieb: „Zu meiner größten Freude habe ich in Kasan ungeachtet der geringen Studentenzahl eine außerordentlich große Liebe zum Studium der mathematischen Wissenschaft gefunden“. Anschließend unterrichtete er an der Universität von Derpt, aber dort fand er kein begeistertes Interesse für Mathematik, und das Kenntnissniveau der Studenten war nicht so hoch wie in Kasan. Bartels war es, der den Grundstein für fundamentale mathematische Ausbildung an der Kasaner Universität gelegt hatte. Er zählte N. Lobatschewsky zu seinem besten Schüler.

Über den berühmten Astronomen Littrow äußerte er sich folgenderweise: „Auf dem ganzen deutschen Boden findet sich kaum so einer, den man Prof. Littrow bevorzugen könnte, und seine Gewinnung für jede russische Universität erachte ich für wertvoll“. Prof. Littrow wurde zum ersten Professor der Astronomie an der Kasaner Universität, zu ihrem Ehrenmitglied und zum korrespondierenden Mitglied der Akademie für Wissenschaften. Im Unterricht vermittelte er Lobatschewsky nicht nur Astronomie, sondern auch Philosophie. In Littrows Tagebuch, das in Wien erhalten geblieben ist, sind die Werke von W. E. Lessing und Diderot unter den von ihm dem Studenten Lobatschewsky zum Lesen geliehenen Büchern angegeben.

Die deutschen Mitglieder der Petersburger Akademie der Wissenschaften waren mit ihrem Sekretär, Akademiemitglied N. Fuss an der Spitze, ein Bindeglied zwischen den deutschen Wissenschaftlern und dem Kurator S. Rumowsky. Prof. Fuss nahm am Schicksal von Voigt teil, empfahl den Prof. Neumann an die Kasaner Universität.

Der besondere Platz im Werden und der Entwicklung der russischen Universitäten, darunter auch der Kasaner Universität, gebührt dem Wissenschaftler aus Göttingen, Prof. Meiners, der durch seine Arbeiten über das Ausbildungssystem an den Universitäten Deutschlands berühmt war. Seine Werke übten auf die Lösung der Universitätsfragen von der Regierung Alexander I. einen großen Einfluß aus. Sie bestimmten den Gesamtgeist und die Unterrichtsfreiheit dieser Lehrinrichtungen, einschließlich der Sorge um die Kuratoren und um die Erziehung der Studenten. Die von Prof. Meiners empfohlenen Wissenschaftler machten den Lehrkörper der Kasaner Universität noch wirksamer. So, z. B. gab er Prof. Finke eine hervorragende Charakteristik, die er später glänzend rechtfertigte. Finke wollte Russland Nutzen bringen, deshalb war er davon fest überzeugt, dass die Kenntnis der russischen Sprache für deutsche Wissenschaftler unentbehrlich ist. An den Universitäten aller Länder wird in Muttersprache unterrichtet. Nur in Russland ist der Fall nicht so. Der frühe Tod machte seiner erfolgreichen Tätigkeit ein Ende.

Prof. Vater wurde auf Empfehlung des berühmten Wissenschaftlers Alexander von Humboldt an der Kasaner Universität eingestellt. Er übte eine höchst fruchtbare Tätigkeit aus, er kannte sich in seinem Fach perfekt aus, sein Unterricht rief bei Studenten ein gesteigertes Interesse hervor. Zu seinen Schülern gehören K. Tchorshewsky N. Bulitsch und

A. Ugljansky. Prof. Vater zeichnete sich durch seine unabhängiges Beurteilungsvermögen, durch die Festigkeit seiner Grundsätze, durch sein verantwortungsvolles Verhalten zum Unterricht aus.

Prof. Bronner war vielseitig gebildet. Er organisierte die ersten meteorologischen Beobachtungen in Kasan, kam als guter Erzieher der Studenten im Inspektorenamt zur Geltung. Im Unterricht verwendete er einen dreijährigen Lehrplan, der die reiche Erfahrung der deutschen Universitäten kritisch übereignet hatte. Bronner war nicht nur ein erfahrener Pädagoge, sondern auch ein bekannter idyllischer Dichter. Mit seiner Liebe zur Dichtung steckte er auch seinen Schüler W. Panajew an.

Überwältigend ist die Interessenbreite der deutschen Professoren an der Kasaner Universität. Prof. Johann Friedrich Erdmann proklamierte auf der Feierversammlung der Universität 1815 die Notwendigkeit der Ausbildungstätigkeit der Universität für alle Völker: für die Tataren, Jakuten, Kalmyken, Kirgisen. Er träumte von der Zeit, wo die Vertreter dieser Völker in das Musenheiligtum kommen werden, um danach ihren Mitbürgern die richtige Aufklärung mitzubringen. „Das, was heute ein Traum zu sein scheint, wird zur Wirklichkeit,“ – so prophezeite I. F. Erdmann. Seine Prophetie ging heutzutage in Erfüllung. Damals konnte er sich das kaum vorstellen. Während der Ferien fuhr Prof. Erdmann in die Umgebungen Kasans, nach Bulgar und reiste über das weite Gebiet Kasan, er zeigte ein großes Interesse für das neue Land, seine Sitten und Bräuche. Seine Reiseeindrücke wurden seiner Arbeit in 3 Bänden „Reise durch Russland“ zugrunde gelegt. Selbst unter den Professoren der Universität zu Derpt zeichnete er sich der Äußerung vom bekannten Chirurgen N. Pirogow nach durch seine außerordentliche Belesenheit und Gelehrtheit aus. 1830 wurde er zum korrespondierenden Mitglied der Petersburger Akademie der Wissenschaften gewählt.

Noch früher, 1810 wurde Prof. Wuttlig, der das erste Werk für Herstellung der Schwefelsäure in Russland gebaut hatte, zum korrespondierenden Mitglied der Akademie der Wissenschaften. Prof. Fren, Gründer der wissenschaftlichen Numismatik des moslemischen Orients, wurde 1817 zum Akademiemitglied. Seine Werke riefen die Schaffung der wissenschaftlichen Orientkunde in Russland ins Leben.

Deutsche Gelehrte bewahrten die Verbindungen mit Deutschland, sie besuchten ihre Heimat, veröffentlichten dort die Ergebnisse ihrer wissenschaftlichen Untersuchungen. So z. B. schickte Prof. Knopp seine Beiträge in die „Annalen der Physik und Chemie“ nach Berlin. Frens Arbeiten wurden in Wien in „Fundgruben des Orients“ gedruckt. Die deutschen Professoren der Kasaner Universität waren Ehrenmitglieder der wissenschaftlichen Einrichtungen in Deutschland. Prof. Gottwald war Mitglied der Leipziger Gesellschaft für Orientkunde, und Ewersmann war Mitglied der Senkenburger Gesellschaft in Frankfurt-am-Main und Mitglied der Gesellschaft für Naturfreunde in Berlin, Mitglied der Akademie für Allgemeinwissen in Erfurt und Mitglied der Gesellschaft für Entomologie in Stettin. Auf den Sitzungen des Universitätsrats setzten die deutschen Professoren oft ihre Karriere aufs Spiel, indem sie für ihre Selbstständigkeit und ihre Unabhängigkeit von den örtlichen Behörden kämpften.

Nicht alle ausländischen Professoren brachten der Kasaner Universität im gleichen Maße den wirklichen Nutzen. In Deutschland haben sie viele wissenschaftlichen Arbeiten veröffentlicht, in Russland wurde von ihnen keine einzige Arbeit gedruckt. Ein Teil von

дiesen Gelehrten fand kein passendes Milieu für die Anwendung ihrer Kenntnisse. Der andere Teil fühlte sich wegen Sprachschwierigkeiten bei der Arbeit gehemmt. 1817 wurde A. Golizyn zum Leiter des Vereinten Ministeriums für Geisteswesen und Volksbildung. Die danach eingetretene Reaktion ließ einige Professoren nach Deutschland ausreisen. Viele von den in Kasan gebliebenen deutschen Professoren litten 1819 stark unter der von M. Magnizky durchgeführten Revision an der Kasaner Universität, denn das Vertrauen auf die Universitätswissenschaft Deutschlands wurde vom religiösen Mystizismus verdrängt.

Für solche Wissenschaftler aber, wie K. Fuchs, Prof. Eversmann und Prof. Gottwald wurde Kasan zu ihrer zweiten Heimat. Es ist kein Zufall, dass das Denkmal für K. Fuchs, den hervorragenden Gelehrten im Wolgagebiet, der einige Entwicklungsrichtungen der wissenschaftlichen Forschung in diesem Gebiet bestimmt hatte, den berühmten Arzt und Philanthropen in einer Person, den Landeskundigen und Ethnographen in Kasan errichtet wurde. Seinen Namen trägt die deutsche Gemeinschaft, die eine sehr aktive Tätigkeit ausübt.

Das vorliegende Buch ist den hervorragenden deutschen Gelehrten, den Mitarbeitern der Kasaner Universität gewidmet. Der erste Teil enthält biographisches Material. Wir führen nur Biographien der aus Deutschland nach Kasan gekommenen Gelehrten. Das nächste Buch wird über die deutschen Professoren der Universität, die vor der Übersiedlung nach Kasan im Russischen Reich geboren waren oder gelebt hatten, erzählen.

Die deutschen Gelehrten bekleideten nicht nur Professorenämter, sie waren auch als Adjunkte, Lektoren, Mechaniker tätig. Mit ihren Biographien macht das Buch auch bekannt, denn Krause, Krüger, Leiter, Renard haben eine wichtige Rolle gespielt.

Der zweite Teil heisst „Wie war das Leben von Deutschen in Kasan“ und ist auf den Quellen der Geschichte und der Memoirenliteratur, auf den Dokumentarzeugnissen jener Jahre, auf den Stoffen der Kasaner Presse gebaut.

Der dritte Teil hat die Erinnerungen der Kasaner Studenten über deutsche Professoren seit der Gründung der Universität bis in die siebziger Jahre des neunzehnten Jahrhunderts zum Inhalt.

Der Anhang gibt Auskunft über den Dienst der deutschen Professoren an der Kasaner Universität und über das Studium der Studenten, die ihre Erinnerungen hinterlassen haben, aus dem dreibändigen Werk von A. Michailowsky stichweise an. Der Anhang enthält auch ein Literaturverzeichnis über die an der Kasaner Universität mitgewirkten deutschen Gelehrten.

Zahlreiche, aber nicht allgemeinzugängliche Zeugnisse von ihrer Tätigkeit sind in diesem Buch in eine organische Einheit gesammelt und vermitteln ein umfangreiches klares Bild von den wichtigen Beitrag der deutschen Vertreter zur Entwicklung der Wirtschaft, der Wissenschaft und der Kultur unseres Gebiets.

V. DIETZ, A. GARSAWINA, I. NOVIZKAJA

Материалы к биографиям

БАРЕЛЬС, Иоганн Мартин Христиан (Мартин Федорович), профессор математики, доктор философии йенского университета (с 1803 г.). Родился 12 августа (нов. стиля) 1769 года, в Брауншвейге. Сын недостаточных родителей, Бартельс получил первоначальное образование в родном городе в Екатерининской народной школе и в ней же четырнадцать лет получил место помощника учителя. К этому времени относится начало его дружбы с знаменитым Гауссом, с которым они вместе, несмотря на разность лет (Гаусс родился в 1777 г.), изучали математические сочинения. Пробыв пять лет помощником учителя, Бартельс поступает в 1788 г. в Collegium Carolinum (средне-учебное заведение Брауншвейга) и в 1791 г.

в гельмштедский университет, в котором проходит полный курс юридических наук и, в то же время, не оставляет занятий математикой, слушая частный курс интегрального исчисления у известного математика Пфаффа. По совету Пфаффа, Бартельс поступает в геттингенский университет, в котором посвящает себя уже исключительно изучению математических и физических наук, пользуясь руководством другого известного германского математика — Кестнера.

По окончании университетского курса, Бартельс получил в 1794 г. место профессора математики при семинарии в Рейхенау (Граубюнден), которое в 1800 г. оставил для профессорской деятельности в кантональной школе г. Аарау (Aargau). Недовольный изменениями в плане преподавания школы, Бартельс в 1805 г. возвращается на родину в Брауншвейг, где в это время по инициативе герцога Карла Вильгельма Фердинанда, предполагалось сооружение обсерватории, во главе которой должен был стать Гаусс, и учреждение при ней высшего математического училища. Но война 1806 г. помешала осуществлению просвещенного плана и раз-

рушила юношескую мечту Бартельса работать на родине и в общении с людьми, с которыми его связывали дружба и уважение, и Бартельс принужден был обратиться к Румовскому с просьбой о предоставлении ему кафедры в казанском университете. Еще весной 1805 года Румовский, по рекомендации академика Фусса, предлагал Бартельсу звание ординарного профессора казанского университета и тысячу рублей подъемных денег на переезд из Аarau в Казань. Предложение было принято Бартельсом в мае 1805 года; в июне состоялось и его назначение, на основании представления Румовского, в котором тот усиленно настаивал на приобретении ученого, «которому вся Германия имеет мало подобных». Но, надеясь на возможность работы на родине, Бартельс в августе того же года прислал Румовскому отказ от кафедры, ссылаясь на семейные обстоятельства. Его сношения с Румовским, однако, не были прерваны этим отказом и 28 апреля 1806 года Бартельс был удостоен звания почетного члена казанского университета, по предложению Румовского, мотивированному стараниями Бартельса «склонять к приезду в Казань таких людей, которые знаниями своими могли бы принести университету необходимую пользу». Бартельс был первым лицом, носившим звание почетного члена нашего университета.

Вторичное решение Бартельса ехать в Казань не могло не быть принятым Румовским с радостью и уже в июле 1807 года за Бартельсом была обеспечена кафедра чистой математики, хотя утверждение его в должности состоялось лишь 1 декабря 1807 года. После почти четырехмесячного утомительного переезда с семьей из Брауншвейга, Бартельс приехал в Казань 15 февраля 1808 года и тотчас же приступил к чтению лекций. В поданном в совете заявлении Бартельс принимал на себя чтение лекций по аналитической тригонометрии, плоской и сферической, и по приложению ее к сферической астрономии и математической географии; в виду отсутствия в библиотеке необходимых пособий, чтения его имели происходить «по своим тетрадам». Курс лекций Бартельс открыл 2 марта на французском и, отчасти, немецком языках для аудитории слушателей, число которых не превышало пятнадцати. Во время своей двенадцатилетней педагогической деятельности в казанском университете Бартельс читал историю математики, высшую арифметику, дифференциальное и интегральное исчисления, приложение аналитики к геометрии, астрономии и математической географии, аналитические геометрию и тригонометрию, сферическую тригонометрию, аналитическую механику, в 1816—1817 гг. временно преподавал астрономию. Как показывают издания Бартельсом в 1833 году «Vorlesungen ueber matematische Analysis», написанные ясно и отличающиеся строгостью выводов, преподавание его стояло вполне на уровне современной науки и имело благотворное влияние на его учеников. С другой стороны и Бартельс, как видно из предисловия к упомянутым «Vorlesungen» и из его писем к Гауссу, сохранившихся в геттингенском архиве Гаусса, был счастлив, встретив в Казани у своих учеников и много любви к занятиям высшею математикою и хорошую подготовку, которую он приписывал своему предшественнику Карташевскому. За своего талантливого ученика Н. И. Лобачевского Бартельс не раз пришлось заступаться.

С 1814 года, т.е. с момента полного открытия университета, Бартельс беспрерывно, до самого оставления им казанского университета, нес должность декана отделения физико-математических наук, будучи ежегодно избираем в нее; последнее избрание состоялось уже почти накануне (в июне 1820 г.) перехода его в Дерпт.

В 1818 г. Бартельс участвовал, по поручению совета, в комиссии по разработке проекта учреждения при университете медицинского института; в том же году поручен был ему высший математический класс в гимназии.

Летом 1820 г. Бартельс получил от Дерптского университета приглашение занять в нем кафедру чистой и прикладной математики, освободившуюся со смертью Гута. Бартельс, предвидя ту тяжелую для науки эпоху, которая вскоре настала в казанском университете, принял предложение и 21 сентября 1820 года состоялось перемещение его в Дерпт. В дерптском университете до Бартельса преподавание математики носило, главным образом, элементарный характер, — Бартельс первый открывает регулярно повторяющиеся курсы по аналитической геометрии, дифференциальному и интегральному исчислениям, теоретической механике, наряду с прежними элементарными курсами по алгебре, плоской и сферической тригонометрии; последние годы Бартельс читал лекции даже по теории вероятностей и вариационному исчислению. Кроме того, Бартельс принимал деятельное участие в занятиях профессорского института, в котором завершали свое образование молодые ученые, стекавшиеся с разных концов империи, и из которого вышли многие выдающиеся профессора русских университетов.

Широкая и плодотворная деятельность Бартельса была высоко ценима товарищами и в 1833 году совет дерптского университета ходатайствовал о предоставлении ему звания заслуженного профессора и об оставлении его на службе на 5 лет, так как относительно «fortwährende ausgezeichnete Thatigkeit des Prasentirten, so wohl in wissenschaftlicher, als administrativer Hinsicht, bei allen Gliedern des Conseils nur eine Meinung herrschen konnte». Министерство удовлетворило ходатайство совета. Бартельс не дослужил пятилетия до конца: 7 декабря 1836 года он скончался.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804 — 1904 / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

БАРТЕЛЬС, Иоганн Мартин Христиан, профессор казанского и дерптского университетов, род. в Брауншвейге 12 августа 1769 г., ум. в Дерпте в ночь с 6 на 7 декабря 1837 г.; изучал право и особенно математику в гельмштадтском и геттингенском университетах, был доцентом математики в Геттингене, затем учителем в Арау (в Швейцарии) и в Брауншвейге. В 1805 г. получил приглашение в новооткрытый казанский ун-в., но явился туда только 15 февр. 1808 г. Во время своего двенадцатилетнего пребывания в Казани Бартельс успел положить прочное основание математическому преподаванию в этом университете. В 1821 г. он перешел в Дерптский университет ординарным профессором чистой и прикладной математики. Бартельс был корреспондентом Имп. акад.

наук. Перевел историю новейшей астрономии Baily, прибавив от себя примечания (2 части, Лейпциг, 1796 и 1797). Написал: *Disquisitiones quattuor ad theoriæ functionum analyticarum pertinentes*, Dorpat 1822. *Aperçu abrégé des formules fondamentales de la géométrie à trois dimensions* 1825 в *Memoirs presentés par divers savants à l'Académie de sciences de St.-Petersbourg*, tom. I, livr. 1. — *Vorlesungen ueber mathematische Analysis mit Anwendung auf Geometrie, Mechanik und Wahrscheinlichkeitslehre*. Dorpat. 1-stes Band 1833, 2-tes Band 1837 (труд остался неоконченным; второй том печатался уже после смерти автора).

Русский биографический словарь. Спб., 1900. Т.II.

БАРТЕЛЬС, Иоганн Мартин Христиан (*Iohann Martin Christian Bartels*), родился 12 августа 1769 г. (н.с.) в Брауншвейге. В течение трех лет Б. посещал Collegium Carolinum в родном городе. Два года Б. изучал юриспруденцию в Гельмштэде и столько же лет провел в Гэттингене, где посвятил себя изучению главным образом математических наук. По окончании университетского курса Б. сделался помощником учителя в частной школе Брауншвейга, и затем — профессором математики при семинарии в Рейхенау — в Граубюндене, состоявшей под дирекцией Неземанна. В числе учеников Бартельса в первой школе была знаменитый впоследствии математик Гаусс. Бартельс, имевший только 16 лет от роду, обратил внимание на математические способности своего гениального ученика, последнему было только 8 лет, стал вести с ним специальные занятия, и с тех пор между ними установилась самая тесная дружба. В 1807 г. 28 июня Б. был утвержден ординарным профессором чистой математики в Казанском универс. О деятельности Бартельса в этом универс. проф. Ваасильев говорит (речь на юбилее Лобачевского): «Благодаря Бартельсу, преподавание чистой математики в Казанском университете сразу стало на один уровень с преподаванием в лучших университетах Германии. Все классические сочинения того времени: дифференциальное и интегральное исчисления — Эйлера, аналитическая механика Лагранжа, приложение анализа к геометрии — Монжа, «*Disquisitiones arithmeticae*» — Гаусса, комментировались талантливым и начитанным Бартельсом. По собственным запискам читал Бартельс историю математики, развертывая перед слушателями величественную картину успехов человеческого духа в этой области». В Казанском универс. Бартельсу снова выпало на долю быть учителем другого знаменитого математика истекшего столетия — Н. И. Лобачевского. Последний занимался под руководством Бартельса не только во время прохождения студенческого курса, но и по окончании курса; он занимался у Бартельса на дому по четыре часа в неделю, изучая под его руководством *Disquisitiones arithmeticae* и первый том небесной механики Лапласа. Одной из обязанностей Лобачевского, оставленного при университете, было «споспешествование Бартельсу, как профессору чистой математики, в рассуждении больших успехов его слушателей, и объяснение последним того, что они не понимают». С 17 мая 1816 г. по 19 апр. 1818 г. Б. читал по поручению Совета лекции по астрономии, профессура которой была

вакантна. 11 августа 1820 г. в Совете Дерптского универс. было заслушано представление философского факультета об избрании на вакантную кафедру чистой и прикладной математики ордин. проф. Казанского универс. Бартельса, который известен как «*trefflicher Lehrer der Mathematik und als ein gewandter Geschäftsmann*». По баллотировке оказалось 18 полож. и 2 отриц. голосов. 15 сентября министерство утвердило Бартельса в звании ордин. проф. Дерптского унив. и предписало отпустить Бартельсу 1200 руб. на переезд. 6 января 1821 г. Бартельс приехал в Дерпт и вскоре приступил к отправлению своих обязанностей. Надо заметить, что с этого времени отделяется от кафедры чистой и прикладной математики кафедра астрономии, как вполне самостоятельная кафедра, и Бартельс читает лекции только по отделам чистой математики и теоретической механики, почти совсем не касаясь астрономии. До Бартельса преподавание математики носило главным образом элементарный характер: со времени основания универс. до конца 1810 г. были объявлены только два курса по высшей математике проф. Пфаффом; почти одновременно назначенные в 1811 г. Паукер (астрономом-наблюдателем и э.-о. профессором) и Гут (ордин. профессором чист. и прикл. мат.) прочли несколько курсов по высшей математике; наконец, астроном-наблюдатель и э.-о. профессор В. Струве с 1816 по 1820 гг. предложил семь курсов дифференциального исчисления с его приложениями к геометрии. Но только Бартельс открывает регулярно повторяющиеся курсы: по аналитической геометрии, дифференциальному и интегральному исчислениям, теоретической механике, наряду с прежними элементарными курсами: по алгебре, плоской и сферической тригонометрии; последние годы Бартельс читал лекции даже по теории вероятностей и вариационному исчислению. Кроме всего этого надо еще заметить, что Бартельс принимал деятельное участие в занятиях профессорского института, в котором завершали свое образование молодые ученые, стекавшиеся с разных концов Империи, и из которого вышло несколько выдающихся профессоров русских университетов.

В 1829 г. Бартельс объявил подписку на предполагаемое им издание: «*Mathematische Vorlesungen über höhere Analysis*», которая была представлена попечителем Д. округа министру. В этом объявлении указано, между прочим, что 1) все сочинение будет состоять не более как из 20 тетрадей, и что 2) издержки по изданию были бы уложены и сочинение вышло бы в свет, если бы казна подписалась на 150 экземпляров каждой тетради по цене 500 руб. за тетрадь, а всего на 10000 руб. асс. По недоразумению Б. счел подписку состоявшеюся, когда в действительности оказалось заказов только на 72 экземпляра; он издал первый том своего сочинения и понес, конечно, убытки, которые были отчасти возмещены, благодаря тому, что попечитель предписал приобрести несколько экземпляров для библиотек гимназий и окружных училищ. Два экземпляра первого тома сочинения Бартельса были приподнесены Императору и Наследнику, и автор был награжден бриллиантовым перстнем. Остальные два тома не были напечатаны.

3 апреля 1833 г. Бартельс, в виду имеющего исполниться двадцатипятилетия его профессорской службы, вошел в Совет с ходатайством о предоставлении ему звания заслуженного профессора на основании Высочайшего Указа от

9 ноября 1832 г. и об оставлении его на дальнейшую службу. Ректор Паррот послал это прошение при циркуляре, но профессора-теологи Сарториус и Буш опротестовали циркулярное решение этого вопроса и потребовали его обсуждения в Совете, а также указания срока, на который желательнее оставить профессора Бартельса на службе; остальные члены Совета высказались за ходатайство. Это циркулярное постановление было представлено попечителю, и, по разъяснении последним данного дела, Совет постановил (заседание 3 июня 1833 г.) ходатайствовать перед министерством о предоставлении Бартельсу звания заслуженного профессора и о позволении последнему читать лекции в следующем семестре. Это ходатайство было удовлетворено министерством.

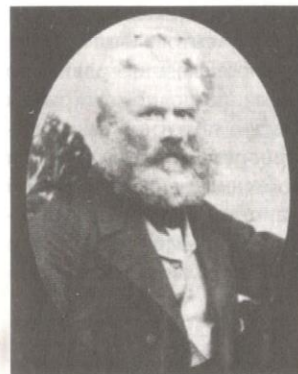
6 окт. 1833 г. философский факул. представил Бартельса Совету для оставления на 5 лет [...]. Профессора-теологи Клейнерт, Сарториус и Буш выставили в Совете кандидатуру проф. Митавской гимназии (бывшего астр.-набл. в Д. унив.) Паукера. 17 окт. 1833 года Совет произвел баллотировку кандидатов и Бартельс получил +19 и -2, а Паукер получил +4 и -17. 4 ноября министерство утвердило избрание Совета и предписало выдавать Бартельсу жалование орд. проф. помимо причитающейся ему пенсии. Бартельс не дослужил это пятилетие до конца — 7 декабря 1836 г. он скончался. Бартельс неоднократно был избираем деканом философского факультета как в Казанском, так и в Дерптском университете.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования: (1802—1902) / Под ред. Г.В. Левицкого. Юрьев, 1902. Т.1.

БРАУЕЛЬ, Фридрих Август, профессор ветеринарных наук. Родился в 1807 году, сын веймарнского придворного врача, доктор философии эрлангенского университета (1834 г.). Прибыв в Россию и удостоившись здесь, по экзамену, звания ветеринарного врача (1837 г.), 11 февраля 1838 г. назначен и.д. адъюнкта в Виленскую медико-хирургическую академию. 6 ноября 1841 года, по рекомендации начальства Виленской медико-хирургической академии, определен в Казанский университет и.д. адъюнкта по кафедре ветеринарных наук. Признанный С.-Петербургскою медико-хирургическою академиею старшим ветеринарным врачом (1843 г.), 12 января 1845 года утвержден в звании адъюнкта, а 17 сентября 1846 года — и.д. экстраординарного профессора.

3 мая 1848 года перемещен во вновь открываемое дерптское ветеринарное училище. Одновременно с этим упразднена в казанском университете особая кафедра ветеринарных наук, с заменю ее адъюнктукою при кафедре судебной медицины и медицинской полиции.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2.

БРАУН, Иван Осипович, профессор анатомии, физиологии и судебной врачебной науки. Происхождением — австриец; родился в 1777 или 1778 году и получил медицинское образование в Венском университете, удостоившись от него в 1802 году степени доктора медицины и хирургии и звания окулиста. Озабочиваясь замещением в Казанском университете медицинских кафедр, попечитель Румовский в конце 1806 года обратился к лейб-медику Франку с просьбою рекомендовать ему кандидатов. Франк обратил внимание Румовского на Брауна, служившего в то время в должности прозектора Виленской медико-хирургической академии, в которую он определен 18-го ноября 1803 года, по переселении в Россию при обстоятельствах, остающихся неизвестными. Браун принял приглашение Румовского и 15 мая 1807 года состоялось назначение его в Казанский университет на кафедру анатомии, физиологии и судебной врачебной науки, сделавшуюся свободною с увольнением, в ноябре предшествовавшего года, проф. Каменского. Предупреждая Брауна на счет отсутствия в университете необходимых анатомических и хирургических инструментов, Румовский тогда же переслал ему двести рублей для покупки таковых в Вильно или Москве; Брауну удалось приобрести в Москве только первые, хирургические же он предположил выписать из Вены, при посредстве своего друга, профессора Прохаски.

Отсутствие при Казанском университете анатомического театра тяготило Брауна уже с самого прибытия в Казань и последующая деятельность его отмечена неуспешными стараниями об устройстве этого необходимого учебно-вспомогательного учреждения; уже осенью 1807 года он представил в совет не только проект, но даже и план обширного анатомического института, которому не было суждено, однако, осуществиться и кафедре анатомии много лет приходилось довольствоваться временным и наскоро оборудованным помещением для анатомического театра. Приходилось Брауну считаться и с отсутствием материала для преподавания: нужно было обходиться кое-какими сухими препаратами, для препаратов же спиртовых не оказывалось ни спирта, ни необходимой посуды; не прекращались и постоянные хлопоты о доставлении трупов, начатые еще предшественником Брауна, Каменским. Немало огорчала Брауна как малочисленность, так, в особенности, неподготовленность его слушателей; бывали семестры, преимущественно в первые годы его деятельности, когда у Брауна оказывалось не более двух-трех слушателей, которым, за отсутствием материала, приходилось демонстрировать предметы чтений на препаратах из «безслесных животных: четвероногих, птиц, рыб и насекомых».

Браун был вторым после Яковкина, хотя и на очень непродолжительное время (8 июля 1813 г.—4 июля 1814 г.), инспектором студентов. В летописях университета память о профессоре Брауне связана, впрочем, с несравненно большею честью, выпавшею на его долю: он был первым, по полному открытию университета, выборным его ректором. Избранный в это почетное звание 4-го сентября 1813 года и утвержденный в нем 24-го февраля 1814 года, Браун вторично избран был в 1817 году и оставался ректором университета до самой своей кончины, последовавшей 8-го января 1819 года, почти накануне злосчастной ревизии Магницкого, до которой первый выборный ректор умер всего за несколько месяцев, не дожив до несчастья видеть разгром и унижение Казанского университета.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2.

Большими затруднениями было обставлено для профессора Брауна начало его преподавания. Он делал все, что мог и сколько позволяли ему средства, в той среде, где наука являлась случайною и где все преподавание медицины ограничивалось пока его лекциями. «Для сравнительной анатомии, писал он на первых порах своей деятельности, к покровителю моему Франку, я сделал несколько сухих препаратов; что же касается до препаратов, которые должны храниться в спирту, то в Казани вовсе нельзя найти для них стеклянной посуды. Все, что я мог сделать в этом отношении, состоит лишь в том, что я потребовал спирт и посуду. Если получу требуемое, то у меня не будет недостатка в препаратах, особенно по ихтиологии; но для меня будет большое счастье, если мне удастся получить эти предметы в течение года. Моя аудитория состоит из трех слушателей, которым я читаю по латыни физиологию Прохаски. Анатомических сведений у них вовсе нет, так как предшественник мой демонстрировал им строение человеческого тела по овцам. Я постараюсь изучить с ними отдельные органы, на сколько позволят те обстоятельства, чтобы дать им некоторые понятия об анатомии».

Браун по-видимому рассчитывал для себя в Казани на практическую деятельность, но на первых порах ее почти вовсе у него не было, да и потом он не пользовался в городе особенною славою, за исключением нескольких глазных операций. Любопытны его заметки в этом отношении: «Врач практик не делает себе фортуны здесь, так как русский человек вообще редко нуждается в медицине. Случится заболеть ему, — он идет в свою баню и заставляет натирать спину тертою редькою, или пьет огуречный рассол, прибавляя в него обыкновенно меду для лучшего действия; не поможет и это — пьет водку и тогда только шлет за доктором, когда смерть на носу. Здесь еще вовсе не знают разницы между врачом и фельдшером, так как ни один искусный врач не захаживал в эти страны, а если б и случилось что либо подобное, то господа штабные врачи, ставящие себя гораздо выше Гиппократы и выдающие себя за величай-

ших врачей в мире, вовсе не дадут ему хода. Из подобных людей состоит здешняя управа и весь практикующий цех. Моя практика ограничивается одною пока истерическою женщиною, да еще другою, у которой большая склонность к чахотке. Глазных пациентов еще не видал. Слава Богу, что жалованье в 2000 рублей на столько достаточно здесь, что освобождает от всяких расчетов на такие неверные источники дохода. Несмотря на то, что сначала все это произвело на меня в высшей степени неприятное впечатление, теперь я уже привык несколько, и, если расширится круг моих знакомых, я надеюсь совершенно быть довольным Казанью. К чему человек однако не привыкает!» А привыкать было конечно нелегко, так как условия казанской жизни не походили на те, посреди которых вырос Браун. Приведем еще описание города, сделанное им в одном из своих писем; оно любопытно, как наглядное изображение Казани более чем за семьдесят лет до нашего времени:

«Город расположен в остром угле, образуемом Казанкою, текущею с севера, и Волгою, в которую Казанка впадает. Последняя проходит под крепостью и до впадения своего в Волгу, течет по болотистому полю, покрытому кустарником на протяжении семи верст. Это поле, называемое лугом, летом служит для пастбы скота, а в сырые годы обращается в болото. Город очень велик, так что по объему не уступит Вене, но так раскинут по холмам и долинам, что в самом городе есть площади, напоминающие степи. Холмы большею частию состоят из глины: между ними водою вымыло глубокие овраги. Большая часть города лежит на болотистой равнине, на Юго-Запад, по направлению к Волге, и эта часть в свою очередь делится надвое длинным озером Кабаном (воду которого, за неимением лучшей, пьет целый город) и отводным каналом из него — Булаком, впадающим в Казанку. Другая часть города, к Северу, лежит на левом берегу Казанки. Большая часть города вообще расположена в болоте. Весною, вследствие разлива Волги до самого города, это болото становится озером, так что лодки с товарами по Булаку входят в самый город. Сверх того, частию внутри города, частию в его окрестностях, находятся еще пять озер, или лучше сказать — болот со стоячею водою. При здешних сильных жарах, вода загнивает и делает очень нездоровыми прилежащие части города. Дома по большей части выстроены из дерева, без этажей, притом весьма некрасивы и неудобны. Очень часто делаются они добычею пламени. Такой печальный случай был и сегодня: от 6 до 10 часов вечера два дома, со всеми принадлежавшими к ним строениями, обращены в пепел. Внутренние стены домов покрыты только известью; двери не притворяются плотно, замки весьма дурны, а печи никуда не годятся; погреба встречаются весьма редко. Кухни вообще удалены от главного строения, так как хозяйка считает за стыд появляться на кухне. Немногие каменные дома непрочны. Все они выстроены из кирпича, сделанного из одной глины и только на половину высушенного, почему он скоро выветривается, а дома смотрят развалинами. Только в крепости есть небольшой клочок мостовой, все же остальные улицы не вымощены. При сухой погоде можно еще ходить пешком, но в дождь или осенью нельзя обойтись без экипажа, особенно в низких частях города, куда стекает сверху вся вода и где грязь

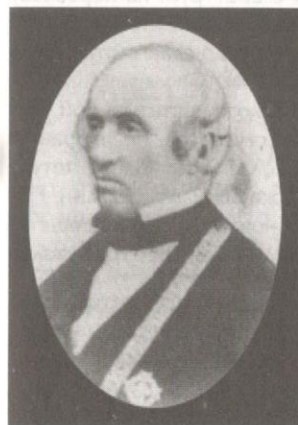
подымается до самых осей дрожек. Как скоро однако вода стекла, размягченная глина так пристает к колесам, что пара лошадей с большим трудом вытаскивает экипаж. В Казани до 17 т. жителей, но число это несколько уменьшается летом, когда помещики разъезжаются по деревням; зимою они возвращаются, чтоб повеселиться. Знатных фамилий, по европейским понятиям, между ними нет однако вовсе. Большая часть населения в городе состоит из Русских; Татар считается около 5 т.; они живут в особой части города; немецких семейств около ста; это по большей части ремесленники». Далее Браун сообщает цены на жизненные припасы, замечает, что в течении двух больших постов чрезвычайно трудно купить мяса; «за то иностранных вин много в Казани, но они большею частью представляют подделку: привозят плохое вино из Тамани и в большом употреблении шимлянское».

Любопытнее всего для нас на первых порах деятельности Брауна в Казанском университете должны бы быть его отношения к самовластному Яковкину, но об этом у нас мало сведений. Браун был «человеком характера чрезвычайно серьезного и стойкого», как выражается о нем его пасынок, профессор К.К. Фойгт, и весьма сдержанного и осторожного, прибавим мы от себя. Приехав в Казань вскоре после увольнения некоторых профессоров, так неудачно боровшихся с Яковкиным, он очень хорошо понимал свое положение, хотя и выражался об окружавшей его жизни несколько аллегорически: «Никогда ни один город, при первом знакомстве с ним, не производил на меня столь неприятное впечатление, как Казань, не по местоположению своему, которое весьма приятно, но потому что все здесь так сказать находится еще в муках рождения и потому каждый, владеющий двумя крепкими кулаками, думает о себе, что он призван быть помощником в этих родах, не смотря на слабость собственной головы. [...] Все это однако не должно охлаждать моего стремления быть полезным. Для меня это только предостережение и оно заставляет меня быть осмотрительным и осторожнее приниматься за дело, для того чтоб не погубить и ту частицу добра, которую я в состоянии принести».

Эти достоинства характера были причиною, что Браун в течение двенадцатилетней жизни своей в Казани успел приобрести всеобщее уважение, не только в среде близких ему немецких профессоров, для которых он был, по выражению Яковкина, «оракулом», но и между русскими, даже в городе, мало сочувствовавшем университету. Яковкин очень хорошо понимал, что рядом с ним, понемногу, вырастает в общем мнении человек нравственной силы, который должен сменить его и потому конечно старался представить его не в благоприятном свете в глазах Румовского. На первых порах он видимо расположен к Брауну: «от праводушия его, особенной ревности его к должности и откровенного беспристрастия здешний университет много доброго ожидать может», сообщает он попечителю (12 мая 1808 г.), но когда в конце 1810 года сделана была со стороны министра народного просвещения и попечителя неудавшаяся попытка дать самоуправление университету, и при избрании ректора большинство голосов соединилось в пользу Брауна, Яковкин видимо стал преследовать его. Он иначе не называет

Брауна как оракулом между немцами, его общество считает он «предосудительным», жалуется на его самолюбие, сообщает о его нетерпимом характере [...].

Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета: 1805—1819. СПб, 1904. Ч. 1.

БРОННЕР, Ксаверий Иванович (*Franz Xaver*), ординарный профессор теоретической и опытной физики. Родился 23 (12) декабря 1758 года, в придунайском городке Hochstadt, близ Аугсбурга, в семье бедного работника, и получил элементарное образование в женской монастырской школе и у кантора города, поступив затем (1769 г.) в иезуитскую семинарию соседнего города Диллингена. В 1773 г. перешел в духовную семинарию в Нейбурге; в 1776 г. послушник в монастыре св. Креста в г. Донауверте, где и пострижен через год в монахи бенедиктинского ордена. На средства последнего послан (1782 г.) в Эйхштэт, где, под руководством экс-иезуита Пикеля (*Ignaz-Balthazar Pisel*), бывшего профессора математики Диллингенского университета, тогда преподавателя лицея, занимался математическими науками, готовясь к преподавательской деятельности в Нейбургской коллегии. В 1782 году — диакон, в 1783 году — пресвитер, но, не перенеся монастырской жизни, бежал 29 (18) августа 1785 года в Цюрих, где служит наборщиком, сотрудничает в «*Zuercher Zeitung*» и получает папское разрешение от монашеских обетов.

Желая получить священническое место, Б. вернулся в Аугсбург и в 1786—1789 гг. исполняет разного рода обязанности в родном монастыре. В 1789 г. — платный регистратор духовной консистории, но начинает стремиться сложить с себя духовный сан, желая «испытать радости супруга и отца». Обвиненный в неблагонадежности, Б. спасается (1793 г.) снова в Цюрих, стремясь в республиканскую Францию — к роли «*pretre assermenté*», но, после разных неудач и опасностей на пути в Кольмар и обратно, занимается (1794 г.) в Цюрихе описанием городских естественно-исторических коллекций и редактирует (1794—1798 гг.) «*Zuercher Zeitung*». В 1799 г. Б. правитель канцелярии министра искусств и наук, затем министр (?) юстиции, а в 1804 г. преподаватель математики кантональной школы города Аарау.

Благодаря знакомству с казанским профессором Бартельсом, Б. получил в 1806 году приглашение на кафедру физики в только что основанный Казанский университет, но — отказался, справедливо указывая, что он еще не окончил своей диссертации и среди математиков является как бы «*ein namenloses Wesen*». Эти обстоятельства остались в силе, впрочем, до конца жизни Броннера. 10 сентября 1809 года Б., однако, обращается к попечителю Румовскому с письмом, прося в Казани кафедру физики и, особенно, математики, а 1 сентября 1810 года был

уже ординарным профессором теоретической и опытной физики в Казанском университете (преемником первого профессора физики в Казани — Запольского), куда и прибыл в октябре.

По прибытии в Казань, хлопотал о 6000 руб. на оборудование физического кабинета, тогда еще не отделенного от гимназического и бывшего в зачаточном состоянии; взамен этого получил 200 руб. на исправление приборов и мелочи. Более энергии Б. проявил, испрошав себе субсидию в 2927 руб. на перевозку своих коллекций из Швейцарии, обязавшись за это два года читать бесплатно курс минералогии (1812 г.). Это преподавание он продолжал до своего отъезда из Казани, но с 1815 года уже с вознаграждением.

28 мая 1812 года Б. — первый директор педагогического института при университете, а 4 июня 1814 года — инспектор казенных студентов, по избранию вновь сформированного совета. В 1816 г. продал свои коллекции университету, а в сентябре 1817 года уволен в отпуск на полгода, тогда же выехав из Казани. Получив продление отпуска до 1 ноября 1818 г., Б. просил нового продления еще на год, но, получив отказ, не вернулся в Казань, почему и был 11 мая 1820 года уволен от службы.

С 1818 года Б. снова преподаватель сначала математики, а позже естествознания в кантональной школе города Аарау. Приняв здесь протестанство, Б. 62-х лет от роду женился. В 1827—1842 гг. кантональный секретарь, в 1829—1846 гг. — городской архивариус. Ослепнув к концу 1846 года, продал свою библиотеку кантональному правительству за пожизненную ренту себе и жене.

Скончался 11 августа (н.ст.) 1850 года, в г. Аарау. Здесь есть «Bronners Promenade», а в зале библиотеки — бронзированный бюст Броннера.

Броннер был поэтом, моралистом-философом, педагогом, но не был ученым вообще, и менее всего — в области физики и математики. Его естественно-историческая научная деятельность выразилась разве лишь в издании метеорологических наблюдений в Казани и в переписке об устройстве громоотвода на местном пороховом заводе. Школьный учитель в Швейцарии, Б. таким же был и в Казани, оставаясь воспитателем казенных студентов и будущих учителей, а не профессором-ученым, какими были другие его товарищи-иностранцы.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

БРОННЕР (Франц-Ксаверий Bronner) — немецкий писатель, род. 1758 г., сначала хорист иезуитской коллегии в Диллингене, Б. затем, под именем Бонифация, сделался бенедиктинским монахом и посвятил себя изучению физики, механики, математики, философии, музыки и поэзии. В 1784 г. бежал под именем Иоанна Винфрида в Цюрих, где поступил нотным наборщиком. Здесь он издал: «Fischergedichte und Erzählungen» (3 т., Цюрих, 1787—94) и свою «Биографию» (3 т., 1795—97; нов. изд. 1810). Возвратившись к монастырской жизни в Аугсбурге, вскоре опять бежал в Аарау, где сделался преподава-

телем естественных наук. В 1811 г. Б. прибыл в Россию и преподавал до 1817 в Казанском университете педагогию. Затем возвратился в Аарау, принял протестанство и в 1830 назначен правительственным секретарем, архивариусом и библиотекарем. Кроме упомянутого, написал: «Der erste Krieg, in sechzig metrischen Dichtungen» (Аарау, 1810, 2 т.), «Abentheuerliche Geschichte Herzog Werner's von Urslingen» (1828), «Anleitung, Archive und Registraturen nach Leichtfasslichen Grundsätzen einzurichten» (1832), «Lustfahrten in's Idyllenland» (1833), «Der Canton Aargau» (2 т., 1844—45, Галлен) и др. Ум. в 1850 г.

Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1891. Т. 4а, полум 8.

Броннер был человек разностороннего, солидного образования. Кроме математических наук, он отлично знал минералогию, латинский язык, также французский и отчасти греческий, имел основательные сведения по истории, географии, статистике, пению, музыке, прекрасно владел стихом, играл на скрипке, хорошо был знаком с библиотечным и архивным делом. Но русский язык с большим трудом доставался Броннеру, как и остальным иностранным профессорам того времени, кроме Фукса, который, по свидетельству Броннера, говорил по-русски хорошо (fertig russisch zu reden weiss)*. Броннер, однако, сознавал крайнюю необходимость усвоить русский язык. «Мы, иностранцы, писал он в конце 1810 года Румовскому, могли бы приносить гораздо больше пользы, если бы были в состоянии свободно говорить по-русски... Для меня крайне необходимо, продолжает Броннер, выучиться постепенно говорить по-русски; этому делу ежедневно я посвящаю по два часа.» [...]

Как профессор, Броннер занимает видное место среди замечательных представителей возникшего университета. Он не имел столь громкого имени в науке, как Френ, Литтров, Бартельс, он не пользовался широкой популярностью в тогдашнем обществе, подобно Фуксу, Яковкину, Эрману и Брауну — он не прославил свое имя в истории Казанского университета, как образцовый для своего времени наставник-руководитель академического юношества, как человек, который готов был все свои силы посвятить бескорыстному служению добру и высшим целям развивавшегося рассадника академических знаний. [...]

Как организатор учебного дела и руководитель академического юношества, Броннер не имел себе равного среди тогдашних представителей университета. Он положил прочное начало умелому управлению Педагогическим Институтом, он развил и упорядочил организацию казенных студентов, ему университет обязан разработкой плана деления на факультеты, а казанская гимназия обнаружением крупных недостатков в сфере учебного дела. Энциклопедически образованный, он облегчил не одному студенту и кандидату успехи в специальных занятиях. «Я разрешил сомнения занимающихся, я указал, как следует приняться за дело», читаем в его заметках о научном общении с академическим юношеством. Будущие корифеи славной физико-математической школы Казанского универ-

* Bronner, Der Brand von Kazan, p. 72.

ситета — И. М. Симонов и Н. И. Лобачевский — обязаны ему не одним полезным указанием и веским словом в Совете университета и пред попечителем. Придерживаясь собственного правила: «das Gute nur mit sanftem Ernste durchzusetzen» — он, в общем, снисходительно относился к студенческим проступкам, руководствуясь тем, что «не следует слишком стеснять проявлений юношеского увлечения». [...] И молодежь ценила это правдивое, искреннее, чуждое мертвого формализма отношение. В среде тогдашнего академического юношества Броннер пользовался большим уважением и прочными симпатиями. [...]

Опытный в житейских отношениях, человек миролюбивых и трезвых наклонностей, Броннер, при всей стойкости своих убеждений, неподававшихся сомнительного достоинства компромиссам, умел ладить со всеми: в открытой вражде и раздоре он не состоял ни с одним из членов университетской корпорации. Поддерживая интимную и оживленную переписку с попечителем Румовским и Салтыковым, с влиятельным петербургским академиком Н. Фуссом, а также с Министром Народного Просвещения, графом Разумовским, Броннер, облеченный доверием этих особ, никогда не пользовался своим влиянием во вред своим противникам: Яковкину, Кондыреву, Лубкину и, в последнее время своей жизни в Казани, Солнцеву. [...]

В среде профессоров Броннер был близок с Бартельсом, Брауном, Френом, Литтровым, Эрмманом, а также с Томасом, у которого был крестным отцом вместе с женой ректора Брауна, Елизаветой Карловной, вдовой по профессоре Фойгте и племянницей академика Фусса. С популярным профессором Фуксом Броннер состоял в корректных отношениях, но к сообщениям его, касающимся городских новостей, относился с некоторым недоверием. [...]

Из всех профессоров старого Казанского университета, в первые двадцать лет его существования, Броннер был наиболее подготовлен к деятельности наставника-руководителя академической молодежи. Хорошо ознакомленный с бытом и нравами студенческой жизни, в период завершения своего образования в университетах Эйхштедском и Донаувертском, Броннер еще задолго до перехода в Казань был одно время, как мы уже отметили, горячим приверженцем ордена иллиуминатов, или совершенствующихся, убеждения и деятельность которых представляли много реального и поучительного в педагогическом отношении. Посвятив себя всецело распространению просвещения и нравственности, иллиуминаты, по словам «Автобиографии» Броннера, умели превосходно воспитывать юношей и направлять их в случае надобности. «К полезнейшим действиям иллиуминатского ордена принадлежали воспитательные институты, в которых давались степени новициата и минервала и которые были устроены для университетской молодежи». Светлое влияние иллиуминатства на нравственность, на пробуждение любви к знанию, к самостоятельному мышлению, к деятельности — Броннер описывает самыми яркими красками, указывая и на то, что при вступлении в орден ему были заданы два письменных сочинения на темы: «о средствах заставить молодого человека с особенным уважением относиться к изучению морали» и о том, «как пробуждать в юноше любовь к самостоятельному мышлению»? Разнообразные позднейшие влияния, которым подвергался Броннер в своей умствен-

ной жизни, не могли изменить первых наиболее живучих впечатлений юности — горячей любви к просвещению и воспитанию юношества, неизгладимо отразившихся в его душе в период иллиуминатства. Последовавшая затем деятельность Броннера в звании преподавателя математики и физики в центральной кантональной школе города Аарау, продолжавшаяся восемь лет (1802—1810 гг.) и предшествовавшая непосредственно его назначению в Казань — доставила будущему профессору русского университета возможность не только приложить свои специальные познания к делу обучения, но и выработать практически педагогические приемы, приобрести умение обходиться с молодыми людьми и навык изучать их характер и наклонности. [...]

Кроме указанного, другим важным условием успешной деятельности Броннера, как воспитателя юношества, следует признать его личные качества, выработанные собственным опытом, той суровой школы жизни, которую прошел будущий казанский профессор в самые ранние годы.

Нагуевский Д. Профессор Ф. К. Броннер, его дневник и переписка: 1758—1850. Казань, 1902.

БРЕЙТЕНБАХ, Филипп Леонтьевич, профессор технологии. Родился в 1770 году, в гор. Майнце. Образование получил в университетах Эрфуртском, Майнском и Гёттингенском, после чего служил на родине по судебному ведомству (1792—1801 гг.). В 1801 г. сделался профессором камеральных и финансовых наук в Эрфуртском университете. 22 октября 1811 года определен в Казанский университет ординарным профессором технологии, но прибыл в Казань лишь в начале сентября 1812 года. Весною 1817 г. поручается ему, впредь до назначения профессора этого предмета, временное преподавание «сельского домоводства и лесоводства». С 13 сентября 1817 г. по 5 июня 1819 год и. д. инспектора студентов.

Уволен из университета 5 августа 1819 г., при массовом увольнении из него Магницким профессором. Впоследствии директор С.-Петербургского лесного института (1821—1837 гг.), по преобразовании которого был причислен к министерству финансов. Выйдя в 1839 г. в отставку, умер в С.-Петербурге, в 1845 году.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

БЮНЕМАН, Генрих Людвиг, профессор прав естественного, политического и народного. Первый профессор правоведения в казанском университете; ганноверский уроженец, родился в 1752 году. Высшее образование и степень доктора прав получил в Гёттингенском университете. Бюнеман вступил в

русскую службу в 1778 году; начиная с 1786 года мы видим его в течении 15-ти лет в должности старшего преподавателя сухопутного благородного кадетского корпуса. Будучи уже в отставке, Бюнеман сам предложил попечителю Румовскому свои услуги по занятию в Казанском университете кафедры правоведения; Румовский, тшетно озабоченный в то время подысканием ученого, который мог бы положить начало преподаванию в университете юридических наук, принял его предложение и 1-го июля 1805 года состоялось назначение Бюнемана, в то время уже пожилого человека 53-х лет, профессором по кафедре прав естественного, политического и народного.

Преподавание Бюнемана не оставило по себе никаких следов в истории юридического факультета Казанского университета, да и сами студенты неоднократно предъявляли ходатайства об освобождении их от слушания его лекций, читавшихся на латинском и французском языках. «Был еще какой-то толстый профессор Бюнеман, — пишет С. Т. Аксаков, вспоминая о первых профессорах университета, — который читал право естественное, политическое и народное, на французском языке: лекций Бюнемана я решительно не помню, хотя и слушал его».

Не долго суждено было Бюнеману оставаться в положении первого представителя юридического преподавания в Казанском университете: он умер 30 июля 1808 года, от гангрены, появившейся на почве водянки.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2.

ВИНТЕР, Гельмут Богданович, профессор политической экономии и дипломатики. Высшее образование получил в галльском и гейдельбергском университетах, удостоившись от последнего степени доктора обоих прав. Долгое время был преподавателем немецкого языка и истории литературы в разных учебных заведениях Франции и Германии. 8 января 1834 года избран и 27 января утвержден ординарным профессором Казанского университета по кафедре политической экономии и дипломатики. В 1834 году только шесть слушателей оказывались в состоянии понимать его французские лекции, вследствие чего на действительного студента А. Е. Лазарева возложена обязанность переводить и изъяснять их студентам. С 17 сентября 1834 г. по июнь 1835 г. и с 17 ноября 1845 г. по день своей кончины нес должность декана факультета. В июне 1838 года освобожден от преподавания политической экономии и статистики, за назначением на эту кафедру И. Я. Горлова. Умер 9 октября 1847 года, от холеры.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2.

ВУТТИГ, Иоанн Фридрих, профессор химии, технологии и фармацевтики. Родился 22 марта 1783 года, в Саксонии. Получив высшее образование в Йенском университете и в Фрейбургской горной академии, приехал в Россию, где занял должность преподавателя химии в Виленском, а затем (с 1807 г.) в Дерптском университетах; в последнем удостоен степени доктора философии. 18 апреля 1808 года назначен в Казанский университет адъюнктом химии, технологии и фармацевтики, прибыв к должности 6 июля того же года. 16 января 1810 г. утвержден экстра-ординарным профессором. В июне 1810 г., продав университету свою библиотеку, уехал из Казани в отпуск, числясь в котором проживал в С.-Петербурге, где нашел себе занятия при лаборатории монетного двора.

21 февраля 1812 года уволен из университетской службы в отставку. По увольнении выехал обратно за границу, где был впоследствии доцентом Берлинского университета. Умер 23 апреля 1850 года.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ГЕРМАН, Мартин Готфрид, профессор латинского языка, литературы и древностей. Родился в 1755 году, в тюрингенском городке Киндельбрюке. Учился сначала в г. Нордгаузене, а затем в Гёттингенском университете, избрав своей специальностью классическую филологию. Изучение и развитие этой науки в Гёттингенском университете в ту пору стояло очень высоко, в лице руководителя тамошней филологической семинарии Христиана Гейне. В своих изданиях Эпиктета, Тибулла, Пиндара, особенно же Вергилия, Гейне указал новые пути для критики и эксегезы древних авторов, а в трудах, относящихся к афинскому мифографу Аполлодару, он впервые открыл и разработал основы научной мифологии путем исследования и разъяснения мифологических циклов, в их разнообразных проявлениях. Немало было сделано Гейне и для разъяснения культурной истории классических народов, особенно греческой. Он много способствовал популяризации сведений о древнем мире греков и римлян, разлив практическую сторону его изучения. Сделавшись слушателем Гейне, Герман всецело подчинился научным взглядам и приемам исследований своего учителя. Под руководством Гейне были написаны Германом те сочинения по греческой мифологии на немецком языке, которые сделали довольно известным имя его в ученых сферах Германии. Получив степень доктора философии в Гёттингене, Герман, однако, не успел пристроиться к профессуре. До своего переезда в Россию он состоял начальником учебных заведений (Institutsvorsteher) сначала в Гамбурге, а затем в Берлине (1800 г.).

Переселившись в Петербург, Герман обратил на себя внимание попечителя казанского учебного округа Румовского, как познаниями по римской словесности и языку, так и своим литературным и философским образованием.

26 апреля 1805 года он был утвержден ординарным профессором латинского языка и древностей в Казанском университете. Прибыв в Казань 31 июля 1805 года, Герман немедленно примкнул к оппозиционной светской партии Цеплина, Карташевского, Запольского (впоследствии Каменского), отстаивавшей самостоятельное развитие профессорской корпорации против самовластных притязаний тогдашнего главы университета Яковкина. Борьба оказалась неравной и, при разгроме совета в конце 1806 года, Герман 14 ноября был устранен от участия в заседаниях профессорской коллегии; вновь допущен 4 марта 1807 года. Лекции Германа состояли в чтении кратких курсов по римским древностям, истории римской литературы и интерпретации латинских авторов. Судя по образцам дошедших к нам его лекций, Герман, следуя приемам школы Гейне, не ограничивался простым, материальным ознакомлением своих слушателей с произведениями латинских авторов и римской жизнью, но отдавал преимущество широкому изучению древней культуры и глубокому уразумению духа и характера избранных для чтения творений. Но, в проведении этих задач своего преподавания, Герман встречал непреодолимое препятствие в том, что сам не знал русского языка и что языки латинский, французский и немецкий, на которых он мог сообщаться со своими слушателями, последние знали крайне недостаточно. Для действительного водворения классического образования в Казанском университете Герман в самом начале своей профессорской деятельности предлагал учредить филологическую семинарию, по образцу заграничных, а также поднять преподавание латинского языка в гимназиях, придав ему преимущественно практический характер. Но все старания его в этом отношении не имели желанного результата и Герман не успел образовать учеников.

В 1812 году Г. принял русское подданство, в 1813 и 1819 гг. был деканом словесного отделения, а в 1817—1819 гг. нес должность директора педагогического института. После смерти адъюнкта Левицкого (в начале 1807 г.) преподавал логику и психологию, пользуясь за это половинным вознаграждением.

При массовом увольнении Магницким профессоров, 5 августа 1819 г. был уволен «по старости лет», с сохранением половинного пенсионного и с производством в статские советники. После своего увольнения жил некоторое время в Петербурге, в большой нужде. В январе 1821 года определен членом саратовской евангелической консистории, получив место проповедника в колонии Ягодная Поляна, где и умер 16 декабря 1822 года, в большой бедности. Будучи семейным, он уже в первые годы казанской службы приобрел дом на Грузинской улице.

Ближайшим преемником Германа по кафедре была адъюнкт латинской словесности, воспитанник казанской духовной академии, Мих. Васильев. Полинковский (1819—1835 гг.).

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ГЕРМАН (Мартин-Готфрид, в Казани Мартын Иванович) — первый из приглашенных в Казань иностранных ученых (1754—1822). Получил известность своими трудами по греческой миф.: «Handbuch der Mythologie aus Homer und Hesiod» (с примечаниями Гейне, Берл., 1787—1795) и «Die Feste von Hellas, historisch-philosophisch bearbeitet etc.» (Берл., 1803). Оба труда Г. повторяют взгляды Гейне на символическое происхождение мифов и отличаются тем же аллегорическим их толкованием. Румовский, в 1805 году, пригласил его читать в Казанском универс. римскую словесность. Не зная русского яз., обязанный читать на латинском яз. перед студентами, едва знавший последний, Г. восстал против такого бесплодного преподавания. Предложения Г. улучшить преподавание латинского яз. встретили упорного противника в лице проф. Яковкина. Перед попечителем Яковкин намерения Г. выставил как «усилия к самоуправлению». Предложение Г. основать в Казани филологическую семинарию, по образцу гёттингенской, также не встретило сочувствия. После ревизии Магницкого Г. в 1819 г. уволен «по старости лет» и умер пастором в Саратове, в большой бедности. Ср. Н. Булич, «Из первых лет Каз. унив.» (Казань, 1887—1891).

Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1893. Т. 8а, полумтом 16.

ГОТВАЛЬД, Иосиф Федорович, профессор арабского и персидского языков.

ГОТВАЛЬД, Иосиф Федорович, профессор арабского и персидского языков. Родился 13 октября 1813 г., в г. Ратиборге (Силезия), сын чиновника. Получив начальное образование в гимназии родного города, в 1832 г. поступил в бреславский университет, которым в 1836 г. и удостоен степени доктора философии. Приехав в 1838 г. в Россию, 30 декабря 1841 г., благодаря протекции академика Френа, определен на службу в восточное отделение императорской публичной библиотеки и.д. библиотекаря; 16 июня 1844 г. утвержден в этой должности. 19 апреля 1846 г. привлечен к участию в трудах учрежденного при втором отделении собственной его и.в. канцелярии комитета для составления свода мусульманских узаконений.

12 сентября 1849 года назначен в казанский университет ординарным профессором арабского и персидского языков (вместо А. К. Казем-Бека). 24 января 1850 года определен библиотекарем университета — должность, в которой оставался до самого увольнения своего от службы (в 1897 г.) 1 июля 1855 г., при перемещении в с.-петербургский университет восточного разряда, оставлен по должности профессора за штатом, продолжая с тех пор службу при университете лишь в должности библиотекаря и (с 1855 г.) цензора вос-

точных сочинений. В 1855 г. сопровождал в Петербург транспорт книг и пособий, отошедших к петербургскому университету вместе с восточным разрядом. В 1855 г. принял русское подданство.

С 1857 г. по 1884 г. состоял начальником университетской типографии. С 11 ноября 1859 г. по 7 января 1862 г. Готвальду поручалось временное преподавание английского языка. С 1860 г. по 1875 г. нес обязанности казанского отдельного цензора. В 1861 г. баллотировался на восстановленную в Казанском университете кафедру арабского языка, но не получил большинства голосов (избран И. Н. Холмогоров). 27 мая 1895 г. избран почетным членом университета. 10 мая 1897 г. уволен, по болезни, от службы.

Скончался, в Казани, 7 августа 1897 года, завещав Казанскому университету свою библиотеку и собрание рукописей.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ГОТВАЛЬД Иосиф Федорович [...] родился 13 октября 1813 года в городе Ратиборе, Прусской Силезии; был он сын прусского чиновника, католического вероисповедания. Получив первоначальное образование в гимназии своего родного города, Иосиф Федорович в 1832 году поступил в число студентов Бреславльского университета по философскому факультету и специальным предметом своего изучения избрал восточные языки и литературы, выдающиеся постановкою преподавания коих тогда славился Бреславльский университет. Здесь при специальных занятиях семитическими языками И. Ф. пользовался руководством главным образом ориенталистов Хахихта и Бернштейна.

По окончании курса в 1836 году в Бреславльском университете и получив ученую степень доктора философии, И. Ф. в том же году принялся за научную обработку летописи умершего во второй половине X века Хамзы бен Хасан Аль-Исфгани, который написал хронолог царей и пророков. [...] Два единственных списка этой замечательной рукописи, обнимающей собою события истории Персии, Македонии, Рима, Греции, Аравии и Египта (до 961 года по Р. Хр.) хранятся в библиотеках Лейденского и Бреславльского университетов. Старательно изучив обе рукописи, И. Ф. стал готовить к печати результаты своих работ, и в 1844—1848 годах вышел в свет труд его, сделавшийся классическим и носящий заглавие «Hamzae Ispahanensis libri decem. Edidit I.M.E. Gottwaldt, doctor philosophiae. Lipsiae, 1844—48» (I том — араб. текст в 243+28 стр. и II — латин. перевод в 200+12 стр. 12°).

Затем И.Ф. занимался исследованием древних, сирийских рукописей, хранящихся в Бодлеанской библиотеке; результатом этих занятий было несколько статей палеографического характера, напечатанных в некоторых журналах по востоковедению. Из Германии И. Ф. переехал в Россию.

Когда он приехал в С.-Петербург, то труды его обратили на себя внимание знаменитого ориенталиста, академика Х. М. Френа, бывшего казанского профес-

сора, скончавшегося в августе 1851 года. Академик Френ рекомендовал Готвальда директору Императорской Публичной Библиотеки А. Н. Оленину (жившему в 1763—1843 годах) как ученого, достойного занять должность при восточном отделении библиотеки. Благодаря этой рекомендации Готвальд 30 декабря 1841 года был назначен исправляющим должность библиотекаря Публичной Библиотеки; 16 июня 1844 года был утвержден и библиотекарем. Время бытности Иосифа Федоровича библиотекарем Император. Публичной Библиотеки не прошло для него бесследно, так как он усиленно занялся изучением хранящихся здесь манускриптов: арабских, еврейских, персидских, сирийских и турецких. Результаты этого изучения были опубликованы тогда же в специальных журналах по востоковедению и привлекли на него, как на глубокого знатока восточных языков, внимание всего ученого мира. Кроме того И. Ф. в той же Публичной Библиотеке занимался разбором и списыванием: во-первых, средневековых папских булл на латин. яз., которые впоследствии и печатались в различных ученых изданиях; во-вторых, ливонских грамот XII и XIII веков на латин. яз., изданных впоследствии Буссе в его «Собрании ливонских и эстляндских актов», и, в-третьих, французских пергаментных актов (до XVIII века) и мн. др. Все эти собрания рукописей были большею частью впервые описаны Иосифом Федоровичем, который за свои труды по библиотеке и был удостоен 30 апреля 1846 года объявлением ему Высочайшего благоволения. За труды по разбору и списыванию эстляндских актов Рижское ученое Общество, называемое Gesellschaft fuer Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands, избрало Готвальда 16 октября 1844 года своим членом-корреспондентом, а за труды по востоковедению избрало его 1 мая 1846 года своим членом и Лейпцигское Общество Ориенталистов — Deutsche Morgenlandische Gesellschaft.

Как глубокий знаток мусульманской юриспруденции, И. Ф. в 1846 году был приглашен к участию в работах Комитета при II Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии для окончательного составления свода мусульманских узаконений. В работах этого Комитета И. Ф. с успехом участвовал три года (1846—1849). Помимо участия в работах названного Комитета И. Ф. продолжал и занятия восточной историей. В 1847 году вышел в свет его труд, озаглавленный «Notice d'un manuscrit arabe renfermant une continuation de l'histoire universelle d'Aboulfeda» и напечатанный в Парижском «Journal Asiatique» за 1846 год. Труд этот служит продолжением всеобщей истории, написанной князем Хамы, географом `Имаду`-дином Исма`илом Абу`ль-Фида, умершим в 1331 году по Р. Хр.

12 сентября 1849 года И. Ф. был определен на место переведенного годом раньше в С.-Петербург казанского профессора А. К. Казембека (умер. в 1870 году) ординарным профессором арабского и персидского языков в Казанский университет, в каковой должности и состоял вплоть до закрытия в этом университете отделения восточных языков, до первого июля 1855 года. В бытность профессором Казанского университета И. Ф. издал в 1851 году арабское сочинение [...], принадлежавшее «Алию бен Махмуд бен Мухаммед Ар-Раиду Бадахшанскому, который извлек его из книги Абу`ль-Касима `Имаду`-дина бен Ахмед Аль-Фараби (из г. Отрара), умершего в 1210 году.

После упразднения в Казанском университете отделения восточных языков И. Ф. не пожелал переходить в С.-Петербург и остался в Казани, где он еще 24 января 1850 года был назначен библиотекарем университета. В этой должности он пробыл вплоть до 10 мая 1897 года.

Перед учреждением в С.-Петербурге восточного факультета, когда восточные языки преподавались еще в Казани, И. Ф. стал описывать арабские рукописи, принадлежавшие Казанскому университету, и закончил свое описание с успехом. Это описание в 1854 и 1855 годах было напечатано полностью в университетском органе — «Ученых Записках».

Должность библиотекаря не мешала Иосифу Федоровичу нести и другие обязанности: 25 июля 1855 года он за свои глубокие знания был назначен отдельным цензором книг на восточных языках, с 26 января 1857 года по 6 мая 1884 года исправлял должность начальника университетской типографии, а с 11 ноября 1859 года по 7 января 1862 года преподавал в университете английский язык и английскую литературу. В бытность Иосифа Федоровича цензором восточных книг и начальником университетской типографии ни одна арабская или персидская книга не выходила без орфографических и исторических поправок в них, деланных по просьбам авторов и издателей опытной рукою почтенного ориенталиста. Многие рукописи с поправками и дополнениями Готвальда можно и теперь видеть в университетских архивах и библиотеке. Обладая опытностью в описании и чтении восточных рукописей, древних и новых, и состоя вместе с тем цензором книг на восточных языках и начальником типографии, в которой печатались эти книги, И. Ф. неустанно следил и за всеми новостями в области ориенталистики, о которых он и писал в специальных журналах; слыл затем тексты разных рукописей, особенно нигде не издававшихся научно, списывал и покупал даже издали наиболее интересные рукописи и, составив из них большую и ценную коллекцию, пожертвовал их в 1895 году Казанскому университету. [...]

За свои исторические, филологические и археологические труды И. Ф. был избран членом трех ученых учреждений: 12 мая 1862 года членом Пенсильванского Исторического Общества в г. Филадельфии, в 1870 году членом-корреспондентом Император. Академии Наук в С.-Петербурге и 24 февраля 1887 года действительным членом Император. Русского Археологического Общества в С.-Петербурге; в 1878 году он был также членом-учредителем Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии. В последнем Обществе он руководил членов, занимавшихся востоком, в чтении и датировании монет и рукописей, изготовленных на мусульманском востоке, нумизматические же сведения доставлял в С.-Петербургское Археологическое Общество, а в Академию Наук присылал отзыв о трудах по востоковедению, увенчанные соответственными наградами: за разбор сочинения Д. А. Хвольсона «Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах, арабского писателя X века Абу-`Алия Ахмеда бен `Омар Ибн-Даства» [СПб. 1869] Готвальд, при XIII присуждении Уваровских наград 25 сентября 1870 года удостоен золотой медали, такой же награды удостоен 12 мая 1851 года и при XX присуждении Демидовских наград за разбор сочинения Николая Торнау «Изложение начал мусульманского законоведения» [СПб. 1850] и,

наконец, за разбор сочинения А. Я. Гаркави «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, с половины VII до конца X века по Р. Хр.» [СПб. 1870] получил денежную премию. Разбор этих трех сочинений еще раз доказал, что Готвальд основательно знаком не только с арабским языком, но и с историей и юриспруденцией мусульманского востока.

Иосиф Федорович был вызываем также в С.-Петербург для обработки и издания обширного мусульманского кодекса, составленного в XI—XII вв. имамом шейхом Абу`ль-Касимом Аль-Мухаккыком и начатого печатанием бывшим казан. профессором А. К. Казембеком под заглавием «закона мусульман шиитского вероисповедания [...]» [СПб. 1862].

Эта работа, заключающаяся в проверке арабского текста и точном русском переводе, в печати до ныне не появлялась; она также имеется в числе рукописей, пожертвованных Казанскому университету, и в сем каталоге значится на стр. 227 и след. После того как И. Ф. прослужил при Казанском университете более четверти века, ему дали чин действ. стат. советника (31 декабря 1876 года). В качестве ориенталиста И. Ф. являлся представителем Казанского университета на четырех съездах ориенталистов: С.-Петербургском в 1876 г., Берлинском в 1881, Лейденском в 1883 и Стокгольмском в 1889. В 1886 году Иосифу Федоровичу вторично выслан от Бреславльского университета диплом на ученую степень доктора философии; выслан диплом во второй раз потому, что в названном университете существует обычай давать вторичные дипломы своим докторам, прожившим столетие со дня удостоения эту степенью в первый раз.

Несмотря на глубокую старость Иосиф Федорович до последних дней своей жизни занимался научными работами; так, в 1878 году он выпустил в свет «сборник мудрых изречений» [...] ходжи Ахмеда Асави (умер в 1166 году), в 1887 году выпустил второе издание, в 1893 — третье и 1896 — четвертое [...]. Каждое из этих изданий значительно разнится друг от друга объемом; самое полное — четвертое. До Готвальдовского издания Ясави был известен лишь небольшим стихотворениям, время от времени появлявшимся в сборниках разных восточных авторов, и из хрестоматии Вамбери (Лейпциг, 1867). Оригинал этого замечательного сборника и тщательные сопоставления его с текстом других списков находятся также в числе рукописей, подаренных Казанскому Университету [...].

Во все время пребывания в Казани Иосиф Федорович Готвальд помогал охотно всем, обращавшимся к нему за теми или другими разъяснениями: одним он помогал читать арабские, персидские и тюркские надписи на камнях, металлических зеркалах и монетах, другим давал разъяснения по части истории и юриспруденции востока и т.д. Чтением надписей на камнях, находимых в районе бывшего на Волге Болгарского Царства, И. Ф. твердо установил, что большую часть болгарских древностей (монет, камней с надписями и зданий) нужно считать памятниками именно монгольского периода в истории Поволжья, а не более древнего. Помощь Иосифа Федоровича не ограничивалась Казанью, она выходила далеко и за пределы ее; так, ориенталист В. В. Вельяминов—Зернов при проверке для своего «Джагатайско-турецкого словаря» ци-

тат из стихов разных авторов, писавших по-джагатайски, наткнулся на имя некоего Мир-Хайдера, но сочинений его не нашел нигде. Узнав об этом, И. Ф. благодаря обширному знакомству с мусульманскими учеными Средней Азии разыскал вскоре же сочинение «Сокровишница тайн» [...] и, издав его полностью в 1858 году [...], доказал, что оно принадлежит не кому иному, как Мир-Хайдеру, жившему в XI веке. Через 3 года после этого в пособие лицам, желающим изучить коран и древне-арабскую литературу, И. Ф. издал «Опыт арабско-русского словаря», поместив его в «Ученых Записках» за 1861 год. [...]

После пожертвования рукописей [...] Иосиф Федорович Готвальд, согласно представлению Историко-Филологического Факультета от 26 мая 1895 года за N 90-м, в заседании Совета, состоявшемся на другой же день, единогласно был избран за свои научные труды в области востоковедения и продолжительную (46 лет) службу при университете в почетные члены университета. В этом звании он прослужил библиотекарем еще 2 года и затем по болезни вышел в отставку (10 мая 1897 года); вскоре же после этого, 7 августа того же года, скончался в Казани.

После смерти Иосифа Федоровича Готвальда дочь его Иозефина Иосифовна Крелленберг, исполняя волю отца своего, поручившего ей передать в дар Императорскому Казанскому университету оставшиеся после него книги, препроводила их в университет в 10 громадных ящиках. Так как при этих книгах не оказалось ни каталога, ни списка, то г. Ректор университета отношением от 3 сентября 1897 года за N 2299-м и Совет университета отношением от 18 сентября того же года за N 2650-м поручили нижеподписавшемуся разобрать, привести в известность и расценить содержание упомянутых 10 ящиков. Поручение это было исполнено и результаты работы по разборке книг были доложены Совету в заседании 13 февраля 1899 года. [...]

Катанов Н. Биография И. Ф. Готвальда. Казань, 1900.

КАМБЕК, Логин Федорович, профессор римского права, а затем общенародного правоведения и дипломатии. — Родился в 1796 г., «из ученого звания», как говорится в его формулярах. Службу начал (5 марта 1812 г.) канцеляристом курляндского губернского правления, но уже в январе 1813 г. поступил в митавскую гимназию, а затем слушал лекции в университетах Берлинском и Гёттингенском. 30 июля 1820 г. получил степень доктора прав. Неслужбы секретаря перновского (с марта 1824 г.) и члена дерптского (с ноября 1827 г.) магистратов, синдик дерптского магистрата и председатель местного фохтейского суда (с мая 1831 г.). 19 мая 1836 г. назначен инспектором нижегородской гимназии. 18 августа 1837 г. избран и 14 октября утвержден адъюнктом правоведения в Казанский университет, с поручением преподавания пандект и местных прав. 27 апреля 1839 г. министр отказал в утверждении его доктором правоведения. Назначение (1841 г.) конкурса по кафедре римского

права. В июне 1842 г. получает «строгое замечание» попечителя за постоянные ходатайства о перемещениях (по поводу его ходатайства о перемещении инспектором Ришельевского лицея). В январе 1849 г. попечитель отказывает Камбеку в испытании и в диспуте, на степень доктора, на немецком языке. В 1850 г. предпринимает неудавшуюся попытку перейти на службу в цензурное ведомство. 26 октября 1852 г. утвержден в степени доктора юридических наук, 15 июля 1853 г. — в должности ординарного профессора по кафедре римского права. 3 мая 1855 г. перемещен (по случаю определения в Казанский университет проф. Мейкова) на кафедру общенародного правоведения и дипломатии. Уволен от службы 10 ноября 1855 г.

Деятели Имп. Казанского университета: 1805—1900. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского университета за первые 95 лет его существования / Составил проф. Н. П. Загоскин. Казань, 1900.

KNOPP, Эрнест Августович, профессор физики и физической географии. Родился 23 (11) ноября 1805 года, в г. Герцберге (Саксонская провинция); доктор философии и магистр свободных наук Берлинского университета (1830), был некоторое время преподавателем Иохимштальской гимназии в Берлине. При ближайшем содействии А. Гумбольдта определен 24 декабря 1832 года ординарным профессором физики Казанского университета (преемником проф. Купфера). Вскоре после приезда (9 июня 1833 г.) проявил энергичную деятельность по приведению в устройство физического кабинета и организации метеорологических наблюдений в бассейне Волги. При нем выстроено отдельное здание для физики и химии (1838 г.) и на крыше здания помещена метеорологическая обсерватория, имевшая даже самопишущий термометр изобретения самого К-а, действовавший в 1842—1844 годах.

Летом 1836 года К. совершил ученое путешествие по востоку России для магнитных и метеорологических наблюдений, а 1 августа 1837 года, при преобразовании университета согласно новому уставу, оставлен ординарным профессором по кафедре физики и физической географии. В 1840 г. командирован за границу для приобретения физических приборов для университета. По собственным словам К., физический кабинет Казанского университета в эту эпоху представлял собою «один из богатейших кабинетов Европы, уступая только кабинетам: парижскому в College de France и кабинету Венского университета, из которых первый превосходит его дороговизной, а второй числом своих физических инструментов».

В 1842 году К. командирован в Пензу для наблюдения полного солнечного затмения, а летом 1843 года снова совершает ученое путешествие по северо-во-

сточным губерниям для обозрения замечательных в физическом, метеорологическом и геогностическом отношениях пунктов Уральского хребта.

31 января 1846 года перемещен в университет св. Владимира, причем 30 апреля того же года избран членом-корреспондентом Казанского университета. В Киеве К. был (1855—1858) также преподавателем физики в институте благородных девиц. Под его руководством и наблюдением выстроена метеорологическая обсерватория университета св. Владимира.

В 1858 году К. вышел заслуженным профессором в отставку и жил потом в Дрездене.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

Метеонаблюдения были введены в 1834 г. в гимназиях Казанского учебного округа, как обязательные занятия преподавателей физики.

Бывший тогда попечитель округа М. Н. Мусин-Пушкин поручил проф. Кнорру, вследствие его предложения, установить постоянные метеорологические обсерватории при некоторых гимназиях и уездных училищах округа, в особенности же в городах по реке Волге, снабдив их необходимыми инструментами и дать наблюдателям должную инструкцию для производства наблюдений. По рассылке инструментов, сам проф. Кнорр, в 1836 г. посетил все метеорологические станции, лежащие на Волге; на этих станциях он занимался сравнениями инструментов и определениями высоты места наблюдений и лично руководил в производстве наблюдений, которые с этого времени приняли правильный ход.

Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск. 1898.

КРАЗЕ, Иван (до 1821 г. — Карл) Федорович, адъютант французской словесности. Прусский уроженец, родился около 1787 года и, прибыв в Россию в 1811 году, в том же году выдержал при Казанском университете испытание в знании французского и немецкого языков, после чего он «обучал, — как свидетельствует его послужной список, — во многих частных домах юношество наукам и языкам». 9-го октября, при обстоятельствах, остающихся неизвестными, Краузе утвержден лектором французского языка в Казанском университете, с апреля 1819 года заняв французский класс и в гимназии. При ревизии университета в 1819 году, Краузе удостоился особого одобрения Магницкого, благоволившего к нему во все время своего попечительства, и 23-го марта 1821 года ему, кроме собственной должности, поручена была должность лектора немецкого языка вместо Лейтера, уволенного вследствие отзыва об его «неблагонадежности»; эта вторая лектура была предоставлена Краузе попечителем как в виду хорошего знания им немецкого языка, так и в уважение его «христианс-

кого образа мыслей», выразившегося, быть может, в принятии им православия, причем он переименовал и свое прежнее имя Карла, на новое имя — «Иван». 27-го сентября 1824 года Краузе, по предложению Магницкого, избран был советом (утвержден 26-го ноября) адъюнктом французской словесности, — т.е. по кафедре, совершенно непредусмотренной университетским уставом 1804 года, — с сохранением за ним и должности лектора немецкого языка (от должности лектора французского языка он был уволен еще 7-го мая того же года). Кроме преподавания, Краузе с марта 1825 года нес обязанности секретаря цензурного комитета, с 13-го января 1826 года — секретаря отделения словесных наук, с марта того же года — члена издательного комитета; в начале 1826 года состоял членом комитета по разборке университетской библиотеки.

Окончание университетской службы Краузе стояло в ближайшей связи с ревизией университета, произведенною в 1826 году генерал-майором П.Ф. Желтухиным и имевшею своим последствием увольнение и отдачу под суд попечителя Магницкого. Участие, принятое в ту пору Краузе, в интересах своего покровителя Магницкого, в обстоятельствах этой ревизии, было причиною увольнения Краузе от службы предложением министра от 12-го мая 1826 года, в качестве «человека, оказывающего дурное свойство, по которому не может быть терпим в учебном заведении» вследствие своих «нелепых и клеветнических отзывов». В этом смысле и было ему выдано увольнительное свидетельство, о перемене которого Краузе безуспешно хлопотал, через попечителя Казанского округа, уже в 1836 году. Впоследствии служил в должности инспектора Лазаревского института восточных языков.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

КРЮГЕР, Карл Иванович, лектор немецкого языка. Родился в 1813 году, доктор философии Тюбингенского университета. 28 сентября 1842 года определен в Казанский университет сверхштатным лектором немецкого языка. По болезни проф. Шарбе, 11 сентября 1843 г. временно поручено ему преподавание латинского языка, но бестактное письмо его к попечителю, вызванное претензией Крюгера по поводу объявления по этой кафедре конкурса, было причиною увольнения его 6 февраля 1844 года от службы.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ЛЕЙТЕР, Иван Федорович, лектор немецкого языка. Родился в 1770 году, саксонский уроженец, образование получил в Лейпцигском университете. Прибыв в 1789 г. в Россию, занимался образованием в частных домах. В 1805 и 1811

гг. тщетно домогался звания лектора Казанского университета. Учитель высшего французского класса в казанской гимназии (март 1811 г.—февр. 1819 г.). 4 июля 1812 года поручена должность лектора немецкого языка в Казанском университете, в которой и утвержден 10 октября того же года. Уволен 18 июля 1821 года, вследствие сомнения Магницкого в его благонамеренности. Оставил по себе память в качестве содержателя лучшего в г. Казани пансиона для мальчиков.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ЛИТТРОВ, Иосиф Антонович (*Ioseph Samuel Lytloff*, изменивший впоследствии свое имя в *Ios. Iohann Littrow*), профессор астрономии. Первый профессор астрономии Казанского университета, известный немецкий ученый, Л. родился 1 марта 1781 года, в богемском городке Bischof-Teinitz^e. Здесь он получил первоначальное образование, а когда ему исполнилось 13 лет, был послан отцом в Прагу, где учился сначала в гимназии, а затем (1799—1803) в университете. Годы его пребывания в университете и следующие за ними, до 1807 года, отмечены долгим колебанием между разными специальностями: мы видим его с успехом изучающим древние языки (еще в гимназии), математику, философию природы, право, богословие; видим его с 1803 г. домашним учителем в богатых семействах в Силезии и в Вене. Одно время он даже хотел поступить в монастырь... Счастливый случай свел его с директором венского реального училища I. Hall^eм; по его совету Л. стал заниматься астрономией — и здесь нашел свое призвание. Это было в 1807 году. Он стал посещать венскую обсерваторию, начал работать самостоятельно. Уже в ноябре этого года краковский университет пригласил его профессором астрономии и высшей математики. Он мог работать здесь лишь до 1809 года, когда Краков был занят русскими войсками: стесненное положение города и вскоре последовавшее присоединение его к Варшавскому герцогству заставили подумать о другом месте, более удобном для научных работ. В августе 1809 года Л., в письме к главнокомандующему кн. Голицыну, выразил желание перебраться в Россию. Как раз в это время Румовский желал иметь профессора астрономии для вновь открытого в Казани университета и уже в сентябре послал Л. приглашение занять здесь кафедру. Л. согласился и, после долгой предварительной переписки, 7-

го января 1810 года покинул Краков. Лишь 13 марта прибыл он в Казань, официальное же назначение получил только 31 марта.

Все время пребывания Литтрова в Казани, — где он, конечно, не нашел не только обсерватории, но даже удовлетворительных инструментов* и нужных книг, — отмечен стараниями поставить дело преподавания астрономии настолько высоко, чтобы университет мог выпускать астрономов вполне подготовленных для работ на больших обсерваториях. Поэтому он тотчас же возбудил ходатайство о приобретении необходимых инструментов (часов Зейферта, круга Борды, двухфуттового квадранта, хронометра) и книг, начал отыскивать помещение для устройства обсерватории и, найдя подходящую для этой цели каменную беседку** в ботаническом саду университета, стал хлопотать о перестройке ее в обсерваторию. 17 июля 1810 г. он писал, между прочим, Боде: «Обсерватория будет строиться, план ее составлен и одобрен... Румовский, старейший служитель (Priester) астрономии в России, прилагает все старания, чтобы снабдить ее хорошими инструментами. Так как я не имею часов, то мои занятия ограничиваются лишь чтением лекций»***. Хлопоты Л. не сразу привели к желаемым результатам, — отечественная война прервала сношения с западом и истощила казну. До 1814 года Л. должен был ограничиться имевшимися при его приезде инструментами, да квадрантом Румовского, присланным из академии наук в 1811 году; с ними обучал он своих слушателей производству астрономических наблюдений. В № 21-м «Казанских Известий» за 1811 г. помещены первые наблюдения, сделанные в Казани: начиная с 30 августа этого года, Л., вместе с двумя своими лучшими учениками, Лобачевским и Симоновым, наблюдал из окон канцелярии совета большую комету 1811-го года. Преподавательская деятельность Л., как замечено выше, выражалась, главным образом, в чтении лекций по теоретической астрономии, а научная — целым рядом статей, помещенных в мемуарах академии наук, членом-корреспондентом которой он состоял с 22 декабря 1813 г., и в других специальных журналах и сборниках.

В 1814 году явилась, наконец, возможность устроить обсерваторию в упомянутой сторожке ботанического сада. В июле правление получило предписание об устройстве обсерватории; постройка была поручена сначала Л., проф. Арнгольду и Симонову, затем правление само взялось за дело, но не надолго: все дело было поручено вскоре одному Л. В половине ноября постройка была закончена, а в декабре Л. получил особую благодарность попечителя за успешное окончание постройки обсерватории. Об этой провизорной обсерватории Л. писал Боде еще 22 октября 1814 года: «Наконец, после почти пятилетних ожиданий, будет в нашем университете устроена обсерватория. Еще до наступления зимы будет окончен новый, самый восточный в Европе, храм Урании. Следует принести искреннюю благодарность нашему прекрасному попечителю Салтыкову и снискавшему всеобщую любовь ректору Брауну за их содействие в этом деле. Обсерватория

* Ему были переданы из физического кабинета гимназии: квадрант, телескоп Грегори, компас и труба Доллонда, подаренная Румовским.

** Вернее — сторожку.

*** *Astronomisches Jahrbuch für des Jahr 1814*, стр. 140—141.

представляет из себя башенку 10-ти аршин высотой и имеющую в основании четырехугольник в 9 кв. аршин; она утверждена на прочном старом каменном строении, имеющем балкон на юг; в западном углу балкона находится маленький домик с подвижной крышей. Крыша наблюдательного зала прорезана в направлении меридиана, а высокие окна и положение обсерватории, — на горе, в середине ботанического сада, — господствующее над городом, позволяют видеть небо по всем направлениям. Инструментов мы имеем пока мало. Кроме прекрасной 6-ти футовой трубы Доллонда с гелиометром, остальные не имеют значения. Ожидаем полный круг Баумана, который уже прошел через границу, и получена сумма на приобретение английских часов, Годлеева секстанта и пассажного инструмента». Во всяком случае, еще в 1814 году Л. мог, вместе со своим адъютантом Симоновым, начать точные наблюдения, а в мемуарах академии наук за 1815 г. мы находим уже точное указание широты казанской обсерватории (Л. дает $55^{\circ}47'28''$). Историку университета, проф. Н. П. Загоскину, удалось установить, что обсерватория Л. помещалась в том небольшом каменном домике к востоку от настоящей обсерватории, в котором живут теперь обсерваторские служители.

Деятельность Л. в Казани не ограничилась научными и педагогическими трудами. Он был одним из деятельных членов совета, в 1813 г. состоял членом университетского комитета по организации выборов, в 1814—15 гг. был членом училищного комитета. Среди профессоров Л. пользовался большой популярностью: при первых выборах ректора он получил одинаковое число голосов с Брауном**. На первых порах частые столкновения с профессором-директором Яковкиным делали его пребывание в Казани тяжелым, но по вступлении в должность попечителя Салтыкова миновали все неприятности и жизнь Л. потекла так благополучно, что, впоследствии, он вспоминал о годах, проведенных в Казани, как о лучших годах своей жизни. Материальное положение Л. было вполне обеспечено, чему много способствовал частный пансион, открытый им в 1814 году. Лишь суровый казанский климат, да прорывавшаяся временами тоска по родине — побуждали его оставить Казань. Еще в 1815 году Л. получил предложение от директора новой обсерватории в Офене, Пасквича, служить вместе с ним в качестве второго директора и, впоследствии, его преемника. В феврале 1816 года Л. подал прошение об отпуске к баденским минеральным водам; между тем, переговоры с Пасквичем были окончены и в апреле Л. ходатайствовал об увольнении его с русской службы. 25 мая 1816 года он получил отставку, а 31 числа уже уехал из Казани. В ближайшем после его отъезда заседании совета (7-го июня) университет провозгласил его своим почетным членом.

Мечты Литтрова сбылись: он снова был на родине, но скоро ему пришлось пожалеть о службе в Казани. Обсерватория в Офене была построена на высокой горе, вне города, дом для жилья еще не был готов, Л. должен был жить в самом городе. Полная невозможность наблюдать и постоянные неприятности с Паскви-

чем побудили Л. обратиться с просьбой о месте ко многим известным астрономам и к русскому правительству*. Отношения с Пасквичем стали еще хуже, когда в апреле 1818 года Л. переехал на обсерваторию. Там он увидел все недостатки дорогостоящей обсерватории: не было воды, сообщение с городом было в высшей степени затруднительно, а временами даже прерывалось; сырость портила инструменты и вредно отзывалась на здоровье обитателей обсерватории, инструменты были все в плохом состоянии...

Между тем еще в январе 1817 года освободилось место директора Венской обсерватории; понятно, что Л. был очень обрадован, когда в июне 1819 года он был приглашен в Вену. Здесь его деятельность достигла полного расцвета: он постоянно помещал в специальных журналах статьи теоретического содержания и свои наблюдения, начал издание анналов Венской обсерватории, издал ряд руководств (даже по математике), по которым училось несколько поколений. Кроме этого, здесь он начал заниматься литературой (к ней он чувствовал влечение еще на школьной скамье), популяризуя любимую науку. На последнем поприще он должен быть признан пионером: его «Die Wunder des Himmels» — не устарели до сих пор, а его популярные статьи, помешавшиеся в различных периодических изданиях, производили сильное впечатление. В двадцатых годах Литтров оказал содействие Казанскому университету при покупке новых инструментов для обсерватории, за что и был награжден русским орденом.

Скончался 18 ноября 1840 года, в званиях почетного члена многих университетов и ученых обществ.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ЛИТТРОВ, Иосиф Антонович, первый профессор астрономии Казанского университета, родился 1 марта 1781 г. в богемском городке Bischof-Teinitz^е. Здесь он получил первоначальное образование, а когда ему исполнилось 13 лет, был послан отцом в Прагу, где учился сначала в гимназии, а затем (1799—1803) в университете. Годы его пребывания в университете и следующие за ними, до 1807 года, отмечены долгим колебанием между разными специальностями: мы видим его с успехом изучающим древние языки, математику, философию природы, право, богословие; видим его с 1803 г. домашним учителем в богатых семействах в Силезии и в Вене. Одно время он даже хотел поступить в монастырь. Счастливый случай свел его с директором венского реального училища Галлем; по совету его,

* Astron. Jahrbuch, 1818, стр. 163—164.

** Его биограф — сын говорит, что Л. тотчас же известил министерство о своем нежелании быть ректором (Verm. Schriften, III, стр. 576); мы не нашли в истории университета подтверждения этого.

* Сын Л., в своей биографии отца (Verm. Schr., стр. 583, т. III), говорит, что Л. получил в это время приглашения в Казань, Москву и Харьков, но отклонил их (тотчас же два первых, а потом и последнее), надеясь, что Пасквич уйдет в отставку и желая остаться во что бы то ни стало на родине. Проф. Н.П. Загоскин установил по делам минист. нар. прос., что Л. сам просился на службу в Россию. Очевидно, в биографии Л. повторяется такая же ошибка, какую делает биограф, когда несколько выше говорит, что Л. долго колебался принять предложение Румовского относительно профессуры в Казани (I. с., р. 572).

Литтров стал заниматься астрономией, и здесь нашел свое призвание. Это было в 1807 г. Он стал посещать венскую обсерваторию и скоро, благодаря хорошей математической подготовке, начал работать самостоятельно.

Уже в ноябре этого года Краковский университет пригласил его профессором астрономии и высшей математики; но он мог работать здесь лишь до 1809 г., когда Краков был занят русскими войсками; стесненное положение города и вскоре последовавшее присоединение его к Варшавскому герцогству заставили подумать о другом месте, более удобном для научных работ. В августе 1809 г. Литтров, в письме к главнокомандующему кн. Голицыну, выразил желание перебраться в Россию. Как раз в это время Румовский желал иметь профессора астрономии для вновь открытого в Казани университета и уже в сентябре послал Литтрову приглашение занять здесь кафедру. Литтров согласился и после долгой предварительной переписки, 7 января 1810 г., покинул Краков. Прибыл он в Казань 13 марта, официальное же назначение получил 31 марта.

Все время пребывания Литтрова в Казани, где он, конечно, не нашел не только обсерватории, но даже удовлетворительных инструментов и нужных книг, — отмечено стараниями поставить дело преподавания астрономии настолько высоко, чтобы университет мог выпускать астрономов вполне подготовленных для работ на больших обсерваториях. Поэтому он тотчас же возбудил ходатайство о приобретении необходимых инструментов и книг, начал отыскивать помещение для устройства обсерватории и, найдя подходящую для этой цели каменную беседку в ботаническом саду университета, стал хлопотать о перестройке ее в обсерваторию. Хлопоты Литтрова не сразу привели к желаемым результатам: Отечественная война прервала сношения с Западом и истошила казну. До 1814 г. Литтров должен был ограничиться имевшимися при его приезде инструментами да квалрантом Румовского, присланным из Академии Наук в 1811 г.; с ними обучал он своих слушателей производству астрономических наблюдений. Преподавательская деятельность Литтрова выражалась в чтении лекций по теоретической астрономии, а научная — целым рядом статей, помещенных в мемуарах Академии Наук, членом-корреспондентом которой он состоял с 22 декабря 1813 г., и в других специальных журналах и сборниках.

В 1814 году явилась, наконец, возможность устроить обсерваторию в упомянутой каменной беседке ботанического сада. В июле правление получило предписание об устройстве обсерватории; постройка была поручена сначала Литтрову, проф. Аригольду и Симонову, затем правление само взялось за дело, но не долго: все дело было поручено вскоре одному Литтрову. В половине ноября постройка была закончена, а в декабре Литтров получил особую благодарность попечителя за успешное окончание постройки обсерватории. Еще в 1814 г. Литтров мог, вместе со своим адъюнктом Симоновым, начать точные наблюдения, а в мемуарах Академии Наук за 1815 г. мы находим уже точное указание широты казанской обсерватории.

Деятельность Литтрова в Казани не ограничилась научными и педагогическими трудами: он был одним из деятельных членов совета, в 1813 г. состоял членом университетского комитета по организации выборов и в

1814—15 гг. был членом училищного комитета. Среди профессоров Литтров пользовался большою популярностью: при первых выборах ректора он получил одинаковое число голосов с Брауном. На первых порах частые столкновения с профессором-директором Яковкиным делали его пребывание в Казани тяжелым, но по вступлении в должность попечителя Салтыкова миновали все неприятности, и жизнь Литтрова потекла так благополучно, что впоследствии он вспоминал о годах, проведенных в Казани, как о лучших годах своей жизни. Материальное положение Литтрова было вполне обеспечено, чему много способствовал частный пансион, открытый им в 1814 г. Лишь суровый казанский климат да прорывавшаяся временами тоска по родным побудили его оставить Казань. Еще 1815 г. Литтров получил предложение от директора новой обсерватории в Офене, Пасквича, служить вместе с ним в качестве второго директора. В феврале 1816 г. Литтров подал прошение об отпуске к баденским минеральным водам; между тем переговоры с Пасквичем были окончены, и в апреле Литтров ходатайствовал об увольнении его от русской службы. Получив 25 мая того же года отставку, он 31 числа уже уехал из Казани. В ближайшем после его отъезда заседании совета университета провозгласил его своим почетным членом.

Мечты Литтрова сбылись: он снова был на родине, но скоро ему пришлось пожалеть о службе в Казани. Обсерватория в Офене была построена на высокой горе, вне города, дом для жилья еще не был готов, и Литтров должен был жить в самом городе. Полная невозможность наблюдать и постоянные неприятности с Пасквичем побудили Литтрова обратиться с просьбой о месте ко многим известным астрономам и к русскому правительству. В 1819 г. он был приглашен на освободившуюся вакансию директора Венской обсерватории. Здесь его деятельность достигла полного расцвета: он постоянно помешал в специальных журналах статьи теоретического содержания и свои наблюдения, начал издание анналов венской обсерватории, издал ряд руководств, по которым училось несколько поколений. Кроме того, здесь он начал заниматься литературой, популяризируя любимую науку. На последнем поприще он должен быть признан пионером: его «Die Wunder des Himmels» не устарели до сих пор, и его популярные статьи, помешавшиеся в различных периодических изданиях, производили сильное впечатление. Скончался он 18 ноября 1840 г. в званиях почетного члена многих университетов и ученых обществ.

Русский биографический словарь. Спб., 1914. [Т.] Лабзина—Ляшенко.

ЛИТТРОВ Йозеф Иоганн (13. III. 1781—30. XI. 1840) Австрийский астроном. Р. в Бишофтайнице (Богемия). В 1799—1803 гг. учился в Карловом университете в Праге. В 1806—1807 работал внештатным астрономом Венской обсерватории, в 1807 был приглашен в Краковский университет, где в течение двух лет возглавлял кафедру астрономии и обсерваторию. В 1809 переехал в Россию. С 1810 — профессор Казанского университета, в 1814 под его

руководством была построена небольшая университетская обсерватория. В 1816 вернулся в Австрию. Работал в обсерватории в Офене, с 1819 до конца жизни — директор Венской обсерватории.

Научные работы посвящены астрометрии и небесной механике. Вел систематические наблюдения больших и малых планет, комет и метеоров. В Казани вместе с ним наблюдали его ученики Н. И. Лобачевский и И. М. Симонов. Литтров был одним из наиболее разносторонних астрономов первой половины XIX в. Написал курс «Теоретическая и практическая астрономия» (т. 1—3, 1821—1827). Был выдающимся популяризатором астрономии. Его сочинение «Тайны неба» (1834—1836) — лучшее и наиболее полное для своего времени популярное изложение астрономии, неоднократно переиздавалось. В 1902—1904 А. А. Иванов перевел «Тайны неба» на русский язык (издано в 1904).

Чл.-кор. Петербургской АН (1813).

Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г. Астрономы. Биографический справочник. Киев, 1986.

МИЛЛЕР, Иван Егорович, адъюнкт всемирной истории, географии и статистики. Образование получил в дрезденской гимназии и Лейпцигском университете, а затем, переселившись в Россию, в 1798 году сделался преподавателем новых языков во Втором петербургском кадетском корпусе и латинского языка в Главном немецком училище; позже (1799—1802 гг.) был учителем немецкого языка в Екатерининском институте и в Институте повивальном; в июле 1804 года удостоился всемиловитейшей награды за издание немецкого «С.-Петербургского журнала». Оставив петербургскую службу, Миллер 22 июня 1805 года получил должность учителя французского и немецкого языков в астраханской гимназии.

Вследствие ходатайства его перед попечителем Румовским, 23 января 1808 г. назначен в Казанский университет адъюнктом по кафедре всемирной истории, географии и статистики, сделавшейся вакантною с увольнением, за год до того, проф. Цеплина; 8 апреля 1809 г., вследствие домогательств Миллера, ему была предоставлена и лектура немецкого языка. Университетская деятельность Миллера ограничилась одним годом: заручившись поддержкою сибирского генерал-губернатора Пестеля, он 27-го октября 1809 года был перемещен на должность директора училищ Иркутской губернии, почему в ноябре и прекратил чтение лекций, порученное, вместо него, кандидату Кондыреву. Покидая Казанский университет, Миллер выхлопотал себе звание его члена-корреспондента и впоследствии доставлял различные, преимущественно естественно-исторические, предметы для университетских коллекций. В 1816 году Миллер был снова перемещен в Казань, на должность директора местного Главного народного училища.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

НЕЙМАН, Иван Егорович, профессор российского правоведения и политической экономии. Родился в 1780 году, в г. Марбурге. Вызванный в Россию для участия в работах комиссии по составлению законов, состоял при последней в званиях помощника редактора, затем помощника начальника первой экспедиции (1806 г.).

19 октября 1809 года назначен в Казанский университет ординарным профессором российского правоведения и политической экономии, с званием корреспондента комиссии составления законов. 21 февраля 1811 года перемещен в Дерптский университет. 19 октября 1814 года вторично определен в Казанский университет ординарным профессором прав естественного, политического и народного. В 1814—1815 гг. руководит в Казани приготовлением к профессорскому званию магистров Алехина и Манасеина.

18 сентября 1817 года уволен, с причислением к министерству, но в 1818 г. снова возобновил профессорскую деятельность — в Дерптском университете. Оставя университетскую службу в 1826 г., умер 13 декабря 1855 года, в отставке.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2.

Первым профессором (профессором кафедры Лифляндского Права и Практического Законоведения. — А. Г.) был, с 1802 по 1812 г., И. Л. Мютель. [...]

На его место поступил, в 1818 г., И. Г. Нейман (J. G. Neumann), состоявший прежде Чиновником Комиссии составления Законов, а позднее Профессором Русского Права в Казани. Он преподавал однако ж не Провинциальные Права, но Историю Русского Права, также Русское Гражданское и Уголовное Право. Кроме того он руководил занятиями Студентов при изучении древних Русских Законов. [...]

Кафедру Государственного и Народного Права, а также и Политики, занимали с 1811 по 1814 г., вышепоименованный И. Г. Нейман, а с 1814 до 1823 г. Фр. Лампе. Нейман и на этой кафедре читал только лекции, касающиеся Русского Права и его Истории. Он был первым Преподавателем в России, написавшим Опыт Истории Русского Права. Сверх того он писал о началах Философии, Морали и Политики и, опираясь на обширный запас своих познаний в Русском Законоведении, составил, на Русском языке, разные руководства, из коих однако напечатан только Очерк Уголовного Права.

Первым Профессором Теоретического и Практического Русского Законоведения был, с 1825 г. по 1840 г., А.ф. Рейц (A.v. Reutz), ученик Неймана и Эверса.

Его преподавание о Системе и Истории Русских Законов отличалось критическою методою.

Обзор деятельности Имп. Дерптского университета. На память о 1802—1865 годах / Сост. по отчетам и донесениям, представленным попечителю Дерптского учебного округа. Дерпт, 1866.

РЕНАРД, Иосиф Христофорович (*Христофор Иосиф*), адъюнкт фармации и врачебного вешествословия. Родился 14 марта 1781 года, в г. Гамбурге. Прибыв в 1796 году в Россию, в 1801 г. принял русское подданство и удостоен медицинской коллегиею звания кандидата фармации и химии. Утвержденный в звании провизора, с 1806 г. содержал в гор. Перми вольную аптеку.

26 августа 1811 года назначен в Казанский университет адъюнктом фармации и врачебного вешествословия. В 1813 г. принимал деятельное участие в борьбе с горячею эпидемиею, свирепствовавшею в Поволжье. С 2 мая 1814 г. секретарь отделения врачебных наук.

Умер, на службе, 7 октября 1817 года.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2.

РЕННЕР, Каспар Федорович (*Kaspar Friedrich*), профессор прикладной математики. Родился в 1780 году, высшее образование получил в Гёттингенском университете, которым в 1808 году удостоен степени доктора философии и в котором был одно время, кажется, даже приват-доцентом, хотя послужные списки Реннера об этом и умалчивают.

Для занятия кафедры в Казанском университете Реннер был еще в 1806 году рекомендован Румовскому Бартельсом, указывавшим на него, как на вполне достойного кандидата. Аттестация Бартельса представлялась в глазах попечителя Казанского округа безусловно авторитетною и уже 20-го июля 1808 года состоялось назначение Реннера в Казанский университет ординарным профессором по кафедре прикладной математики. Кроме уже имевшегося в печати труда Реннера («*Anfangsgrunde der Algebra*», 1805 г.), в руках Румовского находился рукописный французский мемуар его («*Sur les caustiques par refraction*»), который привел старого математика в восторг и побудил его высказать министру мнение, что «г. Реннер достоин звания профессорского».

Ученый и нравственный облик профессора Реннера слабо очерчен в летописях Казанского университета; поглощенный своими учено-педагогическими обязанностями, он не принимал почти никакого участия в борьбе партий и в проявлениях тех мелких интересов личных счетов и раздоров, которыми так чревата была начальная жизнь Казанского университета. Его личность ос-

тается в силу этого, как бы затененною в общем круговороте университетских событий 1808—1816 годов. Чтобы охарактеризовать общий облик профессора Реннера, наиболее уместным полагаем мы дословно привести отзыв о нем Н. Н. Булича, основанный на рассказах его непосредственных учеников, которые сами сделались впоследствии выдающимися математиками и профессорами и лично передавали покойному Буличу свои воспоминания о Реннере: «Реннер — был натурою спокойною и ровною, жившею в одних умственных интересах. Ум, точный и глубоко образованный, привычный к строгой логике математических формул, полнота содержания его лекций, читанных на изящном французском языке — все это осталось в памяти его первых слушателей, всегда вспоминавших о нем с уважением».

Реннер скончался 4 июня 1816 года, от осложнившейся горячкою кори. Преподавания Реннера были поручены, после его кончины, экстраординарному профессору Никольскому.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

[...] Еще в 1806 году Бартельс указал Румовскому, как на достойного ученого, получившего солидное образование в Геттингенском университете и приват-доцента его (1802—1805) доктора философии Каспара Фридриха Реннера (род. в 1780 году)¹. Он уже напечатал одно сочинение по математике² и, изъявляя свое согласие принять предлагаемую ему профессию в Казани, послал Румовскому еще небольшой, писанный пофранцузски мемуар «*Sur les caustiques par refraction*», относящийся к трансцендентальной геометрии. «Из него я заключил, писал попечитель в своем представлении к министру, что г. Реннер достоин звания профессорского». [...] Вопросу, задаваемому им Бартельсу: знаком ли Реннеру язык латинский — ответом служил печатный труд Реннера по Тациту, чем был очень доволен Румовский, сам переводивший римского историка³.

В течение восьмилетнего служения своего Казанскому университету, Реннер является перед нами исключительно строгим ученым и профессором, преданным своему делу. Как человек холостой, не имевший семьи, с самого определения получивший звание ординарного профессора, т.е. то высшее звание, дальше которого нейдет ученый, выбравший университетскую службу, если его не соблазняют выгоды административной карьеры, Реннер ничего не искал, ничего не добивался лично для себя и не участвовал ни в каких коалициях и партиях. Это была натура спокойная и ровная, жившая постоянно в умственных интересах. Люби-

¹ Это настоящее его имя. В немецких библиографических каталогах и у Poggendorf'a, Biographisch-literarisches Wörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften, 2-er B. Leipz. 1863, он называется Христианом Францом. Русские звали его — Каспар Федорович.

² *Anfangsgrunde der Algebra*, Munster. 1805. 8°. Другое сочинение Реннера напечатано было им во время службы в Казани: *Disquisitiones ad calculum integralem finitorum spectantes*. Mitau. 1810. 4°.

³ *Lebensbeschreibung des Jul. Agricola*, latein. u. deutsch, mit Anmerk. von K.F. Finke. Götting. 1808. 8. — Второе издание этой книжки сделано было известным Августом Шлегелем в 1818 году.

мым занятием его были языки и он знал почти все европейские. [...] В Казани Реннер переводил на немецкий язык «Летописи» Тацита и первая часть перевода была рассмотрена и одобрена цензурным комитетом при университете. Ум, точный и глубоко образованный, привычный к строгой логике математических формул, полнота содержания его лекций, читанных на изящном французском языке, все это осталось в памяти его первых слушателей, вспоминая о нем с уважением. [...]

Реннер стал читать прикладную математику немедленно по приезде, с октября 1808 года. Начал он однако с конических сечений, затем перешел к объяснению кривых линий и к началам механики. Объяснял он, руководствуясь способом Монжа (*Traite de statique*, 1788), с некоторыми своими прибавлениями. В следующие за тем немногие годы своего преподавания, Реннер читал: высшую механику по Карстену и начала оптики по сокращению того же автора; иногда Карстена заменял Эйлер (*Theoria motus corporum solidorum et Dioptrica*), Шмидт, Боссю (*Traite de mecanique*, 1792). С желающими он занимался практического геометриию «по руководству славного Майера» (Mayer, Iohann Tobias, проф. физики в Гёттингенском университете, 1752—1830). Читал Реннер иногда 4 часа, но чаще 6 часов в неделю и всегда очень рано, с 8 часов утра. Слушателей у него было сначала 5 человек, а потом осталось только трое, уже известные нам братья Лобачевские и Симонов. [...]

Весною 1816 года Реннер, несмотря на свое крепкое телосложение, обещавшее, при его умеренной и деятельной жизни, по выражению современника, «глубокую и покойную старость», захворал корью, усложнившейся горячкою (вероятно тифом) и умер 4 июня 1816 года. Некролог его, составленный по всей вероятности кем-либо из его молодых слушателей и напечатанный в местном издании⁴, несмотря на свою краткость, зависевшую от тогдашних условий писательства, проникнут однако большим сочувствием к покойнику. «Знания в науках, говорится в нем, присоединили его имя к членам физикального Гёттингенского общества, а душевные качества ввели его в небольшой кружок друзей, сетующих о своей потере».

Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета: 1805—1819. Казань, 1891. Ч. 2.

СТОРЛЬ, Максимилиан Викентий Людовик, профессор греческого языка и словесности. Родился в г. Праге, в 1761 году. Получив в Венском университете степень доктора философии и магистра словесных наук, проживал в Дрездене, где его узнал граф д'Антрег, советник русского посольства при саксонском дворе. Рекомендация д'Антрега и послужила ближайшею причиною вызова Сторля в Россию; к этой рекомендации присоединилась протекция князя А. А. Чарторижского, попечителя Виленского учебного округа, также принимавшего участие в

судьбе дрезденского ученого. Хотя в деле определения Сторля в русскую ученую службу большую роль сыграли личные отношения, в особенности же авторитет влиятельного кн. Чарторижского, нежели научные заслуги и ученое имя самого аспиранта, тем не менее 30-го мая 1805 года состоялось назначение его в Казанский университет профессором по кафедре греческого языка и словесности. Насколько легко относился Сторль к принимаемым им на себя обязанностям видно из того, что, при свидании с Румовским, он выражал готовность читать, кроме своего предмета — и алгебру, и геометрию, и курсы словесности немецкой, французской, итальянской, английской и, даже, испанской.

Профессор Сторль был первым библиотекарем Казанского университета. Он был определен в это звание 8-го ноября 1806 года, с поручением привести библиотеку в порядок, разделить ее на библиотеки университетскую и гимназическую и составить для той и другой каталоги; в помощь Сторлю дан был, с званием помощника библиотекаря, студент П. С. Кондырев. Сторль с большим увлечением отдался возложенной на него обязанности, успешное выполнение которой в весьма значительной степени облегчено было его разносторонними сведениями и прекрасным знанием почти всех европейских языков. Последние годы жизни Сторля, в особенности же после смерти жены и его неудачной женитьбы (в 1810 г.) на вольноотпущенной служанке — прошли в старческих немощах и скандального характера домашних дрязгах, отравлявших последние дни старика.

Умер на службе, 27-го января 1813 года.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

На сколько Сторль приносил своим преподаванием пользы, нам неизвестно, но из всего, что мы знаем о нем, для нас очевидно, что преподавание это имело самый неопределенный характер: притом Сторль был в одинаковом с Германом положении: живого общения с слушателями не могло у него быть. Но он не жаловался однако, или по мягкости своего характера, или потому, что постоянно принадлежал к числу сторонников и угодников Яковкина. Сторлю приходилось начинать с греческой азбуки и медленно идти шаг за шагом; путь этот был труден и для профессора и для студентов и по необходимости пришлось ограничиться тем, что казалось легче и занимательнее. Впрочем Сторль скоро, как кажется, заметил и сам бесполезность своего преподавания вовсе неприготовленным слушателям, что видно из его представления совету о необходимости завести в Казанской гимназии класс греческого языка, в котором по его предположению, ученики должны были выучиться читать и писать по гречески и познакомиться по крайней мере с склонениями и с спряжениями. С разрешения попечителя такое преподавание было и поручено учителю латинского языка Белоусову, но оно, как кажется, продолжалось очень недолго, главным образом потому, что ученики гим-

⁴ Казанские Известия, 1816 г. № 48.

назии должны были и без того учиться трем иностранным языкам и для греческого не доставало времени.

«По причине обширного знания словесных наук, которое в Сторле очень ценил Румовский, он назначил его первым библиотекарем Казанского университета и поручил ему разобрать все книги, принадлежащие гимназии и университету, разделить по содержанию книг библиотеку на университетскую и гимназическую и сочинить для обеих каталоги по тому порядку и расположению, какие Сторль признает лучшим».

[...]Что касается Сторля, то он очень скоро выполнил возложенное на него поручение, чему много способствовало и незначительное количество книг; его каталоги, его разделение книг, его правила для пользования библиотекою были беспрекословно одобрены Румовским. Библиотечное дело было любимым делом Сторля и он предался ему с полным увлечением. Сам он был человек тихий и скромный, не любивший споров в совете университетском и не интересовавшийся вопросами о самоуправлении, поднимаемыми в нем. За эти качества Сторль пользовался расположением самовластного Яковкина. Директор называл его обыкновенно «беспристрастным, чистосердечным и добродушнейшим» и ссылался на его мнения в письмах к Румовскому. Подобно Фуксу, он старался удаляться от всяких служебных тревог. Но мягкий характер, скромная личность и положительное незнание русского языка очень часто приводили его в столкновение с грубыми властями провинциального города. В конце 1806 года, по Высочайшему указу Правительствующему Сенату, от 28-го ноября 1806 года, по случаю наших европейских войн в то время, и в Казани была открыта при городской шестигласной думе так называемая комиссия для разбора иностранцев, как из природных французов, так и уроженцев из стран, под властью французского правительства состоящих; последних было довольно и в гимназии и в университете. Все они должны были являться в комиссию и предъявлять свои паспорта и звания; многие жаловались на дерзость и грубости частного пристава Потто, распорядившегося в комиссии, но больше всех досталось Сторлю: по его собственным словам «on l'avait traité comme un gueux, comme le dernier des garçons de metier». Яковкин принял к сердцу жалобы Сторля и стойко хлопотал за права университетских преподавателей перед начальником губернии. Высочайшим манифестом того времени, кроме того, от всех иностранцев требовалась новая присяга на службу, в том числе и от профессоров. Это произвело на них сильное впечатление. «Кажется, что все они дадут оную беспрекословно на вечное российское подданство, писал к Румовскому Яковкин (18-го декабря 1806 года), потому что, кроме профессоров Сторля, Фукса и адъюнкта Эвеста, прочих за долги не выпустят из России. Казанскому аптекарю Зассу, как мне известно, г. Герман должен более 2000 р., Цеплин более 1500, Бюнеман более 500 руб.; а жалованье забирают тотчас при начале наступившего месяца». В другой раз Сторль принес формальную жалобу по латыни университетскому начальству на полицию, которая нарушила его профессорские права и поставила на квартиру в дом его проходившую военную команду. Кроме занятий по библиотеке (где помощником его был студент — кандидат Кондырев, любимый ученик Яковкина, впоследствии профессор), и чтения лекций, от Стор-

ля не осталось никаких следов научной деятельности. Как до Казани, так и в ней, он ничего не печатал. Умер он в начале 1813 года.

Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета: 1805—1819. СПб. 1904. Ч. 1.

Что можно сказать о личности первого библиотекаря Казанского университета? До приезда в Россию он жил в Дрездене, где вел преподавание различных предметов в пансионе. В свое время Сторль окончил Венский университет, получил степень доктора философии и магистра словесных наук. Довольно широкая образованность и знание нескольких языков, конечно, не давали права на профессорское звание, но сыграли свою роль в рекомендации высокопоставленных сановников, и в мае 1805 г. Сторль был назначен в Казанский университет профессором по кафедре греческого языка и словесности. Однако особых успехов новый профессор не достиг ни в учебной, ни в научной работе, гораздо больше заслуг принадлежит ему как библиотекарю. В силу мягкости и скромности своего характера, Сторль не интересовался университетскими спорами. Библиотечное дело было как раз по нему, и он занялся новой работой с увлечением. Ему много помогло в этом знание западноевропейских языков (хотя русского он не знал почти совсем). Библиотеке Сторль отдал полностью все последние годы жизни (1807—1813). [...]

В 1816 г. ректор университета И. О. Браун обратился к попечителю Казанского учебного округа Салтыкову с ходатайством о дополнительном ассигновании на нужды библиотеки по 1000 руб. в год, так как на приобретение книг после всех трат по библиотеке, оставалось всего 500 руб., «между тем как библиотека нуждается в необходимейших сочинениях». Несмотря на обоснованность просьбы (ректор подчеркивал, что «библиотека... есть первое учебное пособие во всяком учебном заведении, тем более в университете, где она не только служит к распространению просвещения вообще и к образованию учащихся, но и вящему усовершенствованию самих преподавателей», министр просвещения А. К. Разумовский отказал в дополнительных ассигнованиях, предложив «довольствоваться деньгами, положенными на библиотеку по штату».

Однако и в таких трудных условиях Сторль и Кондырев смогли сделать ряд ценных приобретений. Продолжалась покупка книг из личных библиотек, так как это обходилось значительно дешевле, чем выписывать книги от московских, петербургских и заграничных книгопродавцов. Часто книги покупались у преподавателей Казанского университета в связи с их отъездом из Казани (библиотеки профессора К. И. Броннера, адъюнкта О. Х. Ренарда) или выходом на пенсию (библиотека профессора М. И. Германа). Нередко книжные собрания приобретались после смерти их владельцев (библиотеки доктора Саблера, профессора К. Т. Фойгта, профессора А. С. Лубкина, адъюнкта Н. М. Алехина и др.).

Аристов В. В., Ермолаева Н. В. История научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского: 1804—1850. Казань, 1985.

ТОМАС, Иван Григорьевич (Иоганн Михель), профессор всеобщей истории, географии и статистики. Родился в 1770 г. в г.Кобурге, в Саксонии. Получив образование в кобургской гимназии, а затем в университетах галльском и йенском, Томас, в звании кандидата богословия, с 1792 г. занимался профессией домашнего учителя, которая и привела его в Лифляндию, где в г.Дерпте он получил должность пастора и училищного конректора. Год спустя Томас снова возвращается к прежней профессии и получает место домашнего наставника в г.Казани, в доме местного помещика камергера Мусина-Пушкина, сделавшись воспитателем его сына Михаила — будущего известного попечителя казанского учебного округа. Пробыв в этом доме около восьми лет, Томас занял такую же должность в семье другого казанского помещика, А. Ф. Моисеева.

7-го марта 1810 года Томас обратился с письмами к попечителю Румовскому и к министру народного просвещения графу Разумовскому, с ходатайством относительно кафедры в Казанском университете; к письму на имя министра была приложена небольшая рукопись («диссертация», — как называл ее проситель) на тему: «Animadversiones nonnullae in historiam universalem scribendam, addiscendam et docendam». Эта рукопись была единственным трудом, на котором основывал Томас свои претензии на профессию, подкрепив их ссылкой на девятнадцатилетний педагогический опыт, а также и на привычку своего организма к казанскому климату, «обыкновенно столь губительному для вновь приезжающих иностранцев» — поясняет Томас; не малое значение придавал он также доверию, которым пользовался среди казанского дворянства. Несомненно, что местные связи немало посодействовали достижению Томасом кафедры: в 1819 году Магницкий категорически утверждал, по крайней мере, что он был «произведен в профессора по покровительству некоторых значительных людей в Казани».

Утверждение Томаса ординарным профессором состоялось 19-го декабря 1810 года, а в конце 1816 года, с разрешения министра, Томасу была предоставлена возможность довольно странного совместительства: он принял, сохранив звание профессора, должность пастора, в которую был избран казанским евангелическо-лютеранским обществом. В 1811—1814 годах Томас нес обязанности члена училищного комитета, в 1813 году (4 сентября) был избран секретарем совета. Преподавательская деятельность Томаса, самая профессура которого являлась сплошным недоразумением, не оставила по себе никаких следов.

Он был уволен 5-го августа 1819 года, согласно представлению о том попечителя Магницкого, а в начале 1822 года оставил и свои пасторские обязанности, после чего не имеется об этом бывшем профессоре уже никаких дальнейших сведений.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ФАТЕР, Фридрих Иванович, профессор греческого языка и словесности. Сын кенигсбергского профессора, родился 5 февраля 1810 года. Отлично отрекомендованный Августом Беком и бароном Александром Гумбольдтом (в письме его попечителю из Берлина от 19 марта 1840 г.), Фатер представил на конкурс для занятия кафедры греческой словесности в Казанском университете, вакантной после проф. Мистаки, ряд небольших, но ценных ученых работ: «Об Алевладах» Софокла (на лат. яз.), издание «Реса» Еврипида, статьи «Парос» и «Пакувий» в энциклопедии Ерша и Грубера, «De Aeschylis Persis» и «De scena convivii Xenophontei» (в Zeitschr. f. d. Alterhumswiss.), диссертацию, защищенную после докторского экзамена в Halle, «Rerum Andocidearum particula» (Halle, 1840), — и был избран ординарным профессором.

По приезду в Казань (в самом конце 1840 г.), Ф. энергично принялся за дело поднятия уровня преподавания своего предмета в университете. Его особое мнение, поданное в факультет при обсуждении в первом его отделении вопроса «о составлении специальных разрядов наук» (1843 г., 1 июня), набрасывает самую широкую программу преподавания в разряде классической словесности (при разветвлении разрядов с 1-го курса) всех, частью тогда очень юных, дисциплин классической филологии. Его инициатива надолго устанавливает в теоретических чтениях по кафедре греческого языка и словесности смену для студента-филолога курсов: энциклопедии филологии (I курс), истории греческой литературы (II к.), греческих древностей (III к.) и греческой мифологии и археологии (IV к., — см. его ходатайство перед факультетом от 24 янв. 1845 г.). Эта же забота о научности преподавания увлекла Фатера в неприятную историю столкновения с проф. Фойгтом (см. это любопытное дело: 1848 г., № 12 арх. факульт.), в которой, конечно, Фатер был неправ и встретил достойный отпор факультета и внушительный ответ Григоровича. Здесь была своего рода *jalousie de metier*, так как профессор всеобщей и русской литературы К. К. Фойгт, в своих рассчитанных на четыре года периодических курсах, касался и литератур античных народов и, может быть, действительно не с тою основательностью и глубиной в отношении изучения самых источников, каких желал и какие мог проявить в своих чтениях Фатер. С самого первого года своего пребывания в Казани, Фатер озабочивался также признанием своего предмета за самостоятельный и обязательный в кругу факультетского преподавания (см. его приписку в распоряжении преподавания на 1841/42 акад. год и ходатайство 1845 г.).

С характером чтения Фатера знакомят нас до известной степени «Программы преподаваний философского факультета Императорского Казанского университета» за 1849—54 гг., которые, по установленному тогда правилу, должны были заключать рубрики: «способ преподавания, с указанием на руководство», «объем преподавания» и его «последовательность» (т.е. точная и подробная программа чтений); по русской истории также — «дух и направление преподавания». Из программ Фатера приведем здесь заметку под рубрикой «способ преподавания», в программе истории греческой словесности 1850

года: «Цель чтений будет состоять не столько в сухом перечислении оставшихся и потерянных сочинений греческой литературы, биографий авторов и изданий, сколько в опыте (т.е. попытке) объяснить отдельные роды литературы из характера еллинской религии и богослужения, доказать их происхождение из древних обычаев и празднеств и их связь с историей и образом жизни народа. К этому присоединяется стремление извлечь суждение о достоинстве и недостатке, подлинности и подложности разных сочинений, наконец, в заключение всего, будут присовокуплены известия о лучших изданиях, толкователях и вспомогательных средствах (т.е. пособиях), но с надлежащею бережливостью». Чтения Фатера по греческим древностям, судя по экзаменационной его программе 1841-го года, обнимали собою не только политические и религиозные древности, но и историю Греции, вообще, частью и этнографию древней Греции. Чтения по греческой мифологии запечатлены были всеми крайностями увлечения господствовавшим в то время в науке символическим толкованием мифа, какое видим и в специальных трудах Фатера по греческой мифологии (см. программу 1853-го года): «Der Argonautenzug» (2 тетради) и «Triton und Euphemos oder die Argonauten in Libyen».

Кроме лекций, с конца 1843 года (за выходом в отставку проф. А. В. Шарбе) Фатер руководил занятиями по отделу классической филологии в педагогическом институте, учрежденном, в этой его определенной организации, по инициативе попечителя М. Н. Мусина-Пушкина, 5-го сентября 1840 года. Подробные отчеты института, ежегодно представлявшиеся совету университета, знакомят с оживленною работою в нем студентов старших двух курсов первого отделения факультета и окончивших курс, в особенности в первые годы его существования (он упразднен был в нач. 50-х гг.). В числе первых его участников мы находим К. Тхоржевского (еще до руководства Фатера), Н. Н. Булича и А. О. Угянского, впоследствии (двое последних) профессоров университета (Булич и Угянский работают даже одновременно и по отделу классической филологии, под руководством Фатера, и по всеобщей и русской истории). Тхоржевский, даровитейший из учеников Фатера, постоянно рекомендуем был последним факультету, как способный преподаватель и ученый (в последний раз в отзыве о его труде: «Исследования о космической системе Платона. Тетрадь I. Гелиоцентрическая система», данном Фатером, вместе с проф. Струве, 18 февраля 1854 г.).

В бытность Фатера в Казани, благодаря, несомненно, в значительной степени его научному влиянию, учащаются экзамены на ученые степени и диспуты по классической филологии, в частности по греческой словесности. В факультетских делах хранится целый ряд, иногда очень подробных, отзывов Фатера на латинском, немецком и русском языках о диссертациях магистерских и докторских: Алкуина Авг. Шарбе, маг. — «De similitudine quam Xenophon cum Platone exercuisse dicitur» (фак. 1844, № 12), докт. — «De Aristophanis Acharnensibus» (1851, фак. 1850, № 6); Клеотильда Тхоржевского, маг. — «De Aristophanis Ecclesiazusis habita ratione Reipublicae Platonis» (фак. 1843 № 46), докт. — «De ultimo Platonis ternione Politia Timaeo Critia» (фак. 1846, № 40); Н. М. Благовещенского, маг. — «De hieratica quam

dicunt artis Graecorum statuarum periodo» (фак. 1847, № 7), докт. — «De Romanorum tragoedia» (фак. 1849, № 12); Раймунда Авг. Шарбе, маг. — «De Quinto Ennio ejusque reliquiis fabularum tragicarum» (фак. 1846, № 8; о его докторской дисс. — «De genii, manibus, et laribus» (1853 г.) отзыв давал проф. Струве (фак. 1853, № 49); А. О. Угянского, маг. — «De statu republicae Atheniensium sub Pericle» (фак. 1849, № 26). На долю Фатера выпадал во всех этих случаях и труд составления экзаменационных вопросов и программ.

В феврале 1851 года Фатер входит в факультет с ходатайством об ученой командировке на летнее вакационное время и пять учебных месяцев первого полугодия 1851/52 акад. года, причем представляет обширный «проект ученого путешествия по Германии», где приводит итоги своей научной деятельности и сообщает о своих дальнейших планах научных работ (см. фак. 1851 г., № 14). Фатер, вообще, озабочивался ознакомлением западных ученых с деятельностью казанского университета. Сюда относятся: его род предисловия к каталогу преподаваний на немецком и латинском языках, с приложением (по образцу программ нем. учебных заведений) рассуждения «De Lysiae oratoris anno natali», 1841 г. (Фак. 1841, № 20), и представленная им попечителю в сентябре 1844 г. подробная докладная записка о том, каким учреждениям и лицам в России и за границей следует разослать его перевод на латинском языке, с предисловием, каталога преподавания на 1844/45 акад. год (Фак. 1844, № 25). В своем «проекте», картинно сравнивая филолога с мифическим Антеем, который только тогда чувствовал новую бодрость после утомления в борьбе, когда касался родной почвы, Фатер просит дать ему возможность, после 10-ти летнего служения вдали от родины, почерпнуть в непосредственном сношении с ученым миром Запада новые силы и энергию к дальнейшей работе. Он подробно говорит о своих уже напечатанных работах, в особенности «Rerum Andocidearum specimina» (Halle, 1840, и новые выпуски в Jahn's Jahrb. Suppl. b.b. IX и XI), не утративших научного значения и до сих пор, о своих планах изданий греческих ораторов Андокида, Лизия и Исократа, о проектируемом издании своих *Opuscula philog.*, в 2-х томах, о продолжении работ по греческой мифологии...

Фатер вернулся в Казань в феврале 1852 года и оставался профессором до декабря 1854 года (указ об отставке, с единовременным пособием, от 7 декабря 1854 г.). Наш, по необходимости самый краткий, очерк его в высшей степени плодотворной деятельности на пользу Казанского университета будет всего уместнее заключить следующим отзывом о нем факультета в заседании 3 июня 1852 года (статья 3-я), по поводу прошения Фатера о переводе на открывшуюся кафедру римской словесности: «Г. ордин. профессор греческой словесности и древностей, доктор иностранного университета Фатер, невступно 12 лет состоя в настоящем звании, приобрел себе несомненные права на признательность факультета тем, что, при энергичном преподавании разных отраслей греческой словесности, внушил своим слушателям любовь и уважение к древне-классической филологии, возвысил значение своей кафедры и образовал несколько ученых и даровитых наставников юношества, которые с

честью занимают разные должности как в университете, так и в учебном округе».

В начале пятидесятых годов проф. Фатер подвергся психическому расстройству (мания преследования), под влиянием которого он уничтожил свою библиотеку и которое было ближайшей причиной выхода его в отставку. Возвратившись на родину, он здесь вскоре и скончался.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ФИНКЕ, Иоанн Христофор (Иван Арнольдович), профессор прав естественного, политического и народного. Родился в 1773 г., уроженец г. Гёттингена. Образование получил в гёттингенской гимназии и в Гёттингенском университете; в последнем и получил степень доктора прав. Посвятив себя судебной деятельности, занимался (еще в бытность студентом) у прокурора Рунде, затем был адвокатом ганноверского суда; нес и другие судебные обязанности.

1 сентября 1809 года назначен в Казанский университет ординарным профессором по кафедре прав естественного, политического и народного. Был первым деканом (избран 4 сентября 1813 г., утвержден 26 марта 1814 г.) нравственно-политического отделения, оставаясь в этой должности до своей кончины.

Умер 17 сентября 1814 года. Вредный казанский климат еще в 1813 г. заставлял его возбуждать вопрос об оставлении службы Казанскому университету.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2.

Были случаи, что немецкие профессора, соблазненные или прелестями казанской жизни, или дешевизною условий ее, побуждались товарищей или близких людей в Германии последовать их примеру и искать места в Казани. Так, Реннер, вскоре после смерти Бюнемана, единственного профессора прав в Казанском университете, тоже бывшего гёттингенским студентом, дал идею проситься на его место своему товарищу по университету Иоанну Христофору Финке [...]. В 1798 году он после экзамена защитил в Гёттингене свою диссертацию на степень доктора прав «De unius testis confessione». До изучения прав Финке очень усердно занимался филологией в течение нескольких лет и участвовал в филологической семинарии гёттингенского профессора Гейне. [...] в то время, когда он решил ехать в Казань, только что издал свой перевод толкований Теофила на институции Юстиниана, сочинение весьма важное для объяснения римского права [...]. Финке прошел хорошую школу: тогдашний юридический факультет Гёттингенского университета, по личностям его представлявшим и по силе научного знания, пользовался большою известностью. [...] Ученый и честный профессор, ка-

ким был Финке, притом стоявший в уровень с современным развитием науки, сам принимавший участие в этом развитии, должен был принести большую нравственную пользу своим слушателям. [...]

К сожалению он не мог принести всей пользы, какую можно было ожидать от него: он действовал в среде совсем незнакомой и чуждой; он говорил на языке чужом, понятном лишь для значительного меньшинства слушателей. Самая деятельность его, как профессора, насильственно прерванная смертью, продолжалась не долго. [...]

Сам Финке был недоволен своею обстановкою в Казани и ее условиями. Представления, составленные им об ожидающей его жизни в этом городе вдали от него оказались ложными. По-видимому он не принадлежал к числу тех ловких практиков, которые везде и ко всему умеют приноровиться. [...] Почти все немецкие семейные профессора, недовольные своими наемными помещениями в Казани, как известно изобилующими неудобствами, старались, если можно было достать на то средства, приобретать свои собственные, небольшие конечно, деревянные дома. Так сделали Браун, Герман, Фойгт, Френ, Литтров; так должен был поступить, вынужденный необходимостью, и Финке. [...] Но жизнь этого вполне достаточного, как нам кажется, профессора сложилась не совсем удачно. Он недоволен был Казанью, не только потому, что в ней не видел он возможности продолжать начатые им ученые труды, для чего, особенно в то время, необходимо было иметь профессору большую силу воли, но и по вредному на его здоровье влиянию казанского климата, и по семейным потерям. Здоровье его сильно расстроилось. Он стал думать о том, как бы выбраться из Казани, переменить род службы, хотя мы не знаем каковы были его положительные намерения. [...] невозможность продолжать в Казани учено-литературную разработку права была главной и почти единственною причиною, как он сам выражался, оставить службу в Казанском университете. Какая болезнь свела его в могилу (ему было всего 41 год) мы не знаем. [...] Детей опекуны успели воспитать на ту незначительную пенсию, которая выдавалась им от казны. [...] сын кончил курс в Казанском университете, но судьба его нам не известна; дочь же в 1825 году сделалась женою профессора Эйхвальда.

Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета: 1805—1819. Казань, 1891. Ч. 2.

ФОГЕЛЬ, Людвиг (Лев) Лаврентьевич, профессор врачебного вещевословия, фармации и врачебной словесности. Родился в 1772 году, в гор. Арнштадте (княжество Шварцбург-Зондер-Гаузенское). 24 апреля 1794 г. получил в Йенском университете степень доктора медицины и хирургии. В 1816 г. видим его главным врачом при военном лагере русских войск под г. Готю. 15 июня 1821 г. признан с.-петербургскою медико-хирургическою академиею в степени доктора медицины.

11 августа 1822 г., благодаря явному покровительству ему со стороны попечителя Магницкого, назначен, помимо совета, ординарным профессором Казанского университета по кафедре врачебного веществословия, фармации и врачебной словесности; прибыл в Казань 29 сентября. 30 декабря 1822 г. поручается ему временное преподавание хирургии (преподавал ее в 1822—1828 гг.). Утвержденный 8 июля (избран 13 июня) 1823 г. деканом отделения врачебных наук, оставался в этом звании до июля 1825 г.; снова был деканом с 15 июня 1834 г. до июня 1835 г. В 1830 г., по поручению попечителя, исследует, вместе с проф. Лендовским, воду Сергиевских минеральных источников.

Уволен 1 августа 1837 г., при введении в действие университет. устава 1835 г. Умер в 1840 г., в г. Готе.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2.

ФОЙГТ (Voigt), Карл Теофилус, профессор философии. Родился в 1759 или 1760 году, в г. Лукау, в провинции Нижнем Лаузице. Получив начальное образование в училищах родной округи, Фойгт в продолжении нескольких лет слушал курсы юридических наук в Лейпцигском университете, от которого и получил звание «юрисконсульта». Прожив после того некоторое время в Дрездене, где занимался адвокатурою, Фойгт переселился в Курляндию, по приглашению местного деятеля, барона Гейкинга, в штате которого ездил в Петербург по делу о присоединении Курляндии к российской империи. Последующая служебная карьера Фойгта представляется довольно пестрою. С девяностых годов XVIII столетия мы видим его в должности протоколиста курляндского гражданского суда, затем в должности секретаря пильтенской ландратской коллегии, далее в должности секретаря юстиц-коллегии, наконец, — всего в течении пяти месяцев (декабрь 1800—май 1801 гг.), — в звании профессора Дерптского университета по кафедре практической юриспруденции, которое он вынужден был оставить в силу каких-то нестроений во внутренней жизни этого университета; оставив ученую службу, Фойгт служил в комиссии составления законов и, наконец, нес, по выбору, должность юстиц-бургомистра г. Нарвы.

С этой-то последней должности и начинаются новые поиски Фойгта за ученою службою, доставившие ему кафедру в Казанском университете. Путь к этому нашел он в свойстве с влиятельным в ту пору академиком Н. И. Фуссом (жены их, внуки знаменитого математика Эйлера, были между собою двоюродными сестрами). Академик Фусс принял участие в его судьбе и в результате явилось согласие Румовского на предоставление Фойгту кафедры в Казанском университете. Согласно желанию аспиранта, Румовский первоначально предполагал его на кафедру «прав знатнейших древних и новых народов», но впоследствии изменил это решение и предложил ему кафедру философии, на принятие которой Фойгт охотно согласился. Назначение Фойгта профессором по кафедре умозрительной и практической философии состоялось 23-го января 1808 года.

Прибыв к месту служения 14-го сентября, Фойгт представил обозрение своих чтений, из которого оказывалось, что эти чтения «будут состоять в том, что он, при истории философии, будет обучать логике, метафизике и нравоведению».

Менее трех полных учебных годов довелось прослужить Фойгту казанскому университету: он скончался 13 июня 1811 года.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ФРЕН, Христиан Данилович (Христиан Мартин), профессор восточной словесности. Родился 23 мая (4 июня) 1782 года, в г. Росток, в Великом герцогстве мекленбург-шверинском. Получив среднее образование в гимназии родного города, Френ в 1800 году зачислился в студенты Ростокского университета, в котором, под руководством знаменитого ориенталиста Цихсена, с особенным усердием предавался изучению восточных языков и нумизматики. После трех лет занятий в университете Ростокском, он слушал лекции в университетах Гёттингенском и Тюбингенском и к этой поре относится первый печатный труд молодого ориенталиста: «Aegyptus auctore Ibn-el-Vardi» (Hallae, 1804). Покончив университетское образование, Френ поселился в Швейцарии, где занял должность учителя латинского языка в Бургдорфском педагогическом институте Песталоцци, а затем был домашним учителем. Получив от ростокского университета степень доктора философии и магистра свободных наук, Френ возвратился в Росток, где за трактат «Curae exegeticæ-criticarum in Nahumum specimen» (Росток, 1806) приобрел степень доктора богословия и звание приват-доцента местного университета.

К этому-то времени и относится начало переписки Румовского с Цихсеном по поводу приглашения Френа в Казанский университет. Престарелый ростокский ориенталист в самых лестных чертах рекомендовал Румовскому своего ученика, выставляя на вид как его научные и лингвистические заслуги, так и прекрасные качества его характера. Френ с восторгом принял приглашение Румовского и в письме к Цихсену выражал живую радость получить кафедру в университете, занимающем такое выгодное, с точки зрения занятий ориенталистикой, географическое положение. 3-го августа 1807 года состоялось назначение Френа ординарным профессором Казанского университета по кафедре восточных языков; прибыв в Казань во второй половине октября, Френ представил в совете prospectus намеченного им преподавания, которое должно было заключаться в этимологии арабского языка и в объяснении арабских авторов.

Профессор Френ справедливо почитается первым пионером научной постановки ориенталистики в Казани, родоначальником казанских ориенталистов и предтечей будущего разряда восточной словесности, которым так славился когда-то Казанский университет; он выступил также первым казанским ученым нумизматом и пионером рационального изучения древностей местного края. Во всех только что указанных сферах он наметил вехи для будущих исследователей и указал научные методы и пути, которыми неуклонно и сознательно следовали, и до сих пор еще следуют, его преемники в этих направлениях. Прилагая данные нумизматики к исследованию древностей, — метод, вынесенный им из школы своего славного учителя Цихсена, — Френ впервые научно осветил историю Золотой Орды и древнего Болгарского царства, восстановил целый ряд ханов Кипчакского царства, дал объяснения их имен и предикатов, осветил темные вопросы древней географии края и т.п.; он был вполне прав, поэтому, требуя впоследствии занесения в выданный ему казанским университетом аттестат того факта, что он «некоторыми своими сочинениями, касающимися вопросов русско-азиатской древности, объяснил, до него покрытое глубоким мраком, знание монет ханов Золотой Орды». Важная заслуга Френа заключалась также в разборе и описании им собраний восточных (преимущественно джучидских) монет, принадлежавших местным коллекционерам проф. Фуксу, помещику Неелову и владельцу частного пансиона Пото, из которых первое и последнее собрания были впоследствии приобретены Казанским университетом. Будучи и сам страстным коллекционером, Френ эту сторону деятельности своей обращал, преимущественно, на приобретение восточных рукописей.

Главным и любимым занятием Френа в области, собственно, восточной лингвистики являлись его неустанные труды по составлению словаря арабского языка, — работа, встречавшая серьезные и часто почти непреодолимые препятствия в отсутствии в Казани необходимых для того пособий. Не покидал Френ и мысли об учреждении в Казани Центрального училища восточных языков, с которою носился и сам попечитель Румовский, но про которую скоро совершенно забыли: «Вы сами указывали мне план восточного училища, подобного тем, какие существуют уже в Вене, Париже и других городах Европы, — писал Френ Румовскому два года спустя по приезде своем в Казань. — Вам известно, что ни один из русских университетов столь не удобен для осуществления этого плана, как Казанский; не откладывайте же надолго его исполнение!» Френ мечтал поместить это училище в недрах местных татарских слобод, среди татарского населения и татарской жизни и обстановки.

Справедливость требует отметить, что успехи преподавания Френа далеко не соответствовали той, горячей любви, которую вкладывал он в дело, и сам профессор, сознавая в этом в одном из своих писем к попечителю, усматривает три причины этого явления: во-первых — недостаточное знакомство студентов с латинским языком, на котором велось им преподавание, условие отрицательного характера, с которым приходилось считаться и другим иностранным профессорам Казанского университета; во-вторых — недостаток подготовленных слушателей; в-третьих — отсутствие необходимейших пособий, даже лексиконов. Неудивительно, что при таких неблагоприятных условиях

постановки преподавания, крайне незначительным было всегда у Френа количество слушателей, да и те посещали его лекции, главным образом, по наряду профессора-директора, старавшегося неуклонно выполнить предначертания высшего начальства относительно создания в Казани ориенталистов.

В 1815—1816 академическом году Френ нес, по избранию, должность декана словесного отделения. В 1810 году он ответил отказом на предложенную ему в родном Ростокском университете кафедру богословия, а в 1815 году вторично приглашался в тот же университет, для занятия освободившейся после кончины его учителя, Цихсена, кафедры ориенталистики, но перемещение его в Росток не состоялось.

Френ уволился из Казанского университета 3-го августа 1817 года, вследствие перемещения его на службу С.-Петербургской академии наук. Казанский университет осенью того же года почил своего первого ориенталиста избранием в члены-корреспонденты. Последующая ученая и литературная деятельность Х. Д. Френа уже всецело принадлежит академии наук.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ФРЕН, Христиан Данилович (*Christian Martin von Frahn*), д. с. с. и ординарный академик Императорской Академии Наук, род. 23 мая 1782 г. в городе Росток-ке (в Мекленбург-Шверинском велик. герцогстве), ум. 16 августа 1851 г. в С.-Петербурге. Ф. занимал весьма видное место между ориенталистами первой половины нашего века, преимущественно как основатель научной нумизматики мусульманского Востока. В России же с именем Френа связаны, кроме того, возникновение научного востоковедения вообще, открытие и обнародование новых материалов для истории Руси, славян и народов, обитавших и обитающих в пределах нынешней России, как болгар, татар, хазар и др., и, наконец, основание Азиатского музея при Академии Наук.

Воспитание Ф. получил в Ростокском университете (1800—1803), где на него особенно влиял профессор богословского факультета О.Г. Тихсен (1734—1815). В то время, отчасти и поныне, в Германии преподавание восточных языков и древностей, преимущественно еврейских и арабских, возлагалось на профессоров богословия, так как изучение их предпринималось обыкновенно в интересах лучшего понимания книг Ветхого Завета при сравнении древне-еврейских языка и древностей с другими родственными им семитскими языками. Случайно находимые на берегу Балтийского моря Куфические монеты, хранившиеся в велико-герцогском минц-кабинете, дали Тихсену повод заняться арабской нумизматикой и магометанскими древностями, и свою любовь к этим занятиям профессор заронил и в душу Френа, который впоследствии оставил далеко за собою своего учителя. Однако, за редкостью в те времена в Германии восточных памятников, молодой ученый не сразу попал на настоящую дорогу, и пробыв некоторое время в других германских университетах, а затем в Швейцарии в качестве частного учителя, в 1806 г. вступил приват-доцентом богословского факультета в

свой родной университет. Жизнь приват-доцента, и еще при таком известном профессоре по той же кафедре, каков был Тихсен, представляла собою только ряд лишений и прозябание в неизвестности. Но скоро Френу представился благоприятный случай сразу выдвинуться на научном поприще. В новооткрытом (1804) Казанском университете была учреждена также кафедра восточных языков, которую решено было сначала заместить иностранным специалистом, и по рекомендации Тихсена она была предложена Френу, который 3 октября 1807 г. и прибыл в Казань. В Казани Ф., правда, не нашел тех научных средств, которые существовали в старинных немецких университетах (даже не нашлось латинского шрифта для напечатания сочинения), но взамен этого он там нашел то, что для него было гораздо важнее: много восточных рукописей и восточных монет, дотоле совсем неизвестных ученой Европе. Уже первый труд Френа по этой части, посвященный описанию 17 неизвестных мусульманских монет и напечатанный (по вышеуказанной причине) на арабском языке, обратил на него внимание ученых ориенталистов, знаменитейший из которых, Сильвестр де-Саси в Париже, дал весьма лестный отзыв об этом сочинении и всячески поощрял молодого автора продолжать свои изыскания по этой отрасли науки. В следующие года Ф. действительно представил описание нескольких частных коллекций восточных монет, хранившихся в Казани и других городах, подробно останавливаясь на неизвестных до того времени монетах восточного халифата, династий Саманидов, волжских булгар, татарских владетелей и др. Исследование этих монет привело Френа к изысканиям о местах их чеканки, о хронологической последовательности династий, о титулах владетелей и т.п., так что мало-помалу он захватывал в круг своих исследований почти всю область мусульманской археологии. В конце 1815 г. умер профессор Тихсен; Ф. был избран на его кафедру в Ростовском университете и принял избрание, но, проезжая по пути в Ростов через С.-Петербург и познакомившись с богатым собранием восточных монет при Академии Наук, согласился, по поручению Академии, составить описание означенного собрания. Этот труд блестящим образом был исполнен в 1817—1819 гг. Весьма естественно, что в среде Академии, преимущественно у нового ее президента С.С. Уварова явилось желание удержать Френа навсегда в России и таким образом способствовать возникновению одной из важнейших отраслей востоковедения на отечественной почве. Это было достигнуто избранием Френа в ординарные академики (1820). С этого времени Ф. не только продолжал неутомимо свои нумизматические изыскания, закончившиеся классическим сочинением: «*Recensio numorum muhammedanorum Acad. Imp. Scient. Petropolit.*» (1826), но и обогатил, благодаря своим неослабным стараниям, сокровища основанного по его наитию Азиатского музея (1818). Кроме того, постоянным и умелым отстаиванием интересов ориентализма пред правительством, искренним поощрением молодых русских ученых, посвятивших себя изучению Востока, и всегдашней готовностью помогать им советами и указаниями — Френу удалось положить прочное основание русскому востоковедению. Одна из главнейших заслуг Френа пред русской наукой состоит в открытии им богатых материалов для истории России и древних ее обитателей. Следует заметить, что время деятельности

Френа совпадает с эпохой пробуждения научного сознания в России, когда на арену выступили Карамзин, Калайдович, Строев, Ходаковский и др., когда между государственными людьми нашелся такой благородный меценат, как канцлер гр. Румянцев, особенно покровительствовавший всем работавшим в области славяно-русских истории и древностей. Он, между прочим, совершил во время пребывания в Казани в 1816 г., в сопровождении Френа, поездку к развалинам столичного города Булгара, и надобно полагать, что с этого времени Ф., побуждаемый гр. Румянцевым, стал заниматься исследованием восточных сказаний о России. Еще в Казани Ф. напечатал несколько статей в этом направлении, напр., о происхождении русского слова «деньга» (1815), о судьбах города Биляра (1816).

После переселения в Петербург и приобретения для Азиатского музея многих важных восточных рукописей труды Френа по истории древних обитателей России стали особенно плодотворны. Очень богатый запас сведений нашел он в большом географическом словаре арабского географа первой половины XIII в. Якута. Известия, заключающиеся в этом словаре о Руси, волжских булгарах и хазарах, заимствованные Якутом из записки халифского посланника к булгарам Ибн-Фадлана (922 г. после Р.Х.), в связи с сведениями других восточных писателей, доставили Френу материалы для трех весьма важных монографий: «*Veteres memoriae Chasarorum ex Ibn-Foszlano, Ibn-Haukale et Schems-Eddino Damasceno*» (1821), «*Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit*» (1823; самый важный его ученый труд после *Recensio numorum*), «*Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foszlans Reiseberichte*» (1832). Эти три исследования и некоторые другие, менее важные, открыли ученым как бы новый мир о восточной Европе, и если Карамзин оставался нерешительным в виду известий Ибн-Фадлана о Руси («Ист. Гос. Росс.», 2 изд., т. VIII, стр. 128; изд. Эйнерлина, т. I, прим. 6 стр. 37—39, 99—103), то следующие за ним ученые (Макушев, Котляревский, Голубовский и др.) успели объяснить многое в означенных известиях. Но как бы ни был окончательно решен вопрос о Русах Ибн-Фадлана, заслуги Френа, открывшего и издавшего записки этого арабского путешественника, велики и не подлежат никакому сомнению. Стоит только сравнить указанные сочинения Френа с вышедшим несколько позже сборником восточных известий о Руси известного ориенталиста Гаммера (J. de Hammer. *Sur les origines russes*, СПб. 1827) и напечатанным Френом по поручению гр. Румянцева, чтобы видеть разницу между научным и фантастическим рассуждением об одном и том же предмете.

Русский биографический словарь. [Т. 21]. Фабер-Цявловский. СПб., 1901.

ФРЕН (Fraehn, Frahn), Христиан Данилович (Христиан Мартин) (Christian Martin Joachim) (23.V.1782—16.VIII.1851). Немец; род. в Ростке, в герцогстве Мекленбург-Шверинском. По окончании лат. гор. школы поступил (1800) в местн. ун-т, где под руководством известного ориенталиста О. Г. Тихсена занимался изучением вост. яз. «и в особенности мугаммеданскими монетами и древностями, не упуская притом

и богословских занятий» (Дорн). По окончании ун-та отправился в Гёттинген, но лекции в здешнем ун-те не удовлетворяли его, и Ф. решил ограничиться самостоятельными занятиями; здесь он написал свою первую работу — «Aegyptus auctore Ibn-el-Vardi». Затем некоторое вр. занимался вост. яз. в ун-те г. Тюбингена у знаменитого Х. Шнуррера. Весной 1804 уехал в Швейцарию, где учительствовал 2 г. В 1805 получил в Ростке диплом на звание д-ра философии и магистра свободных наук; весной 1806 возвратился в Ростов, где занял в ун-те место «частного преподавателя».

В соответствии с университетск. уставом 1804 в рус. ун-тах учреждались каф. вост. словесности; по рекомендации О. Г. Тихсена Ф. в 1807 было предложено и принято им место проф. вост. яз. в КУ, куда Ф. прибыл 3.X.1807. В 1815 был избран деканом истор.-филол. ф-та КУ. В 1815 в Ростке скончался О. Г. Тихсен; в 1816 Ф. принял лестное предложение стать преемником своего учителя. В 1817, возвращаясь через Москву и СПб. в Ростов, Ф. остановился в СПб. «Академия наук не хотела упустить благоприятного случая воспользоваться опытом такого знатока мугаммеданской нумизматики для разбора, ученой оценки и приведения в порядок своего чрезвычайно богатого и замечательного, но тогда еще мало известного собрания восточных монет» (Дорн). Ф. принял предложение, и 24.IX.1817 был избран орд. акад. по разряду вост. древностей. «Имя Френа, — писал П. С. Савельев, — одно из самых безукоризненных в истории науки. Ученейший арабист, основатель и князь восточной нумизматики, Френ оказал великие услуги и русской истории. Сорок четыре года живя в России, он сроднился с Россией и жил только для своей науки и приложения ее к России». Заслуги Ф. перед рус. востоковедением огромны: его трудами был создан АМ¹ [Ф. был директором музея с момента его основания (1818) до выхода на пенсию (1842)]; Ф. положил начало описанию и изучению араб., перс., тюрк. ркп. АМ; создал рус. школу вост. нумизматики; один из первых обратил внимание на важность изучения вост. источников для истории России и блестяще это доказал своим трудом «Ибн Фослан (Фадлан) и другие арабские источники о русах древних времен» (СПб., 1823) и, наконец, заложил основы рус. школы востоковедения. Характеристика Ф. была бы далеко не полной, если не сказать о его учениках, среди к-рых М. Г. Волков, Я. О. Ярцов, П. С. Савельев, В. В. Григорьев, В. Г. Тизенгаузен. В историю тюркологии Ф. вошел описанием тюрк. ркп., изданием текста известного труда Абу-л-Гази «Родословная тюрков», статьями о булгарах, хазарах, башкирах и др.

Ум. в СПб.

Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / Под ред. А. Н. Кононова/. М., 1989.

Френ был истинный ученый по призванию. Предметом изучений его был весь мусульманский Восток, а средством к изучению — памятники, преимуще-

ственно нумизматические. Никто не извлек более света из этих мертвых дотоле материалов, получивших от его воззрения важность исторических документов. Едва ли есть страна Востока, которой история и география не была бы обогащена Френом. Для всякого историка мусульманской Азии, особенно времен халифата и наследовавших ему династий, Френ, как объяснитель монетных памятников этой эпохи, столь же необходимый руководитель, как летописи Табари, Масуди и Мирхонда. Мухаммеданская нумизматика, как наука, ему обязана своим настоящим развитием. Для России он открыл исторические источники как в летописях, так и в монетах Востока.

Труды Френа — классические и долго будут авторитетом в науке. [...]

Казанский университет, при своем основании, представлял мало ученых и учебных пособий, особенно новейших, и Френу приходилось, в первые годы своего там пребывания, довольствоваться книгами, какие находились в собственной его библиотеке. Другое, гораздо важнейшее неудобство в преподавании новоопределенного профессора состояло в том, что он мог читать свои лекции только на немецком или по-латине; а большая часть его слушателей не знала ни того, ни другого. Взамен книг Френ имел возможность читать много рукописей арабских, персидских и татарских, изучение которых образовало из него опытного палеографа, чему способствовало также рассмотрение им монет куфических и Золотой Орды, которые начали часто попадаться ему в Казани.

[...] Кроме нумизматических, исторических и филологических исследований, Френ занят был преподаванием в университете языков арабского, персидского и турецкого, даже еврейского и сирийского для желающих; писал речи для торжественных актов университета и ежегодные конспекты лекций, к которым присоединял большую часть которого-нибудь из своих исследований. Каждый год приготавливал он по крайней мере одно ученое исследование. Все это писал он на латинском языке, которым любил шеголять, потому что владел им как отличный латинист. Сверх того, он сообщал ученые известия в немецкие журналы и вел постоянно переписку с известнейшими европейскими ориенталистами. [...]

Как видно из самих заглавий приведенных сочинений, ученая деятельность Френа, в Казани, посвящена была почти исключительно археологии и филологии. Археологические его труды были обращены преимущественно на исследование местных памятников края, классического в мире татаршины. Более четырехсот видов монет Золотой Орды, им открытых, представили почти полный ряд ханов прежних властителей Руси.

Изучение этих монет повело его к объяснению собственных имен и титулов ханов, к исследованию о местоположении городов Орды, о русско-татарских монетах, о происхождении слова «деньги», и т.д. Это была первая важная услуга русской истории, оказанная Френом, которому суждено было впоследствии открыть в восточной литературе еще важнейшие источники для древней истории Руси. Заметим при этом, что в Казани Френ успел уже исчерпать почти весь запас джучидской нумизматики (изданная им в Петербурге в 1831 году, моногра-

¹ АМ — Азиатский музей.

фия Монет ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды изготовлена была им еще в 1816 году, в Казани), так что с тех пор, в течении тридцати слишком лет, как ему самому, так и другим ориенталистам-нумизматам, осталось на долю весьма мало открытий по этой части.

Куфические (арабские) монеты с VII по XI столетие, доселе находимые в русской почве и столь обильные в наших миншкабинетах, занимали Френа не менее, чем джучидские. Чтобы понять всю важность этих монет для истории мусульманского Востока, надобно знать, что ни один из известных доселе разрядов монет не представляет в своих надписях столько данных, сколько куфические: кроме собственных имен государей, мы узнаем из них годы их правления, имена принадлежавших им городов, нередко имена соправителей, министров и т.д., и эти данные пополняют пропуски летописцев восточных, особенно чуждающихся хронологии. Поэтому каждая куфическая монета есть исторический памятник, и важность так называемых «неизданных» заключается в том, что через них приобретает какой-нибудь неизвестный дотоле факт, обогащающий историю. Френ, в свою жизнь, открыл тысячи таких фактов и дополнил ими историю Востока. Едва ли есть династия, к истории которой он не прибавил хотя бы нескольких новых данных; а многие государства и узаны были вследствие его нумизматических открытий. [...]

В Петербурге не могли не остановить Френа восточные сокровища, хранившиеся при Академии Наук. Он узнал однако ж, что они никем еще не были разобраны и лежат грудями в Кунсткамере. Академия, с своей стороны, осведомясь о желании Френа осмотреть принадлежащие ей восточные древности, хотела воспользоваться этим случаем для приведения их в систематический порядок и описания их. По представлению академика Круга и с разрешения бывшего тогда министром духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына, конференция Академии предложила Френу заняться этим делом, с тем, что ему, на все времена занятий по Академии, присвоено будет звание ординарного академика по части восточных древностей, со всеми правами и преимуществами, с положенным содержанием и квартирою; а по окончании поручения предоставится на его волю — остаться ли в этом звании при Академии, или возвратиться в Ростов. Френ принимал это предложение, но с условием, если университет ростокский согласится не замещать кафедру восточных языков на все время пребывания его в Петербурге. Директория ростокского университета согласилась ждать профессора; Френ остался на время в Петербурге, и утвержден был ординарным академиком по части восточных древностей, со старшинством с 24 сентября 1817 года. [...]

Рукописи, как известно, до сих пор занимают у восточных народов место печатных книг¹. Далеко не все примечательные сочинения их писателей, сохранив-

¹ Знаменитый французский ориенталист Катрмер собрал из восточных писателей любопытные известия о числе и богатстве библиотек и рукописей на мусульманском Востоке, в цветущую его эпоху (Memoir sur le gout des livres chez les Orientaux, в Journ. Asiat. 1838, t.VI). Русский перевод этой статьи помещен мною в Журн. Мин. Нар. Просв. 1840, т. XXVII, отд. IV: «О книгохранилищах на Востоке».

шиеся в рукописях, известны в Европе, и самая незначительная часть их напечатана европейскими учеными в подлиннике и переводах. Поэтому рукописи, и для европейских ученых, занимающихся Востоком, составляют ничем не заменимый и существенный предмет изучения и розысканий. Основатель Азиатского Музея, благодаря просвещенному содействию двух министров, графа С. С. Уварова и графа Канкрин, успел, в этом отношении обогатить книгохранилища России драгоценными творениями восточных писателей, и образовать библиотеку рукописей, не уступающую обилием и достоинством известнейшим в Европе. [...]

Френу обязан ученый мир изданием в свет рукописи «Книги Древа Турецкого», или татарской истории, Абульгазы, напечатанной на издвении государственного канцлера графа Румянцова. Латинское предисловие к тексту написано Френом; самый же текст «Истории» печатался в Казани под смотрением лектора тамошнего университета Ибрагима Хальфина. [...]

Особенно внимателен был он к молодым отечественным ориенталистам, только что начинавшим поприще, для которых был всегда руководителем[...].

Благодаря этому живому чувству, неразрывному с чистой любовью к науке, ученая деятельность Френа и не осталась бесплодною для России, как бесплодны труды тех выписных ученых, которые и на новой почве продолжают жить прежним духом, чуждые русской жизни и для ней бесполезные. Были и до него в Академии знающие ориенталисты — скромный Кер и знаменитый Клапрот, но труды их не оставили даже следов в русской науке; а Френ привил свою науку к русской почве и оставил немало последователей и продолжателей. [...]

Почести, которых Френ не добивался, шли сами вслед его заслугам. Он имел чин действительного статского советника, ордена Св. Станислава первой степени, Владимира третьей, и Анны с алмазами. Почти все русские ученые общества и двадцать академий и обществ заграничных считали его своим почетным или действительным членом.

Савельев П. О жизни и ученых трудах Френа. Спб., 1855.

Десница Александра Благословенного, созидая благотворное заведение университета в Казани, 5 ноября 1804 года учредила в оном особую кафедру восточных языков, к которым тогда причислялись Арабский и Персидский, иногда с привосвокуплением Еврейского и Сирийского.

Для новой кафедры, 26 июля 1807 года в должность ординарного профессора приглашен был из Ростка, питомец Нестора Германских ориенталистов О. Г. Тиксена доктор Кристиан Мартин Френ, стяжавший уже себе ученую известность за границею своими сочинениями¹. В юном заведении представились ему затруднения, простирающиеся от малочисленности студентов и недостатка учебных пособий, необходимых для успешного преподавания новых предметов. Но усердный профессор, в течение десятилетнего своего пребывания в Казани,

нескольким слушателям объяснял авторов Арабских и Персидских, монеты ханов Золотой орды и Арабскую палеографию на Латинском языке, предлагал свои услуги желающим познакомиться с Еврейским и Сирийским языками, изыскивал способы обогатить университет восточными книгами, рукописями и монетами, и все свои досуги посвящал ученым разысканиям и сочинениям, которые, по мнению современных знатоков, доставили ему неувядаемую славу знаменитого ориенталиста. Это были самые приятные предвестники завоеваний, которые суждено было Г. Френу совершить в области науки востока, преимущественно для пользы древней Русской истории. [...]

Итак, университет, с самого основания своего, по части Азиатской филологии, имел преподавателей Арабского, Персидского и Татарского языков. Казань в 1817 г. лишилась трудолюбивого ориенталиста в лице Г. Френа, которому Ростокский университет предложил кафедру восточных языков, осиротевшую по смерти известного Тиксена. Но верховное в нашем отечестве ученое сословие тотчас приняло его в число академиков, и Г. Френ, в новом кругу, неутомимо возделывая обширную область избранной им науки, не переставал быть полезным для прежнего места своего служения, которое украсило им ряд своих почетных членов [...].

В 1818 году Казанский университет кафедру Арабского и Персидского языков вверил доктору Францу Эрманду, вызванному также из Востока и явившемуся к должности в конце августа следующего года. Но и его сопровождали прежние неблагоприятные обстоятельства в самом начале преподавания, а именно, недостаток слушателей с надлежащими познаниями в Латинском языке, необходимом тогда для следования за лекциями профессора, и имеющих чистое понятие о будущем своем назначении в государственной службе и наряду с исследователями литературы востока. В самом деле, трое студентов, обучавшихся Арабскому и Персидскому языкам, по истечении года оставили свое намерение; заменил их единственный слушатель, Немец, который занялся восточными языками, не как главным предметом, а посторонним только, вспомогательным для приобретения сведений, нужных ему при изучении богословских наук.

Вот причина, почему университетский совет 16 декабря 1822 года принужден был распорядиться введением преподавания Арабского и Персидского языков в Казанскую гимназию и поручить профессору Эрманду избрать там надежных питомцев для приготовления их к поступлению, со временем, в число студентов по восточной словесности.

Ковалевский О. М. Обзор хода и успехов преподавания азиатских языков в Имп. Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842 г.

¹ Aegyptus auctore Ibn al-Vardi. Ex apographo Escorialensi una cum lectionibus variis e codice Dresdensi primus edidit, vertit notulisque illustravit Chr. M. Frahn, Halae, 1804; 2) Curarum exegetico-criticarum in Nahumum Prophetam specimen, Rostochii, 1806.

ФУКС* (Карл Федорович, 1776—1846) — известный в свое время врач, этнограф, археолог, историк и нумизмат, учился в Гёттингене, в 1800 г. отправился в Петербург, где первоначально был полковым врачом. В 1801 г. ему удалось предпринять путешествие в восточную Россию с естественно-научными, преимущественно ботаническими целями. В 1806 г. сделавшись профессором естественной истории и ботаники во вновь открытом Казанском ун-в., Ф. скоро сумел возбудить в своих слушателях интерес к естественной истории. Прогулки со студентами для собирания растений и бабочек входили в программу лекций Ф., причем ботанические коллекции располагались по системе Блюменбаха. В 1819 г. Ф. была поручена кафедра патологии, терапии и клиники, а в следующем году на него возложено чтение анатомии, физиологии и судебной медицины. С 1812 г. Ф. действовал также в качестве практического врача. С 1820 г. по 1824 г. Ф. был избираем на должность декана врачебного отделения (теперешнего медицинского факультета), а затем ректора университета, в каковой должности оставался до 1827 г. С самого своего приезда в Казань он обращает внимание на невозможное ее санитарное положение и кладет начало изучению Поволжья в медико-топографическом отношении. С 1812 г. он начинает печатать в «Казанских Известиях» краткие заметки о показаниях барометра и термометра, о направлении и свойствах ветров, о болезнях, господствовавших в Казани, а также и свои наблюдения о прилете птиц, о появлении бабочек, растительности и т.д. Не менее важны в исследовательском отношении исследования Ф. в областях этнографии, археологии и истории Поволжья. Он изучает религиозные обряды, праздники, обычаи и семейную жизнь татар и поволжских инородцев финского племени. Результаты своих изучений татар Ф. изложил в двух монографиях: «Краткая история гор. Казани» (в «Казанск. Известиях» 1817, №№ 67, 68 и след., есть и отдельные оттиски) и «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении» (Казань, 1844). Для знакомства с моравою Ф. ездил в Чистопольский уезд и напечатал свои заметки о мораве в «Журн. Мин. Внутренних Дел» 1839 г. Ф. собирал также восточные рукописи и монеты; собранная им нумизматическая коллекция перешла в 1823 г. к казанскому университету. В 1830 г., во время «первой холеры», напечатал в «Казанском Вестнике» свои наблюдения о ходе болезни и о способах ее лечения. Др. труды Ф.: «Prodromus florae Rossicae Cisuralensis» (до 1805 г.); «Заметки медико-топографические» («Каз. Изв.» 1812, №№ 5, 9, 14, 19 и 22); «Museum Orientale Fuchianum» (Казань, 1815—1817, собрание отдельн. таблиц, литограф. в Казани); «Путешествие по Башкирскому Уралу» («Каз. Вестник» 1832, кн. VIII и IX), «Поездки из Казани в Чебоксары, письма А. А. и К. Ф. Фукса» («Заволжский Мура-

* О деятельности Фукса нами опубликована специальная работа «Памяти профессора К. Ф. Фукса». Казань, 1996. Издатель В. Г. Дич.

вей», 1834, т. I и II, статья эта вошла впоследствии в «Записки о чувашах и черемисах»; «Сказание казанского купца Л. Ф. Крупеникова о пребывании Пугачева в Казани» («Каз. Губ. Ведом.», 1843, № 51); предварительно помещалось в виде отдельн. статей в «Каз. Изв.» 1814—1815 гг. и в «Заволжск. Муравье» (1834). Ср. А. А. Фукс, «Вечер на даче июля 13-го 1831 г.» («Заволжск. Муравей», 1832, т. II, характеристика К. Ф. Фукса); К. В. Лавровский и П. А. Пономарев, «К. Ф. Фукс и его время» («Казанский литературный сборник», 1878, стр. 223—538); Н. Н. Булич, «Из первых лет Казанского университета, 1805—1819» (Казань, 1887 и 1891, 2 т.); В. и Д. Корсаковы, в «Русск. Биографическом Словаре» (СПб., 1901).

Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1902. Т. 36а, полутом 72.

ФУКС, Карл Федорович (6.IX.1776—24.IV.1846). Выдающийся казанск. деятель, проф. терапии, патологии и клиники (до 1818 — естественной истории и ботаники) КУ, ректор КУ (1823—1827); одновременно с 1819 по 1826 — врач б-цы КУ. Окончил Гёттингенский ун-т, ст. д-ра получил в 1798 в Марбургском ун-те; с 1800 — в СПб. — практикующий врач; в КУ — с 1805 (т.е. со времени его учреждения); 1833 — заслуж. проф. КУ; 1.VII.1833 вышел в отставку. Дом Ф. в 30—40-х гг. был центром культурн. жизни Казани. Как знаток местн. края и автор ряда статей и трудов по истории, этнографии, статистике Казанского края [«Краткая история Казани» (1817), «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении» (1844) и др.], Ф. пользовался широкой известностью. В архиве Аделунга (РО ГПБ, ф. 7, № 19) сохранилась молитва «Отче наш» на лат. яз. с переводом на казанско-татарский язык (1 л.): Texte en regard. Лат. буквами. Перед текстом: «Mitgetheilt von Hrn. Prof. Fuchs in Kasan. 15 oct. 1807. Kasan-Tatarisch»; «Ueber die Sprache der Kasanischen Tataren. Mitgetheilt von dem Hrn. Prof. Fuchs in Kasan» (1 л.) — несколько грам. заметок и перевод «Das Vater-Unser» с объяснениями некоторых оборотов и слов.

Ум. в Казани, похоронен на Лютеранском кладбище.

Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / Под ред. А.Н. Кононова. М., 1989.

1808 году Фукс предложил, как профессор натуральной истории, для большей успешности преподавания купить 202 штуфа за 400 руб. асс. Коллекция, предложенная Фуксом, состояла из разных горных пород и руд. В этом собрании находился и «мраморный монгольский идол, найденный в Казани, в Булаке». Фукс указал, между прочим, что в этой коллекции находятся «редкие куски золота, серебра, меди и пр.». Попечитель Румовский изъявил согласие на покупку этой коллекции.

Штуkenберг А. Материалы для истории минералогического и геологического кабинетов Имп. Казанского университета: 1805—1865. Казань, 1901.

Документы о К. Фуксе
в Национальном архиве Республики Татарстан.

В Национальном архиве Республики Татарстан хранится более 80-ти документов, связанных с жизнью и деятельностью Карла Федоровича Фукса, известного ученого-естествоиспытателя, врача, краеведа, педагога, одного из наиболее ярких представителей науки в Казанской губернии первой половины XIX века. Самый ранний документ датируется 1805 годом. Это подлинный список первых профессоров и адъюнктов только что открывшегося Казанского университета. В нем значится доктор медицины, ординарный профессор естественной истории и ботаники Карл Фукс. Деятельность Фукса в университете была обширна и многогранна. Об этом свидетельствует комплекс документов о назначении и перемещении его на различные должности, формулярный и послужной списки. Помимо преподавания естественной истории и ботаники Фукс читал лекции по зоологии и судебной медицине, заведывал гимназической больницей и университетской клиникой. Сохранились подлинники избирательных бюллетеней, по которым Карл Фукс избирался на должности декана врачебного отделения, а в июне 1823 г. на пост ректора университета, копия указа Александра I об утверждении ординарного профессора Фукса ректором и текст присяги, принесенной им при вступлении в эту должность. Деятельности Фукса в звании ректора посвящены материалы о назначении и перемещении на должности преподавателем, о ревизии Астраханской гимназии, переписка с правлением по некоторым преобразованиям во внутреннем распорядке университетской жизни, в частности наведения порядка в расписании лекций и экзаменов, в системе замещения отсутствующих преподавателей. Все это подлинные документы с автографом Карла Фукса.

С его именем неразрывно связано создание при университете первого в Казани ботанического сада. Сохранилась переписка профессора Фукса с Правлением и Советом университета, где обсуждаются вопросы постройки на месте бывшего Тенишевского сада оранжерей и теплиц, о найме садовника, расширении территории сада, пополнения его новыми растениями и семенами. Фукс же явился и первым организатором естественно-исторических коллекций университета. Много лет спустя это собрание пополнилось предметами из личных коллекций ученого. В фонде университета сохранились сведения о приобретении для натуралистического кабинета зоологической коллекции профессора Фукса. Опись этой коллекции включает в себя несколько десятков чучел птиц и грызунов, населяющих Казанский край. В связи с этим нельзя не упомянуть и такой любопытный документ как уведомление профессора Фукса попечителя Казанского учебного округа о рыбе кутерьме, распространенной в реках Спасского уезда и мелких речках, впадающих в Казанку, характеризующий огромный и неподдельный интерес Карла Фукса к природе края, ставшего ему второй родиной.

К 1824 г. относятся документы о приобретении университетом для музея исторических редкостей уникальной нумизматической коллекции ученого. Эта

коллекция удивляла и восхищала даже известных востоковедов и нумизматов. Она состояла из редких восточных и татарских монет и, несомненно, помогла составить точную хронологию правления казанских ханов при создании Фуксом своей знаменитой «Краткой истории города Казани». В ней он рассмотрел главные этапы развития города, привел в систему источники его истории с древнейших времен. Но основная ценность этого труда в том, что при его написании Фукс использовал как русские, так и татарские летописи. В 1896 г. «Краткая история города Казани» была выставлена в числе экспонатов Всероссийской научно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде. Как ценная реликвия, она находилась в футляре под замком.

К последнему периоду пребывания Карла Фукса в университете относятся документы о присвоении ему звания заслуженного профессора. Переписка об этом Совете университета и Попечителя Казанского учебного округа, послужной список Фукса, ходатайство и уведомление Попечителя в Совет об утверждении Карла Фукса в этом звании. И, наконец, последние документы этого периода об увольнении профессора Фукса из университета и назначении ему пенсии.

Карл Фукс был на редкость разносторонне образованным и талантливым человеком. Он явился одним из организаторов Общества любителей отечественной словесности и принимал активное участие в его работе, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве протоколы заседаний этого общества. Но все же основным призванием его была медицина.

Как терапевт, он не знал себе равных во всей губернии. В Национальном архиве хранится подлинная рукопись Карла Фукса по медицине. Небольшая книжечка на латинском и немецком языках, которая еще ждет своего исследователя. А также еще один интересный документ «Наставление по предохранению учебных заведений от заразных болезней», сочиненный Фуксом в содружестве с профессорами Брауном, Эрмманом и Ренардом. В нем говорится, что «причина заразы в собственном нашем организме и состоит в способности его быть зараженным. Причины, производящие оную способность быть зараженным, суть:

1. Недостаток хорошей пищи и питья, как в качестве, так и в количестве.

2. Нечистый воздух.

3. Душевное уныние».

Далее приводятся основные гигиенические требования для профилактики многих инфекционных заболеваний, а также рецепты простых, но эффективных способов их лечения. Карл Фукс выявил все симптомы холеры и характер течения этой болезни, разработал свой метод лечения и достиг хороших результатов.

Как свидетельствуют архивные документы, свой опыт он успешно применил и в Нижнем Новгороде, куда был приглашен для помощи в борьбе с эпидемией.

Авторитет профессора Фукса был чрезвычайно велик. Это подтверждает и поручение Военного министерства провести ревизию Казанского военного госпиталя. Подробный отчет о его состоянии хранится среди других документов в

архивном фонде. Также как и благодарственное письмо за него профессору Фуксу от Попечителя учебного округа.

Недостаточно полно представлены в архиве документы, касающиеся личной жизни Карла Фукса. Наиболее ценными здесь являются метрические записи о венчании его с Александрой Апехтиной 3 июня 1821 г. и о смерти его в 1846 г. А также сведения о внуках Фукса Е. Д. Кошляковой, А. Д. и З. Д. Брылиных.

Еще один комплекс документов посвящен увековечению памяти Карла Фукса в нашем городе. Это журнал заседаний Казанской городской думы за 1896 г. с постановлением о приведении в порядок могилы Фукса на лютеранском кладбище и установлении присмотра за ней, переименовании улицы Поперечно-Тихвинской в улицу Фукса и разведении на высоком берегу Казанки Фуксовского сада. Также сохранилась переписка Казанского городского головы С. В. Дьяченко с внуками Фукса по поводу празднования юбилея ученого и назначении его внучке Зинаиде Брылиной пособия.

В 1996 г. собрание документов о Карле Фуксе Национального архива РТ пополнилось новыми материалами. Из Гесинского государственного архива (Германия) прибыли негативы с метрической записи о рождении Карла Фукса в г. Герборне и документов о его учебе, о деятельности его отца Иогана Фридриха Фукса, профессора богословия Герборнской Академии, а также каталог с Ломоносовской выставки с фотографиями г. Марбурга. Есть основание надеяться, что и далее в архив будут поступать документы, которые откроют новые страницы в жизни и деятельности Карла Фукса.

Горохова Л.В., директор Национального архива Республики Татарстан.

ШАРБЕ, Август Васильевич, профессор римской словесности и древностей. Родился в 1790 г., в г. Либенау (в Нижнем Лаузице). В 1813 г. получил степень доктора философии Виттенбергского университета.

22 декабря 1832 года избран ординарным профессором Казанского университета по кафедре древностей и языка латинских; прибыл в Казань 1 сентября 1833 года. Уволен от службы, по тяжелой болезни, 21 октября 1843 года.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ЦЕПЛИН, Петр Андреевич (Петр Даниил Фридрих), профессор всеобщей истории, географии и статистики, а затем политической экономии и дипломатии. Родился в 1772 году, в г. Ростке; образование получил в Ростокском и Гёттингенском университетах, удостоившись в 1801 году степени доктора философии, хотя научно-литературная деятельность Цеплина еще раньше ознаменовалась двумя печатными трудами, из которых первый, из области клас-

сической римской словесности и составленный им совместно с Далем, относится к студенческой поре его жизни (1791 г.), а второй, посвященный вопросу о варинах, издан в 1797 году. Переселившись в исходе 1795 года в Остзейский край, Цеплин стал заниматься разработкою материалов по его истории и здесь-то завязались у него отношения, открывшие ему дорогу к русской ученой службе и доставившие ему 26 февраля 1804 г. место учителя всеобщей истории и статистики в казанской гимназии, а следом затем и кафедру в Казанском университете.

Заняв в Казанском университете, при самом его открытии, кафедру всемирной истории, статистики и географии, Цеплин выступил в совете непримиримым противником директора Яковкина и руководителем партии, протестовавшей против директора и современного университетского режима. Столкновения Цеплина с Яковкиным имели своим результатом устранение Цеплина от участия в совете, а затем, в конце 1806 года, и совершенное удаление его из университета. Вновь определенный в Казанский университет осенью 1813 года, на этот раз уже на кафедру дипломатики и политической экономии, Цеплин в продолжении ряда лет нес звание декана отделения нравственно-политических наук и был вторично, и на этот раз уже окончательно, уволен из Казанского университета 5 августа 1819 года, одновременно с своим врагом Яковкиным, при массовом увольнении Магницким профессоров.

В 1823 году, после четырех лет пребывания в отставке, Цеплин был определен библиотекарем адмиралтейского департамента, а в 1827 году переименован библиотекарем гидрографического депо морского министерства; последнюю должность бывший казанский профессор нес до самой своей кончины. Умер 13 июля 1832 года.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ЦЕПЛИН (Петр-Даниил-Фридрих, по-русски Петр Андреевич, 1772—1832) — первый по времени определения профессор Казанского университета. Учился в унив. Ростокском и Гёттингенском; был домашним учителем в Лифляндии и в С.-Петербурге. В 1804 г. Ц. получил приглашение занять кафедру ординарного профессора истории и статистики в Казанском унив. О преподавании его здесь до выхода в отставку (в 1807 г.) сведений не имеется; известно только, что отличавшийся прямым, открытым характером Ц. не мог ужиться с властолюбивым и деспотичным Яковкиным — инспектором студентов, пользовавшимся расположением попечителя Румовского, и образовал из иностранных профессоров оппозиционную партию, но вскоре был оставлен, как «главный высокий крикун». При новом попечителе, Салтыкове, Ц. в 1813 г. был снова принят в университет на кафедру дипломатики и политической экономии; в следующем году был деканом отделения нравственно-политических наук, но при массовом увольнении профессоров

Магницким в 1819 г. должен был покинуть Казань. Умер в должности библиотекаря гидрографического депо. Литературные труды Ц. заключаются в двух рукописях; «Geschichte Livlands» и «Versuch einer Chronologie fuer Alnpeks Chronik» (хранящ. в Имп. Публичной Библиотеке) и двух печатных сочинениях; «Notitia codicis manuscripti C. Sallustii» etc. (Ану. 1791) и «Die Variner und Warnaver. Ein Beitrag zur altern Voelkergeschichte Deutschlands» (Шверин, 1797; ценная монография по истории германских племен, не лишенная интереса, по словам проф. Нагуевского, и в настоящее время). — См. Н. Булич, «Из первых лет Казанского университета» (ч. I и II) и «Ученые Записки Казанского Университета» за 1897 и 1899 гг.: «Университетская летопись».

Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1903. Т. 38, полумот 75.

Петр Даниил Фридрих ЦЕПЛИН — Peter Daniel Friedrich Zaepelihn¹ — родился в великом герцогстве Мекленбург-Шверинском, в городе Ростокке. На основании коренного слога его фамилия Заер, чуждого немецкому языку, но собственного языком славянским, возможно допустить, что сам Zaepelihn или его отец происходил из онемеченного рода прибалтийских или полабских Славян, остатки которых рассеяны и в настоящее время по немецкому поморью и берегам Эльбы. Русское имя Цеплина было Петр Андреевич. Вероисповедания он был лютеранского.

О годе рождения Цеплина не сохранилось никаких данных в архивных делах Ростокского университета. Но из «Послужных списков чиновников казанского университета за 1819 год» усматривается, что в этом году, достопамятном для университета по ревизии Магницкого, Цеплину было 47 лет², а из его «Формулярного списка за 1831 год», хранящегося в Гидрографическом Депо, видно, что в этом году Цеплин имел от роду 59 лет³. Таким образом, при сопоставлении приведенных цифровых данных, время рождения Цеплина совпадает с 1772-м годом.

Общественное положение родителей Цеплина нам неизвестно и старания некоторых ростокских ученых добыть относящиеся сюда сведения — остались без успеха⁴. Мы знаем только, что отец Цеплина жил еще в Ростокке ко

¹ Rectorat der Landes Universität zu Rostock, от 2 июня 1896 г. — Архив Морского Министерства, Гидрографическое Депо, Отд. 2 № 414 стр. 101. — В Архиве Казанского университета за 1819 г. № 400 лист 7, он назван только «Мекленбургским уроженцем». — Согласно приведенному выше отношению ректора Ростокского университета, начертание Zaepelihn — единственно правильное («allein richtige Schreibung»). Так значится фамилия Цеплина в его печатных трудах; в других местах встречаем неправильное начертание Zeplin и Zepplin (Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, bearbeitet von J. Er. v. Recke und K. Ed. Napiersky, IV-er Band, Mitau 1832 стр. 580 примеч.). — Ошибочную передачу его фамилии по-русски «Циплин» находим только в переводе прошения Цеплина на Высочайшее Имя (см. «Приложения»).

² Архив Казанского университета 1819 г. № 400 л. 7.

³ Архив Морского Министерства, Гидрографическое Депо, Отд. 2 № 414 стр. 101.

⁴ Письмо бывшего ректора Ростокского университета Г. Кэрте, от 11 июля 1896 г. — Письмо директора Ростокской гимназии Р. Ланге, от 6 июля 1897 года.

времени назначения его сына в Казанский университет между 1803—1804 гг. и притом в стесненном материальном положении: «in beschränkten Verhältnissen lebenden Vaters Vermoögenslage»⁵. О предварительном образовании Цеплина тоже нет сведений, так как акты и списки воспитанников Ростокской гимназии за вторую половину XVIII-го века не сохранились⁶.

На семнадцатом году жизни, 6-го сентября 1788 года, Цеплин поступил в студенты богословского факультета Ростокского университета⁷. [...]

Хотя Цеплин официально числился «theologiae studiosus», но из дальнейших данных о его научных занятиях и последующей карьеры, как профессора, становится несомненным, что в период своего студенчества он изучал дисциплины еще двух факультетов: философского и юридического. Из предметов философского факультета он несомненно занимался древними языками, особенно латинским, всеобщей историей и древней географией; на юридическом он слушал: политическую экономию, статистику, дипломатику, всеобщую географию и другие отделы историко-политических наук. Этнографическими вопросами, он, по собственным словам, занимался тоже, будучи студентом⁸. Эти «штудии» побудили Цеплина после обычного в немецких университетах «triennium» специальных занятий (с 1788 по 1791 г.), пробыть в Ростке еще два года, когда 22 апреля 1793 года он перешел на богословский факультет Гёттингенского университета. [...]

В конце 1795 года мы встречаем Цеплина уже за пределами Германии — в Лифляндии; но нам неизвестны вполне обстоятельства, при которых первый казанский профессор переселился в Россию. Несомненным, однако, следует признать, что побудительной причиной к тому послужила, как материальная необеспеченность самого Цеплина, так и то, что для интеллигентного немецкого пролетариата Россия была всегда обетованной страной, в которой германские выходцы успевали не только удобно устроиться, но и выйти в люди, сделать карьеру. Так называемые «Остзейские провинции» вообще, а главный их центр — Рига, в частности, представляли для немецких переселенцев не только «этапный», но и «опорный» пункт, в котором они временно обосновывались и, укрепившись, строили планы для дальнейших действий в пределах остальной России. Наплыву германских выходцев в Прибалтийский край премного способствовал как самый строй и характер его тогдашней общественной и интеллектуальной жизни, всецело проникнутой немецким партикуляризмом, духом и установлениями, так и те традиционные связи, которые неразрывно поддерживались привилегированным немецким населением между Остзейскими провинциями и зарубежной Германией. Школа и лютеранская церковь, суд и адвокатура, свободные интеллигентные профессии и общественное представительство — почти всецело находились в руках остзейских немцев, воспитанни-

ков немецких университетов, или в руках зарубежных германских уроженцев, утвердившихся в России. [...]

По архивным данным университетов Гёттингенского и Ростокского, Цеплин, переселившись в Россию в конце 1795 года, был, в продолжении девяти лет, сначала домашним учителем частью в Лифляндии, частью в С.-Петербурге, затем трудился на литературном поприще, а в ноябре 1803 года получил приглашение занять кафедру ординарного профессора истории и статистики в Казанском университете. [...]

Кружок немецких академиков в С.-Петербурге, имевших связи с заграничными учеными, явился посредствующим звеном между иностранными искателями кафедр в русских университетах и попечителями вновь образованных учебных округов. Главным деятелем здесь выступал влиятельный член Академии Наук, неперемный ее секретарь, Н. Фусс, по рекомендации которого, несколько иностранных ученых сделали профессорами казанского университета в первые годы его истории⁹. [...] академик Степан Яковлевич Румовский, назначенный 20 июня 1803 года первым попечителем Казанского Учебного Округа, предложил в ноябре того же года Цеплину профессуру в Казанском университете. [...]

Цеплин в то время, хотя и считался «ученым иностранцем», но не успел еще заручиться степенью доктора заграничного университета, а потому для Румовского было особенно желательным фактически ознакомиться с научными взглядами, методом и приемами преподавания будущего профессора. В виду этого, он предложил Цеплину представить «План преподавания всеобщей истории и статистики в Императорском Казанском университете». Искатель кафедры отнесся весьма внимательно к возложенной на него задаче и представил Румовскому обстоятельно разработанный «План чтений по истории в гимназии и университете», в котором изложил, как распределение самого материала чтений, так и свои взгляды на характер и задачи преподавания истории и статистики. [...] Одоблив план, Румовский предложил «ученому иностранцу» преподавать, до открытия университета, историю в Казанской гимназии, с жалованьем по 1500 руб. в год, «считая в том числе квартиру, дрова и освещение» и с тем условием, чтобы, по открытии университета Цеплин «вступил в права ординарного профессора Всеобщей истории и Статистики». [...]

Но Цеплин, как увидим ниже, еще не скоро прибыл в Казань. Трудности далекого пути ранней весной заставили его, после получения в марте месяце 1804 года жалованья и прогонных денег, отложить отъезд в Казань до мая месяца и позаботиться тем временем приобретением степени доктора, наименование которой, без сомнения, было поставлено на вид Румовским искателю кафедры. [...] 15-го мая нов. стиля 1804 г. в философском факультете Ростокского университета было заслушано представление Даля, который, ука-

⁵ Rectorat der Landes Universitaet zu Rostock, от 2 июня 1896 г.

⁶ Письмо директора Ростокской гимназии Р. Ланге, от 6 июля 1897 г.

⁷ Rectorat der Landes Universitaet zu Rostock, от 2 июня 1896 г.

⁸ Die Wariner und Warnawer. Ein Beytrag zur altern Voelkergeschichte Deutschlands von Peter Daniel Friedrich Zapelihn. Schwerin 1797, Vorrede p. 2.

⁹ Например, профессор скотолечения Теобальд Ренер и профессор прав гражданского и уголовного судопроизводства Иоанн Нейман (Н. Булич, ч. II, Казань, 1891, стр. 34 и 67).

зывая на ученую и педагогическую деятельность Цеплина и на сделанное ему предложение занять кафедру истории и статистики в Казанском университете, ходатайствовал о возведении его в степень доктора философии и при том *honoris causa*, т.е. безвозмездно, в виду стесненного материального положения, как самого Цеплина, так и его отца, проживавшего в Ростове. Представление было единогласно принято факультетом и по одобрении его 22 мая того же года Герцогом Фридрихом Францом I, надлежащий диплом Цеплину был изготовлен 14 июня (нов. ст.) 1804 года.

[...] Первое известие о новом преподавателе гимназии и будущем профессоре университета пришло в Казань 14 марта 1804 года, когда в совет Казанской гимназии поступило следующее предложение попечителя Румовского (3 марта 1804 г. № 39): «Его Сиятельству Министру Народного Просвещения по представлению моему угодно было назначить ученого иностранца Цеплина для преподавания в Императорском Казанском университете всеобщей истории и статистики по плану от него представленному с тем, чтобы он до открытия университета преподавал Всеобщую историю в Казанской гимназии, с жалованьем по тысяче пятисот рублей в год, считая в том числе квартиру, дрова и освещение, а по открытии вступил бы в права ординарного профессора. По чему по приезде его в Казань Совет имеет допустить его к назначаемой должности, и выбрав из воспитанников по усмотрению Совета способных от 8-ми до 10-ти человек, составить класс Исторической, в котором бы он, Г. Цеплин, по одному своему плану преподавал в Истории наставления по осьмью часов в неделю, назначая к тому время, какое и для него и по расположению прочих классов будет удобно, притом на таком из преподаваемых в гимназии языке, в котором воспитанники более утвердились, и с пользою могут слушать оныя.[...]».

В собрании совета 13 августа определено было составить для него «профессорской класс» из следующих 12 учеников: Александра Васильева, Владимира Графа, Петра Кондырева, Андрея Шубина, Петра Балясникова, Федора Риттау, Василия Кузьминского, Андрея Протопопова, Дмитрия Княжевича, Павла Попова, Никифора Андреева и Николая Манассеина. Представляя об этом попечителю, совет доносил, «что Цеплину дано несколько лишних учеников потому, что в продолжении курса из числа их в каждом классе обыкновенно несколько убывает».

[...] К сожалению, к нам дошло немного сведений о характере этой деятельности. Из «Собрания расположений учебного времени», а также из «Собрания рапортов дежурных по классам офицеров» — Яковкина и Перевощикова — усматривается, что уроки Цеплина происходили «дополудни», по вторникам, средам, пятницам и субботам и что преподавание велось на немецком языке. [...] Об успехах классного преподавания Цеплина говорит Яковкин, по свидетельству которого, посещая исторический класс Цеплина в гимназии неоднократно, он, по ответам учеников и по «партикулярным» рассказам его самого, убедился, что ученики Цеплина понимают его хорошо. Автор рассказов «Из первых лет Казанского университета» [Н. Н. Булич—А. Г.] не решается признать это указание вполне справедливым, хотя предшествующая педагогическая деятельность Цеплина и его занятия в германских универси-

тетах несомненно много говорят в пользу основательной его подготовки к званию опытного наставника. Молчание Аксакова о личности и уроках Цеплина, отмеченное тем же автором, не может иметь значения для оценки педагогической деятельности первого казанского профессора, так как Аксаков не был учеником Цеплина в гимназии. В ноябре был исключен за участие в беспорядках Дмитрий Княжевич и Цеплин лишился лучшего ученика, бывшего, по словам Аксакова, «красою, славою гимназии»; выбыли также до окончания курса Александр Васильев и Андрей Протопопов. [...]

Классными занятиями с учениками в гимназии и ограничивалась вся служебная деятельность Цеплина до открытия университета. [...]

Слухи о предстоящем основании университета в Казани носились в городе еще до прибытия Цеплина; эти слухи окрепли, когда стало известным, что Цеплин назначен преподавателем гимназии только временно, до открытия университета. Наконец, в декабре 1804 года получилось официальное уведомление, что устав университета 5 ноября подписан Государем. Известие это произвело сильное впечатление в кружках гимназии, из которой, как из питомника, многое должно было перейти в возникающий университет. По словам Аксакова, лучшие ученики высшего класса, слушавшие курс уже во второй раз, надеялись, что будут произведены в студенты: им открывалась широкая перспектива высшего образования. На улучшение своего положения рассчитывали и многие представители преподавательской корпорации, особенно же члены тогдашнего совета, познания которых могли найти себе применение в стенах нового учреждения. Определялось вполне и почетное, видное положение Цеплина, как старейшего члена нарождавшейся профессорской корпорации. [...] 14 февраля, попечитель прибыл в Совет гимназии и, прочитав лично Высочайше конфирмованную утвердительную грамоту Казанского Императорского университета, объявил затем об утверждении Министром Народного Просвещения Яковкина профессором, а Карташевского, Эриха, Запольского и Левицкого — адъюнктами университета. [...]

Так скромно и беспритязательно совершился акт официального открытия Казанского университета. Но шумно и с весельем приветствовали нарождающуюся *alma mater* новый профессорский кружок и представители гимназии. Однажды вечером, сообщает Аксаков, собралось к Карташевскому много гостей: профессор Цеплин, правитель канцелярии попечителя, Петр Иванович Соколов и все старшие учителя гимназии, кроме Яковкина; собралось довольно позно... были веселы и шумны... все поздравляли друг друга: дело шло о новом университете и о назначении в адъюнкты и профессора гимназических учителей... Гости просидели до трех часов, выпили очень много пуншу и вина и многие уехали очень навеселе... О назначении Яковкина ординарным профессором все говорили с негодованием, считая такое быстрое возвышение Яковкина не заслуженным, по ограниченности его ученых познаний... Говорили также о предстоящем производстве учеников высшего класса в студенты... [...]

В первый период пребывания Цеплина в Казани, деятельность его, как профессора вновь открытого университета, в значительной мере была обусловлена тем абсолютным положением, которое в среде зарождавшейся университетской

корпорации властно занял председатель ее И. Ф. Яковкин. Необыкновенно живой и энергичный, одаренный здравым практическим умом и житейской опытностью, Яковкин, облеченный обширными полномочиями окружного начальства, занял первенствующее место в тогдашнем педагогическом и ученом мире Казани. Опираясь на свои способности, на умение руководить административными пружинами, вверенными ему проживавшим безвыездно в С.-Петербурге попечителем С. Я. Румовским — Яковкин, усвоив привычку произвольных, безапелляционных распоряжений в Казанской гимназии, решил приложить тот же прием и к управлению университетом. Чуждый университетского образования, незнакомый с характером академической жизни, с условиями и потребностями возникавшего расщепления высшей, свободной науки — Яковкин, в среде нарождавшейся коллегии профессоров, считал себя не первым между равными, а «начальственной персоной», полномочным лицом отсутствующего попечителя. [...]

Это исключительное положение Яковкина и его предвзятый взгляд на университет и его представителей, в связи с неослабными проявлениями самовласти, составлявшего отличительную черту его характера — послужили причиной бесконечных недоразумений и пререканий между директором и членами университетской корпорации и Цеплину, первому из профессоров, пришлось столкнуться и вступить в борьбу с приемами управления Ильи Федоровича. Хотя до назначения своего в Казань Цеплин и не был практически знаком с характером университетского режима, с организмом университетов и обязанностями члена профессорской коллегии, но, как воспитанник двух заграничных университетов, и человек постоянно вращавшийся в кругу людей академически образованных — он смотрел на профессоров, как на представителей, призванных служить науке, а не лицам, людей — обязанных неуклонно отстаивать те принципы академической свободы и корпоративного самоуправления, которые были дарованы «ученому сословию» профессоров университетским уставом Императора Александра первого. Человек независимых убеждений, энергичный и настойчивый, чуждый эгоистических происков — Цеплин при первом столкновении с неприглядными сторонами режима, введенного самовластным директором, выступил на защиту грубо нарушаемых прав и привилегий университета. [...]

Недоразумения и антагонизм между Цеплиным и Яковкиным шли все «crescendo» уже с первых собраний соединенного Совета университета и гимназии в 1805 году и достигли своего апогея в половине следующего года. [...]

В заседании Совета 6 февраля 1807 года было заслушано [...] предложение попечителя об увольнении Цеплина. [...] «По причине таковых поступков, тишины и спокойствия нарушающих, а особливо за непослушание, неоднократно начальству оказанное, увольняется г. Цеплин по согласию г. Министра Народного Просвещения вовсе от университета, с выдачею ему жалованья по день объявления ему сего предложения». [...]

Так просто и внезапно совершилось увольнение от должности первого профессора Казанского университета. Прискорбный факт этот вызван был не столько личными действиями и провинностями Цеплина, сколько отношением к нему двух

вершителей судеб тогдашнего Казанского учебного округа — Румовского и Яковкина. [...]

В конце марта Цеплин стал готовиться к отъезду из Казани и часть своих книг принес в дар библиотеке университета. Яковкин доложил об этом Совету и сообщил попечителю (2 апреля 1807 года), не без иронии заметив: «что тот не дарит, кто не имеет куда давать». [...]

Преподавательская деятельность Цеплина в университете, за первый период его профессуры, была продолжением рассмотренной выше — гимназической и фактически началась только с марта месяца 1805 года. [...]

Слушателями Цеплина в университете были, за некоторыми исключениями, те же, что и в гимназии, а именно: Петр Кондырев, Владимир Граф, Петр Баясников, Василий Кузьминский, Андрей Шубин, Федор Риттау, Павел Попов, Никифор Андреев, Михаил Пестяков, Степан Шоник, Андрей Кайсаров, Евarest Грубер, Николай Манасеин, Павел Чуфаров. Все эти студенты, по аттестации профессора за март, «хорошо успевали и были хорошего поведения». [...]

Для характеристики преподавательской деятельности Цеплина следует еще указать, что некоторые из его слушателей избрали своей специальностью читанные им предметы. Так, в конце 1806 года, когда Яковкин, по собственным словам, «думал о заготовлении учителей», Павел Попов был назначен учителем истории, географии и статистики «для будущей Пермской гимназии», а Петр Кондырев, с 1807 года в звании кандидата преподавал в Казанском университете всеобщую историю, географию и статистику, а в 1820 году он был утвержден там же ординарным профессором исторических наук и политической экономии. [...]

По удалении Цеплина в 1807 году, в Казани объявился целый сонм немецких профессоров: Браун, Френ, Бартельс, Каспар Реннер, Фойгт, Финке, Литтров, Иоганн Эрлман, Броннер, Томас. Все они, во главе с старым приверженцем Цеплина, Германом, тем более могли желать возвращения в свою среду подвергшегося опале профессора, что презирали Яковкина, для которого новое появление в университетской среде его непримиримого и энергичного врага было бы событием крайне желательным. Но при каких обстоятельствах последовало вторичное назначение Цеплина, какие мотивы были приведены для этого в представлении Салтыкова — у нас нет достаточных сведений, [...] дело о вторичном назначении Цеплина в Казань было начато 5 октября 1813 года, а утверждение его ординарным профессором по кафедре дипломатики и политической экономии последовало вследствие предложения Министра 9 октября 1813 года. [...] Так совершилось вторичное назначение Цеплина в Казанский университет, назначение, представляющее единственный в его истории факт официальной реабилитации несправедливо удаленного представителя высшей науки. Весть об этом дошла в Казань значительно раньше официального уведомления¹ и, без сомнения, с большой радостью была принята в среде немецкой партии профессоров, отзывавшихся

¹ Это видно из заметки о назначении Цеплина профессором (professor designatus), сделанной его другом Френом в монографии «Numorphylacium orientale Pototianum» (стр. 79), одобренной к печати 13 сентября 1813 г.

грозым «*momento mori*» для Яковкина, звезда которого со смертью Румовского видимо клонилась к закату. Вместо нее, на ученом горизонте Казани, стала заниматься заря автономной жизни университета, ярко воссиявшая сначала при выборе в Совете 4-го сентября 1813 года ректора, деканов и других лиц университетской корпорации, а затем при их утверждении в начале следующего 1814 года. [...]

С полным применением в Казанском университете устава императора Александра I для Цеплина настала новая эра жизни. Те принципы университетской самостоятельности, за которые он боролся и пострадал, теперь казались осуществленными вполне, стали внедряться в основы университетской жизни и захватывать все ее постепенно разветвлявшиеся отрасли. Проявлениям и проискам «начальственного» деспотизма, этому обычному симптому в жизни Казанского университета при Румовско-Яковкинском режиме, теперь был положен предел. Во главе университета уже стояли выборные ректор и деканы, а рядом с ними самоуправляющаяся корпорация профессоров. Свежая, давно желанная атмосфера академической жизни сразу охватила Цеплина, подействовав на него умиротворяющим, благотворным образом. Прежний «главный, высокий крикун», подымавший при Яковкине «беспрестанные споры», охотно примиряется теперь с новыми формами автономной жизни университета, и посвящает ему много трудов и времени, в аудиториях и в кабинетной тиши. Лекции свои по новой кафедре Цеплин читает по-французски или по-немецки или по-латыни, интересуется местной стариной, работает над историей Казани и Ханов Золотой Орды, пишет введение в русскую хронологию и опыт руководства по политическим наукам. С своей стороны и университетская корпорация не оставляет без внимания заслуг своего старейшего сочлена, подвергнувшегося незаслуженной опале в период Яковкинских самовластий: Совет не раз избирает его деканом отделения нравственно-политических наук, членом Училишного Комитета и облакает особыми полномочиями. [...]

Примкнув сразу к преобладавшей тогда в университете немецкой профессорской партии ректора Брауна, в состав которой вошли крупнейшие представители академической корпорации — Френ, Бартельс, Литтров, Броннер, Эрлман, Фукс — Цеплин поддерживал ее интересы стойко, но умеренно, выступая с резким протестом только в тех редких случаях, когда попечителем, или его услужливыми приверженцами, нарушались автономные права университета. [...]

Самым крупным событием в жизни Цеплина и его деятельности в Казанском университете следует признать избрание его деканом отделения Нравственно-политических наук. 17 сентября 1814 года умер первый декан этого отделения Финке и преемником его выбран был Цеплин². Этим актом, без сомнения, Совет имел в виду не только почтить Цеплина, как

² Еще до этого избрания Цеплин 22 июня подвергался баллотировке на должность инспектора казенных студентов, но из 17 шаров получил 5 избирательных (Броннер, его Дневник и Переписка стр. CXLVIII).

первого по времени назначения члена своей коллегии, но и нравственно вознаградить за несправедливо испытанное гонение. [...]

Одним из первых актов деятельности Цеплина в должности декана было его участие в знаменательном событии научной жизни университета. Событие это — первый публичный в Казанском университете ученый диспут. Диспутантом явился саксонский уроженец Иоганн Готлиб или Богдан Ион, бывший студентом сначала Гёттингенского, а затем Московского университетов. [...]

В том же декабре месяце произошла под эгидой Цеплина и промоция кандидата, Эльпидифора Петровича Манассеина в степень магистра правоведения и политической экономии. [...] «Публичное испытание» Манассеина происходило 9 декабря; это была первая магистерская промоция под действием перед тем только введенного устава 1804 года. [...]

Таким образом, и первый публичный докторский диспут и промоция первого доктора и первого магистра из русских людей произошли в Казанском университете под ауспигиями и под ближайшим руководством его старейшего профессора. [...]

Настал 1819 год — роковой для Казанского университета и старейшего профессора. Вслед за смертью первого ректора университета в самом начале года, наступило мрачное время ревизии и произвола Магницкого, едва не стоившее жизни Казанскому университету и роковым образом отразившееся на его первом представителе. [...]

8 марта, в Совете было заслушано предписание Министра Духовных дел и Народного Просвещения, кн. Александра Николаевича Голицына о Высочайшем поручении члену Главного Правления училищ М. А. Магницкому обозреть Казанский университет. [...]

Конец академического года и наступившие каникулы прошли однако без особых тревожений в университетской среде. Но это было затишье пред бурей. 30 июля Цеплин присутствовал еще в заседании Совета, но уже в последний раз. 20 августа в собрании Совета было заслушано предложение утвержденного уже в то время попечителем Магницкого, от 5 августа за № 61 «о мерах к приведению по Высочайшей воле всех частей университета в должный порядок». Для достижения этого, решено было начать «с оставления только тех из профессоров, которые заслужили одобрение ревизора, остальных же, неодобренных, удалить из университета». В силу этого уволены были по Высочайшему указу от службы с пенсией Герман и Эрих, без пенсии — Яковкин и Томас и удалены по предписанию попечителя — барон Врангель, Цеплин, Брейтенбах, Арнгольд, Срезневский. [...]

Причину этого «массового» увольнения профессоров, превзошедшего своей численностью и суровостью разгром Совета в попечительство Румовского, следует искать не столько в плачевном состоянии Казанского университета, сколько в настроении и во взглядах тогдашних правящих сфер и в личных происках самого Магницкого. «Воззрения Священного союза, замечает Д. А. Корсаков, направленные на борьбу с революционными идеями в западной Европе, проявились в Австрии и Германии страшными репрессалиями

против университетов, признанных очагами религиозного и политического вольнодумства. Император Александр I отнесся к университетам также с недоверием, найдя исполнителя своих мыслей в тогдашнем министре народного просвещения и духовных дел кн. Александре Николаевиче Голицыне. Казанский университет был тоже «заподозрен» и ревизия его была возложена на Магницкого». [...]

О Цеплине Магницкий писал, что «он есть человек самый пустой и читает лекции политики, самой тщетной и почти не существующей науки. Способности имеет весьма посредственные». [...]

[...] мнение Магницкого о Цеплине, как о человеке «пустом и с весьма посредственными способностями» — совершенно несправедливо: Цеплин несомненно приносил существенную пользу университету, чего в свое время не отрицал и злейший враг профессора — Яковкин. [...] Его профессорской деятельности был положен окончательный предел и этот акт явной несправедливости и лживого доноса, подвергший вторичному гонению старейшего представителя Казанского университета, навсегда останется темным пятном в позорной деятельности Магницкого.

Нагуевский Д. И. К биографии профессора Казанского университета П. А. Цеплина: 1804—1807, 1813—1819. Казань, 1897.

ЗВЕРСМАН, Эдуард Александрович, профессор зоологии. Родился 11 января 1794 года в дер. Верингаузене, близ городка Гаген, в Вестфалии; сын бергмейстера русской службы и основателя Златоустовского завода. Образование получил в университетах Марбургском, Гальском, Берлинском и Дерптском; доктор философии и магистр свободных наук (9 августа 1814 г.) Гальского и доктор медицины и акушерства (31 августа 1816 г.) Дерптского университетов. Службу начал в Германии, в 1811 году, на горных заводах Гарца, а в конце 1816 года переехал в Россию, в Златоуст, где служил с 23 февраля 1818 г. по 16 мая 1820 г. штатным врачом на златоустовской оружейной фабрике.

Обладая энергией, способностью к наблюдениям, любовью к естественной истории и к путешествиям, Эверсман с самого приезда своего на Урал чрезвычайно заинтересовался оригинальной, дикой природой гор и окрестных степей. Он тотчас же принялся за экскурсии, во время которых тщательно собирал коллекции, преимущественно зоологические, и вел научный дневник. Коллекции эти большей частью посылались им в берлинский университет. Вскоре он приобрел известность в России и за границей, как опытный исследователь и знаток мест-

ной природы. Некоторые ученые общества и учреждения почтили его избранием в свои сочлены; так, он был избран членом обществ: Московского (с 16 мая 1820 года) и Берлинского испытателей природы и Леопольдино-королевской академии (с 1824 г.). 31 июля 1828 г., по представлению генерала Эссена, пожалован в надворные советники за успешные научные труды во время экспедиции к Каспийскому морю и хивинской границе.

Узнав, что в Казанском университете давно уже ощущается недостаток в преподавателях естественной истории, Эверсман в январе 1828 года приехал в Казань из Оренбургской губ., где он, по выходе из Златоустовского завода и женившись, жил большею частью в своем имении при с. Спасском, и подал прошение о принятии его на службу в качестве ординарного профессора ботаники и зоологии. По прочтении пробной лекции о микроскопическом строении и химическом составе растений, с представлением рукописи ее и краткого конспекта предполагаемого курса лекций, Эверсман в заседании совета университета 28 февраля 1828 г. был избран большинством 11-ти голосов против 2-х ординарным профессором ботаники и зоологии, в каком-то звании, после лестного представления попечителя Мусина-Пушкина, и утвержден министром народного просвещения 21 марта того же года. При преобразовании университета на основании устава 1835 года, оставлен ординарным профессором по кафедре зоологии, с 1 августа 1837 года. В 1840 году, 10 мая, принял присягу в Казанском губернском правлении на русское подданство. В 1833 году, в качестве врача, принимал деятельное участие в отделении глазных болезней, открытом при казанской больнице приказа общественного призрения. С 4 ноября 1841 г. по 6 мая 1842 г. состоял врачом казанского Родионовского института благородных девиц. 13 мая 1842 г. выражена благодарность министра за издание его «Естественной истории Оренбургского края». 20 марта 1850 г. оставлен, с полною пенсией, на службе университета на следующее пятилетие. 16 января 1851 года произведен в действительные статские советники, а 2 декабря 1853 г. получил звание заслуженного профессора. С 28 ноября 1856 года вновь оставлен на должности на 5 лет. Скончался, после продолжительной болезни, будучи еще на службе, в Казани (в своем доме на Грузинском ул.), 14 апреля 1860 года.

В заграничных командировках Э. находился несколько раз, имея целью, главным образом, приобретение объектов для пополнения коллекций зоологического музея. Впервые отправился за границу в 1832 году и пробыл там с 12 мая по 25 октября. Вторично ездил туда же с 8 сентября 1837 г. на 4 месяца, с продолжением командировки до 4 июня 1838 г. и с выдачею 3000 руб. для приобретения необходимых предметов для музея. В третий раз — с 21 марта 1844 г. на 8 месяцев, в Германию, Францию и Италию, откуда вернулся 6 марта 1845 г. сначала в Петербург, где пробыл с дозволения министра один месяц, и потом уже в Казань, 22 марта 1845 года. В 1852 г. был снова командирован за границу на 8 месяцев, также «для приобретения нужных для зоологического кабинета предметов», с выдачею 300 руб. из экономических сумм университета. В последний раз ездил за границу с 17 июля 1857 г. по 17 июля 1858 г., побывав в Германии, Швейцарии, Италии и Алжире. Все эти поездки Эверсмана обогатили значительно зоологичес-

кий кабинет спиртовыми препаратами и чучелами животных, в особенности из класса птиц, пресмыкающихся и млекопитающих, которыми он наиболее интересовался. Его по справедливости нужно считать создателем и устройтелем названного кабинета.

Как профессор и преподаватель, Эверсман не выделялся, по-видимому, ничем особенным. По-русски он говорил плохо; лекции читал вяло, однообразно и неинтересно, придерживаясь общеупотребительных тогда немецких учебников. Лишь изредка оживлялся он и тогда, действительно, сообщал много новых и любопытных сведений, почерпнутых им во время своих обширных путешествий. Вообще же со студентами был малообщителен. В качестве препаратора, в то время прислуживавшего Эверсману также и на лекциях, был известный Павел Романов, человек без всякого образования, едва грамотный, но одаренный от природы, любознательный, отличный охотник и коллектор. Его Эверсман часто посылал, снабжая ничтожными средствами, в отдаленные и продолжительные экскурсии в киргизские степи, на Алтай, Тарбагатай, Ала-тау, к берегам Балхаша и Аральского озера, на Мугаджары и пр., для собирания зоологических коллекций, и всегда Романов возвращался с богатой добычей. Наука ему обязана открытием многих и интересных форм животных, описанных Эверсманом.

Как ученый — Э. А. Эверсман снискал себе почетную и вполне заслуженную известность своими путешествиями и многочисленными, многолетними исследованиями фауны юго-восточной России и арало-каспийской низменности. Специальностью его были — млекопитающие животные, птицы и насекомые (преимущественно: прямокрылые, бабочки и перепончатокрылые).

Экспедиции и исследования Эверсмана начались с 1816 г. и продолжались, с небольшими перерывами, почти до его смерти, т.е. в течение более 40 лет. Плодом этих исследований был целый ряд важных и обширных мемуаров по фауне Казанской, Самарской, Уфимской и Оренбургской губ., Уральской области и киргизских степей — мемуаров, обогативших науку множеством новых видов животных, описанных Эверсманом. Им был также дан прекрасный естественно-исторический очерк природы изученной местности, т.е. тогдашнего Оренбургского края; в нем он впервые коснулся вопроса о происхождении арало-каспийских степей и чернозема. К сожалению, многочисленные коллекции, собранные Эверсманом, не всегда обогащали местный музей: Эверсман посылал их в Берлин или, большей частью, держал при себе и после смерти его они ушли из Казани, главным образом — за границу же.

Постоянною мечтою Эверсмана было проникнуть в центральную Азию, в Тибет и Индию, к чему он предварительно долго подготовлялся изучением татарских, монгольских и персидских обычаев и наречий.

Воспользовавшись первым же случаем, он в 1820 г. отправился с посольством г. Негри в Бухару. Экспедиция эта, в которой участвовали еще барон Мейендорф, в качестве статистика, и доктор Пандер из Дерпта, выехала 10 октября названного года из г. Оренбурга, 19 ноября киргизскою степью достигла р. Сыр-Дарьи, далее следуя караванной дорогой, через Кизыл-Кумы прибыла к 20 декабря в Бу-

хару, откуда 22 марта 1821 г. выехала обратно. Эверсман рассчитывал было из Бухары пройти далее в среднюю Азию, к Тибету, но, вследствие неблагоприятных обстоятельств, должен был отказаться от этого плана. Экспедиция была весьма плодотворна по результатам.

В 1825 г. Эверсман, в качестве натуралиста и врача, принял участие в военной экспедиции, снаряженной по каспийскому морю под начальством полковника Берга. Отряд Берга вышел в степь из крепости Сарайчиковской, на нижне-уральской линии, в первых числах декабря 1825 г., посетив северо-восточный берег Каспия, откуда прошел через Усть-Урт до хивинской границы и возвратился в Оренбург в первых числах марта следующего года. Путешествие это, в общем бедное по научным результатам, было описано Эверсманом в статье: «Die Expedition zwischen dem Caspischen Meere und dem Aral-See, im Winter 1825—26», представленной впоследствии в казанский университет при прошении, но, кажется, оставшейся в рукописи и, по-видимому, утраченной. В следующем 1827 году Эверсман, вместе с Г.С. Карелиным и г. Кариным, ездил во внутреннюю Буковинскую орду. Из Оренбурга, через г. Уральск, они отправились степью к Узеням, затем в Ханскую Ставку и Рын-пески, всюду изучая своеобразную степную фауну, а на обратном пути проследовали через Общий Сырт. Эверсман дал очерк этой поездки в «Reise in die Kalmukisch-Kirgisische Steppe, zwischen der unteren Wolga und dem unteren Ural» (Magasin der Reise. Berlin, 1827).

Заняв кафедру зоологии в университете, Эверсман весной 1829 г. снова отправился в степи. Его сопровождали аптекарь Клаус (ботаник) и студент медицины Людвиг. Путешественники посетили Индерские горы, низовья рек Узеней, Камыш-Самарские озера, горы Чапчачи и Биштау, низовья Волги до Астрахани; отсюда Эверсман, отделившись и отправив своих спутников через гору Большой Богдо в Индерскую крепость, сам поехал к Гурьеву по северному берегу Каспийского моря, исследовал устья р. Урала и, поднявшись вверх по этой реке, прибыл в Индерскую крепость, где его ждали Людвиг и Клаус. Осмотрев еще раз Индерские горы и соленое озеро, все трое поехали в обратный путь, через Уральск и Оренбургскую губернию, и осенью возвратились в Казань*. Собранные во время этой экскурсии коллекции частью поступили в университет. В 1830 году Эверсман, вместе с тем же Людвигом, совершил путешествие на Кавказ. Путь его лежал правым берегом Волги, через Саратов и Камышин, откуда он свернул к р. Дону и, по калмыцким степям, прибыл в г. Пятигорск. Дальше окрестностей этого города (Красноводск и т.д.) Эверсман не ездил и, вообще, пробыл там недолго по случаю холеры, принудившей его отказаться от дальнейшего следования. Обратный путь в Казань был совершен через Новочеркасск, Воронеж и Пензу. В эту поездку Эверсман собрал мало материалов; весьма возможно, что он был болен и лечился в Пятигорске.

После поездки на Кавказ, Эверсман предпринял еще раз, именно в 1835 г., зоолого-ботаническую экскурсию, вместе с проф. Бунге, в губерниях саратовской и астраханской. После этого он уже не предпринимал больших путешествий, ограничиваясь только поездками в свое Спасское. Да они и не были нужны: собранного материала накопилось так много, что необходимо было

посвятить значительное количество времени для его разработки. На эту-то кропотливую, добросовестную разработку ушла вся жизнь почтенного ученого — и, все таки, она далеко не была закончена. Собранные как им самим, так и через посредство препараторов (Пав. Романов и Мирон Владимиров), обширные коллекции зверей, птиц, пресмыкающихся, насекомых и пр. послужили Эверсману материалом для систематических описаний животных исследованного им края — что и составляет одну из главных его научных заслуг. Вот почему он должен был сделаться, по преимуществу, систематиком, биологические же и географические материалы его остались неразработанными. Из многочисленных печатных трудов Э., наиболее выдающимися, кроме «Естественной истории Оренбургского края», являются описания бабочек, прямокрылых и перепончатокрылых насекомых России. Хотя в трудах проф. Эверсмана оказалось немало ошибок, без которых не обходится никакая научная работа, но это несколько не умаляет его значения и заслуг, так как ни один ученый, после Палласа, не сделал так много, как он, для познания природы востока европейской России и арало-каспийской низменности.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

[...] Научная известность Эверсмана была уже очень велика и когда в 1827 г. в Казанском университете, за уходом Эйхвальда, освободилась кафедра естественной истории, Университет предложил профессорскую должность Эверсману. Это было несомненно не только признание Эверсмана со стороны официальной науки, но и явный знак уважения к его научным заслугам, т.к. Эверсманн, хотя и дважды доктор, не был связан ни с одним университетом. Ему предлагали начать академическую карьеру, так сказать, с ее высшей степени.

Эверсманн в январе 1828 г. приезжает в Казань и подает заявление на место ординарного профессора по кафедре ботаники и зоологии с обязательством читать на русском языке. Пробная лекция Эверсмана имела темой микроскопическое строение и химический состав растений.

Как видно, она имела очень малое отношение к действительным интересам профессора и была сугубо «академична». Эверсманн представил рукопись лекции и конспект курса. 28 февраля 1828 г. Совет университета одиннадцатью избирательными голосами при двух неизбирательных поручил Эверсману кафедру. По весьма лестному представлению и рекомендации попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина 21 марта 1828 г. министр утвердил избрание. Мусин-Пушкин, весьма просвещенный человек, сделал много для Казанского университета и в дальнейшем много помогал и Эверсману, в частности в его деятельности по организации Музея при университете.

С этого начинается «казанский» период жизни Эверсмана. Ему было в это время 34 года, и его научная деятельность и сама жизнь приняла настоящие академические формы.

[...] Эверсманн попал в Казанский университет, когда там уже существовали известные зоологические интересы и традиции. Однако действительным создателем зоологии в Казанском университете надо считать Эверсмана. Ему университет в немалой мере обязан и тем, что в послееверсманновские времена зоология в Казани стояла на должной высоте.

Как профессор-преподаватель Эверсманн, судя по всему, мало удовлетворял свою аудиторию. Он не любил преподавательской деятельности и читал плохо, вяло, монотонно; оживлялся он на лекциях редко, главным образом тогда, когда касался собственных наблюдений и впечатлений из своих путешествий. Тогда лекции его делались интересны и, вероятно, довольно живы, о чем, по крайней мере, можно судить по его «Речи». При чтении лекции он строго придерживался известных немецких учебников Вигманна, Руте, Блюменбаха. «Книгу последнего, пишет мне М.Д. Рузский»¹, он, сидя на кафедре, держал перед собой и, водя пальцем, переводил с немецкого на русский язык, делая только местами добавочные примечания и вставки от себя. Ассистента у него не было, а на лекциях неизменно стоял у дверей препаратор Павел Романов, а потом Мирон Владимиров. Если нужно было достать для демонстрации какую-нибудь птицу, то Эверсманн подзывал его и приказывал принести из Музея, что тот и делал, а затем велел уносить обратно. Например, показывая свиристеля, он так характеризовал его: «Вот посмотрите — интересная красивая птица, но только глупая, молчаливая, только и знает, что жрет...».

На характере лекций Эверсмана отражалось и то, что он до конца жизни говорил по-русски нечисто, — с заметным немецким акцентом и не вполне правильно. Писал он по-немецки, частью по-французски и по-латыни и оба эти языка знал великолепно, как и древнегреческий, татарский, арабский и персидский. Его работы, напечатанные по-русски, представляют собою перевод с немецких рукописей. Впрочем, том птиц в «Естественной Истории», составленный незадолго до смерти (1859 г.), был написан Эверсманном, по-видимому, уже по-русски, и М.Н. Богданову пришлось заниматься лишь исправлением стиля, но не переводом рукописи.

Тот прием чтения лекций, который применял Эверсманн, был, видимо, довольно распространен в то время. Как можно судить по университетским отчетам, например, в 1840 г. «по собственным запискам профессора» читалось очень мало курсов. Эверсманн читал очень немного, например, в 1839—1840 учебном году всего 6 часов в неделю студентам-естественникам и медикам 1 курса. Эверсманн популярностью среди студентов не пользовался и не имел большого количества учеников, тем более, что он был со студентами очень мало разговорчив, а в научных вопросах почти недоступен, и вообще был, по-видимому, строг и требователен. Несмотря на то, что Эверсманн не был «популярным профессором» и не был окружен учениками, он обладал способностью замечать среди студентов талантливых людей, выделял их, приближал к себе и много занимался с ними. Среди учеников Эверсмана можно назвать несколько достаточно известных имен.

¹ М.Д. Рузский получал сведения от профессора Мельникова.

Одним из более ранних учеников Эверсмманна был Киттары, впоследствии профессор анатомии. Он интересовался энтомологией и вместе с Вагнером, профессором Казанского университета, совершил поездку в «Южные степи», привез оттуда коллекцию, которую обработал и опубликовал в «Бюллетене» в 1849 г. Эверсмманн, впрочем, ценил Киттары очень невысоко и в одном из писем к Ренару называет его малоизящным словом, которое точнее всего переводится как «трепач». Весьма возможно, что на отношение Эверсмманна к Киттары отразилась упомянутая статья последнего. Он пользовался коллекцией Эверсмманна, его указаниями и, видимо, с разрешения Эверсмманна, описал и те новые виды, которые уже давно в качестве таковых хранились в коллекции Эверсмманна. Однако он обозначил их не теми именами², под которыми Эверсмманн рассылал свои материалы. Это, по мнению Эверсмманна, усложняло синонимику, и, естественно, он не мог этого одобрить.

Известный зоолог М. Н. Богданов занимался у Эверсмманна с 1858 г., когда поступил в университет. Кандидатскую степень он получил за работу «Материалы для исследования орнитологической фауны Казанской и Симбирской губернии», написанную под руководством Эверсмманна. После смерти Эверсмманна Богданов, как сказано, готовил к печати его рукопись по птицам Оренбургского края. Можно думать, что интерес Богданова к Арало-Каспийским странам возник не без влияния Эверсмманна.

Н. П. Мельников, впоследствии казанский профессор и преемник Эверсмманна, был тоже учеником Эверсмманна. Он поступил в Университет в 1857 г. и окончил его в 1861 г. В 1859 г. Мельников под руководством Эверсмманна написал сочинение на степень кандидата на тему: «О лучших признаках для классификации птиц» и получил золотую медаль за это сочинение.

Учеником Эверсмманна был зоолог профессор Н. П. Вагнер (учился в 1845—1849 гг.), сын профессора минералогии Казанского университета. Под руководством Эверсмманна он написал (1849 г.) кандидатскую диссертацию: «О лучших характеристических признаках для классификации насекомых», за которую получил золотую медаль, а потом (1851 г.) написал тоже под руководством Эверсмманна и магистерскую диссертацию: «О чернотелках (*Melasma*), водящихся в России».

Учеником Эверсмманна был и А.М. Бутлеров, впоследствии знаменитый химик и член Академии наук. Он учился в Казанском университете в 1844—1849 гг. и, по предложению Эверсмманна, еще студентом в 1846 г. совершил путешествие в степи Буковской орды (между Волгой и Уралом) и в Индерские горы. Его кандидатская работа (напечатана в Ученых Записках университета) называлась: «Дневные бабочки Волго-Уральской фауны». Бутлеров имел хорошую коллекцию (о ней упоминает и С. Т. Аксаков). По окончании университета Бутлеров оставил зоологию и работал у профессора Зинина по химии, но дружбу с Эверсмманном сохранил. Последний покровительствовал молодому ученому и в 1854 г. вместе с П.Н. Вагнером отстаивал кандидатуру Бутлерова в экстраординарные профессора.

² Среди них был и *Decticus eversmanni* n. sp.

Бутлеров продолжал интересоваться насекомыми, уже будучи химиком, и, как мне сообщил проф. М. Д. Рузский, после смерти Эверсмманна к Бутлерову перешла часть коллекции бабочек Эверсмманна.

В последние годы у Эверсмманна работал и был его близким учеником Бальон, которого Эверсмманн ценил и которому покровительствовал. Эверсмманн прекрасно поставил музей Казанского университета. При кафедре был до Эверсмманна лишь жалкий основанный Эйхвальдом «кабинет». Он состоял из нескольких десятков скверных чучел и некоторых других предметов. Эверсмманн превратил его в настоящий большой музей, не уступавший по качеству музеям известных западноевропейских университетов и даже превосходивший некоторые из них. Самого Эверсмманна мало что удивляло в постановке университетских музеев за границей. Своим Казанским музеем Эверсмманн очень интересовался, это было его детище, он его пополнял постоянно всеми возможными способами. Для музея он устраивал специальные коллекторские поездки [...], поступали в музей и некоторые сборы студентов, например, коллекции Бутлерова; многое покупалось в России (коллекция птиц и млекопитающих Фукса и др. собрания), а за границей покупки производились у торговцев натуралиями. В 1857 г. Эверсмманн привез из-за границы много чучел и спиртовых препаратов. Особенно развилась в этом отношении деятельность Эверсмманна после введения нового университетского устава 1835 г., когда кафедры зоологии и ботаники были разделены, увеличились штаты и средства Университета и были построены новые здания. В 1838 г., когда музей занял новое обширное и светлое помещение, в нем состояло уже более 6000 предметов общей стоимостью в двенадцать с лишним тысяч рублей. Нужно иметь в виду, что такие результаты были достигнуты всего спустя 10 лет после вступления Эверсмманна в Университет. Проработал он в нем 32 года и свою деятельность по усовершенствованию музея не ослаблял до последних дней. Ценность музея в смысле возможностей работы в нем, значительно увеличивалась тем, что он дополнялся весьма большой личной коллекцией Эверсмманна, из которой птицы и звери после его смерти были приобретены Университетом.

Эверсмманну удалось исхлопотать у попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина на расходы по музею ежегодную сумму в размере 1000 руб. Возможно, что через попечителя Эверсмманн получил от министерства специальные средства и на издание II тома «Естественной Истории». В конце жизни Эверсмманна его музей имел всего 132 руб. в год и ни одного рубля на покупки.

Вообще же Эверсмманн всячески старался доставать средства на свой музей. Можно сказать, что он один, из ничего, своим трудом, своими коллекциями и своими работами о материальных средствах создал выдающееся научно-учебное учреждение, в котором можно было вести серьезные научные занятия по зоологии.

Эверсмманн как ученый зоолог, а также музей и его коллекции, были широко известны. В его время Казань на востоке Европейской России была зоологическим центром, значение которого далеко выходило за пределы университетского преподавания. Эверсмманн концентрировал вокруг себя не только специалистов, но известное количество любителей, связанных с исследованием Азии. Его знали и посещали очень многие, в том числе С. Т. Аксаков.

Говоря о значении Эверсмана для Университета нельзя упускать из виду и еще одного обстоятельства. В Казанском университете было немало выдающихся профессоров: были хорошие ориенталисты, Лобачевский характеризовал собою уровень Университета в отношении математики; зоологию представлял Эверсманн — ученый, очень много печатавший, признанный знаток многих групп и фауны России. Он обладал широкой европейской известностью. Все свои работы он подписывал как профессор Казанского университета и этим самым создавал в международных ученых кругах репутацию не только отечественной зоологии, но и молодому тогда Казанскому университету. Нам думается, что даже со специальной университетской точки зрения, эта и другие упомянутые черты в академической деятельности Эверсмана в Казани позволяют забыть о недостатках его как педагога-лектора.

Гептнер В. Г. Эдуард Александрович Эверсманн — зоолог и путешественник: 1794—1860. М., 1940.

I

В истории науки нередко бывает так, что образ разносторонне одаренного ученого доходит до потомков в искаженном виде. Так произошло и с Э. А. Эверсманном: Эверсманн-зоолог совершенно заслонил Эверсманна-географа. Все отдают должное Эверсманну-зоологу, но мало кто вспоминает об Эверсманне-географе, почвовед и ботанике. А между тем его первая часть «Естественной истории Оренбургского края» представляет собой замечательное географическое исследование первой половины XIX века, совершенно не замеченное историками русской географической науки. Достаточно указать, что имя его не упоминается ни в сводке Л. С. Берга, ни в сводке М. С. Боднарского по истории русской географической науки. Еще обиднее, что имя Э. А. Эверсмана не фигурирует даже в специальных статьях, посвященных истории развития ландшафтоведения в нашей стране.

Настоящий очерк ставит целью анализ первой части «Естественной истории Оренбургского края» Э. А. Эверсмана и оценку ее с точки зрения развития отечественной географической науки.

II

Инициатива в создании «Естественной истории Оренбургского края» принадлежит Оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому, проявлявшему интерес к географическому изучению России. В 1845 году

В. А. Перовский стал одним из учредителей Русского Географического общества. Подобный интерес к природе Оренбургского края со стороны губернатора находит и конкретное объяснение: к 30-м годам XIX века царское правительство, прочно укрепившись в Оренбургском крае, делает первые попытки по присоединению и освоению Хивинского, Кокандского и Бухарского княжеств Средней Азии (военная экспедиция В. А. Перовского в Хиву в 1839 году). Известным пре-

пятствием на пути освоения стала суровая и слабо изученная природа юга Оренбургского края (полупустыни и пустыни Казахстана) и самой Средней Азии. Поэтому работа естествоиспытателей, направленная к изучению природы Оренбургского края, нередко встречала полную поддержку со стороны оренбургских губернаторов.

Свое пожелание иметь книгу о природе Оренбургского края В. А. Перовский высказал Эверсманну осенью 1836 года. Эверсманн, работавший с 1828 года и до конца жизни профессором Казанского университета, был хорошо знаком оренбургским губернаторам с самого начала научной деятельности — путешествия в Бухару. Кроме того, Эверсманн ежегодно проводил летние каникулы в своем имении Спасском, расположенном на берегу Большого Ика в Оренбургской губернии. Менее чем через год после предложения В. А. Перовского Эверсманном была закончена рукопись первой части «Естественной истории Оренбургского края». Он озаглавил ее как «Вступление в подробную естественную историю Оренбургской губернии, или общий взгляд на край Оренбургский в отношении к произведениям природы».

Рукопись произвела на Перовского прекрасное впечатление. В письме к Эверсманну от 28 ноября (ст. стиль) 1838 года он писал:

«М. Г. Эдуард Александрович!

С большим удовольствием прочитал я первую часть Вашего ученого и основательного труда, Естественной истории Оренбургского края. Я поставил себе в особенную заслугу, что подал повод к сочинению Вами этой полезной и единственной у нас в своем роде книги и что могу способствовать к скорейшему ее распространению в отечестве нашем.

Ограниченность средств, коими я могу располагать для подобных предметов, не позволяет мне вознаградить труды и время Ваше по достоинству, если только труд и время могут быть оценены. Между тем, прошу Вас, М. Г., принять прилагаемые 1500 [рубл.] собственно за первую часть доставленного мне сочинения. Признавая себя, впрочем, несостоятельным должником Вашим, надеюсь, однакоже, что вы не откажетесь от продолжения и скорого окончания важного труда Вашего, собственно из любви к науке, которой Вы, на поприще своем, успели уже принести столько существенной пользы».

В 1840 году Перовский издает в Оренбурге первую часть «Естественной истории Оренбургского края» в количестве 1200 экземпляров. Безупречный в стилистическом отношении перевод рукописи с немецкого языка на русский был сделан знаменитым русским лексикографом В. И. Далем. С согласия Эверсмана В. И. Даль снабдил книгу примечаниями, представляющими большую ценность. На этих примечаниях мы еще остановимся позднее.

Первая часть «Естественной истории Оренбургского края» представляет сжатый итог двадцатилетних личных наблюдений Эверсмана над природой Оренбургского края. Она, по замыслу автора, должна была служить географическим введением к систематическому описанию животных и растений, обитающих в Оренбургском крае.

Используя личные наблюдения и факты, Эверсманн делает массу широких теоретических обобщений, которые позволяют рассматривать его как крупного географа первой половины XIX века.

Работа начинается кратким и очень точным описанием климата и отдельных природных явлений (марево, палы) Оренбургских степей. Здесь Эверсманн подробно освещает роль степных палов в жизни степей. По его мнению, в степных палах «есть хорошее, есть и дурное, и вред и польза». К числу полезных воздействий палов на степь он относит: 1) уничтожение мертвой растительной ветоши, препятствующей прорастанию молодой травы, 2) образование золы, служащей удобрением для степей, 3) сгорание сорняков и их семян на пашне, 4) уничтожение вредных насекомых, особенно кобылки и саранчи. Вред от степных палов Эверсманн видит в гибели степных лесов, выгорании деревьев и уничтожении на горях гнезд куропаток и тетеревов. «Перевешивают ли вредные последствия палов их пользу, этого я утверждать не стану, даже в том сомневаюсь». Замечательно, что этот вывод Эверсманна находит подтверждение в новейших работах геоботаников, посвященных степным палам в полупустынях и пустынях Казахстана (А. Е. Родин).

В дальнейшем описании природы Оренбургских степей Эверсманн значительно ранее зарубежных ученых делает первые шаги по тому пути, по которому, после работ В. В. Докучаева, уверенно пойдет русская географическая наука. Этот путь — ландшафтоведение. Геологическое строение, рельеф, почвы и растительность он рассматривает во взаимной связи, подразделяя Оренбургские степи на три полосы. «Первая полоса, — пишет Эверсманн, — включает в себе большую часть лесистые и гористые места, вторая — северные и восточные степи, плодородные, покрытые большим или меньшим слоем чернозема, третья полоса включает в себе южные и юго-западные степи, вовсе лишенные тука». Первая полоса Эверсманна соответствует горным лесам Урала и северной части зоны лесостепи в современном понимании, вторая полоса — зоне степей и третья — зоне полупустынь.

Определение степей, данное Эверсманном, строго научно и мало отличается от определений, даваемых и в наши дни. «Степью вообще мы называем довольно обширное, более или менее плоское и сухое пространство земли, поросшее только низкими, в сухих местах прозябающими растениями. Изредка встречаем и кустарник, но понятие о степи вообще исключает присутствие лесов». Причину безлесия степей Эверсманн видел «в чрезвычайной сухости воздуха при сильном летнем зное и собственно в недостатке воды».

Крупный вклад в науку сделан Эверсманном при выяснении происхождения русского чернозема. При жизни Эверсманна и в России и за границей широким распространением пользовался взгляд на чернозем, как на морской ил, или образование, возникшее из болот и тундр. Эверсманн стоял на точке зрения наземно-растительного происхождения чернозема. Он принимал, что степи в прошлом покрывались морем, и «По мере того, как вода сбывала, илистая почва порастала свойственными ей травами и именно, прежде всего, солянками; вода продолжала более и более сбывать, возникли обширные илестые степи, кои в

течение веков, а может быть тысячелетий, от ежегодно умирающей и возобновляющейся растительности, покрывались слоем тука, или чернозема. Таким образом, почва сделалась способною питать и другие растения; травы начали расти роскошнее и через это самое образование чернозема ускорилось». Эверсманн, следовательно, был одним из первых, доказывавшим растительно-наземное происхождение черноземов.

Помимо происхождения чернозема, Эверсманн первым в литературе обратил внимание на зависимость чернозема от абсолютной высоты. «Чем ближе к горам, тем степь выше, тем толще слой чернозема, чем далее на юг и на запад, тем, говоря вообще, степь низменнее, тем тонее тучный слой».

При характеристике растительности полос Эверсманну удалось очень точно подметить природные различия между плодородными и голыми степями [степной зоной и полупустынями]. «Отличительным признаком плодородных степей служит ковыль, которого здесь бывает два рода (*Stipa pennata* et *capillata*): первый [перистые ковыли], будучи повиднее, покрасивее, покрывает степи долгим, пушистым пером своим в мае и июне, второй зреет в июле и августе, у него перо простое, непушистое; где только растет ковыль, там должен уродиться и хлеб». Про голые степи Эверсманн пишет: «...два рода полыни составляют общую принадлежность голых степей, так точно, как ковыль собственность степей плодородных... Травы эти растут здесь несравненно реже, не так густо, как на степях северных, стоят в одиночку, почва ими не покрывается и голый ил, или глина, придает степи унылый и пустынный вид». Читая эти слова, с трудом веришь, что они были написаны 110 лет назад, вдобавок не ботаником по специальности.

Подобный комплексный подход к описанию природы равнинных стран — по отдельным полосам, очень близко соответствующим современным ландшафтным зонам, был новостью в географической литературе. Напомню, что опубликованная позднее известная схема ботанико-географического подразделения европейской России Р. Траутфеттера стоит значительно дальше от современного ландшафтоведческого направления в географии.

Эверсманн одним из первых обратил внимание в нашей литературе на влияние материнских пород на растительность степей и полупустынь, в частности песков. «Нарын, в отношении ботаническом и в хозяйственном, для кайсаков внутренней Орды, представляет самую замечательную степь по сю сторону реки Урала. Нарын-пески богаты водою, и когда в остальной части степи все травы давно уже усохли, то они в Нарыне стоят еще в цвету и в зелени».

Эверсманн в нескольких местах работы подчеркивает влияние форм рельефа и коренных пород на состав растительности. «Отроги или горные мысы эти бывают двух видов. Или они закруглены и покрыты черноземом, или голы и скалисты, в последнем случае флора их гораздо замечательнее. Даже и в южных степях, повсюду, где появляются одинокие скалистые холмы или холмистые цепи, всегда встречаешь редкие и замечательные растения».

В отличие от большинства ботаников того времени, увлекавшихся зависимостью растительности от климата, Эверсманн — географ и зоолог — сумел пойти по самостоятельному пути. Его работа проникнута идеей теснейшей взаимосвязи

растительного покрова и почв, к чему геоботаника пришла значительно позднее. В этом вопросе, как и в ряде других проблем геоботаники, он был до некоторой степени предшественником И. Г. Боршова, оценка работ которого недавно была сделана В. Б. Сочава.

От наблюдательного Эверсмана не ускользало поведение береговой линии Каспия. Он утверждает, что уровень Каспийского моря понижается и при этом очень образно рисует процесс отступления моря: первоначально на отмели возникает камышовая заросль, которая заносится песком и постепенно превращается в остров, затем в мыс и полуостров. «Таким образом берега постепенно расширяются, оттесняя море все далее и далее, мысы постепенно смыкаются, из залива образуется горькое озеро, вода в нем испаряется, озеро пополняется только снеговой и дождевой водой, берега его постепенно более и более зарастают и, наконец, остается одна лишь соленая лужа, или грязный весною солончак». Для доказательства своей гипотезы Эверсманн ссылается на наблюдения казахов, относительно жизни которых он дает ценные сведения. «Все кайсаки уверяют, — пишет Эверсманн, — что море убывает, отступает, что небольшие озера высыхают, что места, некогда покрытые камышами, ныне поросли уже совсем иными растениями, то есть что болота пересыхают, не могут уже более питать камышей и вслед за тем порастают травами. Кайсаки с большим вниманием следят за подобными переменами и в особенности за прибылью или убылью камышей; для них камыши не менее важны, как для нашего крестьянина пашни его и луга. Весною часть молодого камыша служит кормом для скота, другая часть обращается на зиму в сено, а лишь только лед покрывает береговые воды, лишь только болота, заводи и протоки замерзают, как прибрежные кайсаки уже отправляются на зимовку в камыши, служащие им в течение зимы и кормом для скота, и топливом, и защитой от жестоких восточных ветров и бурнов».

Наблюдения Эверсмана приобретают тем больший интерес, что по современным данным уровень Каспия в тот период действительно понижался.

Как видно из приведенного, Эверсманн не был только зоологом. Одновременно он был ботаником, географом и первым почвоведом Оренбургского края. По признанию В. В. Докучаева, «работы кадастровых комиссий [1856—1859 гг.] и проф. Эверсмана [1840 г.] в главном настолько верны природе и настолько рельефно передают общий характер почв Заволжского края, что дальнейшие исследования этой территории будут только подтверждать упомянутую почвенную схему и обставать ее новыми и более детальными подробностями¹».

Много внимания Э. А. Эверсманн уделяет лесной растительности в Оренбургских степях. Не отрицая трудностей степного лесоразведения, он считает нужной и необходимой посадку леса в степи и дает при этом ряд ценных советов, приобретающих большое значение в наше время, в период коренной переделки природы степной и лесостепной зон согласно постановлению партии и правительства от 20 октября 1948 г. Вот, например, как он оценивает значение карага-

новой акации при посадках леса в степи: «Если бы когда-нибудь вздумали разводить в степях здешних лес, то, кажется, было бы необходимо засеять степь сперва акацией, и, спустя уже пять или шесть лет, когда акация порядочно подрастет, может быть и удалось бы развести по промежуткам, под тенью акации, другие породы деревьев». Карагановая акация (*Caragana arborescens*), о которой пишет Эверсманн, в настоящее время широко применяется при посадках леса в степях Заволжья.

В другом месте Эверсманн обращает внимание на возможность садоводства в Оренбургском крае. «Впрочем, — пишет он, — неудачные попытки развести, тут или там, плодовые деревья не доказывают еще необычайности и невозможности этого дела. Неутомимое старание человека превозмогает большие препятствия».

III

Особого внимания заслуживают примечания переводчика первой части «Естественной истории Оренбургского края» В. И. Даля. Автор их обнаруживает прекрасную осведомленность о природе Оренбургского края и нередко в этом отношении дополняет Эверсмана.

В одном из примечаний В. И. Даль сообщает, что степные палы, несмотря на строгое запрещение их законом, продолжают применяться населением и часто влекут за собой гибельные последствия.

В другом месте он приводит крайне любопытные сведения о крупнейших озерах равнинной Башкирии — Асли-куль (Ачулы-куль) и Кандры-куль, — «замечательных вовсе не по величине своей, но по особенному обстоятельству: озера эти прибывают и убывают непостоянно, независимо ни от каких известных и видимых причин. Иногда проходит несколько лет и Ачулы и Кандры стоят спокойно в берегах; иногда в неопределенное время года, вдруг начинают, оба вместе, прибывать и разливаются и снова вместе вливаются в берега свои. Башкиры твердо верят, что каждый разлив Ачулы-куля предвещает бедствие и рассказывают, что лошадь или человек, утонувший в одном из озер этих, всплыл в другом.» Своеобразие режима этих озер объясняется сейчас тем, что они имеют карстовое, провальное, происхождение.

Крайне интересно примечание В. И. Даля (стр. 237) относительно попытки массового облесения Оренбургской линии в 40-х годах XIX века. С этой целью были использованы тогда «сотни тысяч кольев ветлы и осокоря», только прижившиеся на сырых местах.

В примечании, касающемся блуждания русла реки Урала на пойме, В. И. Даль подробно рисует процесс образования излучин и стариц реки. Это примечание невольно просится на страницы современных учебников по геоморфологии.

IV

Вторая часть «Естественной истории Оренбургского края» вышла в свет только через 10 лет после опубликования первой части. Она была напечатана в Казани

¹ Термин «ландшафт», введенный в географическую литературу в самом начале XIX века, Эверсманн и В. В. Докучаев не употребляли.

на средства Казанского университета. Содержание работы видно из ее полного заглавия: «Естественная история млекопитающих животных Оренбургского края, их образ жизни, способы ловли и отношение к промышленности». В этом томе, насчитывающем 294 страницы, дано описание каждого животного из млекопитающих, его экология и географическое распространение. В 1866 году, уже через шесть лет после смерти Эверсмана, в издании Казанского университета публикуется третья часть «Естественной истории Оренбургского края» — том свыше 600 страниц, посвященный птицам. Это третий том «Естественной истории Оренбургского края» был подготовлен к печати учеником Эверсмана, позднее видным зоогеографом М. Н. Богдановым.

Зоологические работы Эверсмана настолько исчерпывающи, что дальнейшая работа зоологов по Оренбургскому краю в значительной мере свелась лишь к дополнению его работ.

Большое значение исследования Эверсмана приобретают при восстановлении новейшей истории развития животного мира и его динамики на территории Оренбургского края. Благодаря Эверсману мы можем сравнивать животный мир наших дней с животным миром первой половины XIX века, а этот последний с животным миром середины XVIII века (Рычков, Паллас).

Столетие назад животный мир Чкаловской области выглядел значительно богаче современного. Крупные стада сайгаков летом шли на север до долины Урала; они приходили сюда в поисках корма из выжженных солнцем полупустынь Казахстана. Кабан был уже тогда редким животным, встречающимся иногда по долинам Сакмары и Ика. Тарпан (дикая лошадь) доживал последние дни в зоне полупустынь; в степях Заволжья он был уже вырезан. Северный олень — типичное животное холодной тундры — зимой был частым гостем Южного Урала 52° сев. широты.

Некоторые животные вели тогда другой образ жизни. Например, суслик во времена Эверсмана не считался за вредителя полей. «Так как у нас в степях мало засеивается земли и суслики наши даже удаляются от мест обработанных, то они не могут вредить, как это говорят про сilesского суслика. Даже в Казанской и Симбирской губерниях, т.е. в местах наиболее обработанных, мне никогда не случалось слышать, чтоб суслик, подобно хомяку, копал себе норы в пахотных полях».

V

Подробные биографические сведения об Эверсмане даны в монографии Гептнера. Эверсманн-человек очерчен в ней тепло, он показан Гептнером как преданный науке ученый, горячо полюбивший свою вторую родину — Россию, посвятивший всю свою сознательную жизнь изучению природы Оренбургского края.

Родился Э. А. Эверсманн в 1794 году, в Германии. В 1816 году он приезжает на Урал в Златоуст к своему отцу — строителю оружейного завода. К этому времени он успел защитить две диссертации — одну на степень доктора философии и свободных искусств в Германии, другую — на степень доктора медицины и повивального искусства в России (Дерптский университет). Прибыв в Златоуст, молодой Эверсманн

с увлечением занялся коллекционированием минералов, растений и животных. Именно здесь он почувствовал призвание к естественным наукам. Длительное время он был членом Московского общества испытателей природы. Посвятив всю свою жизнь изучению природы Оренбургского края, он вырос в крупного естествоиспытателя середины XIX века. Путешественник, натуралист по призванию, он вскоре совершает смелое путешествие в Бухару (1820—1821 гг.).

В 1828 году Эверсмана приглашают на работу в Казанский университет на кафедру ботаники и зоологии. Профессором Казанского университета он работает до конца своей жизни, на протяжении 32 лет. В 1840 году он переходит в русское подданство.

Многолетние путешествия по Оренбургскому краю позволили Эверсману собрать богатые коллекции животных, особенно насекомых. В результате обработки коллекций Эверсманном было описано несколько сот новых для науки видов, главным образом бабочек. Описанию бабочек он посвящает несколько крупных монографий. После зоологических работ Эверсмана животный мир Оренбургского края в XIX веке стал известен лучше, чем какого-либо другого района России.

В настоящем кратком очерке мы не ставили целью дать анализ всех трудов Эверсмана с точки зрения их значения для географии. Мы ограничились почти исключительно первой частью его «Естественной истории Оренбургского края» и не затронули даже такого, богатого географическими наблюдениями, сочинения, как «Путешествие от Казани по разным местам Оренбургской и Астраханской губерний». Однако уже приведенного материала достаточно для того, чтобы сделать несколько важных выводов об Эверсманне-географе.

1. Первая часть «Естественной истории Оренбургского края» Эверсмана представляет собой замечательное географическое сочинение первой половины XIX века. Это — один из первых по времени географических трудов ландшафтоведческого направления, близкого к его современному пониманию.

2. Эверсманну принадлежит первая попытка разграничения ландшафтной зоны полупустынь от ландшафтной зоны степей (степи плодородные, покрытые черноземом, и степи голые). Диагностические признаки, положенные Эверсманом в основу разграничения этих зон, сохраняют значение до настоящего времени.

3. Эверсманн был первым почвоведом Оренбургского края. Он близко подошел к правильному решению вопроса о происхождении чернозема.

4. Эверсманн-ботаник интересен для нас своеобразным для его эпохи подходом к растительности как элементу природы, тесно зависящему не только от климата, но и от геологического строения почв и форм рельефа.

Эдуард Александрович Эверсманн (1794—1860) и его «Естественная история Оренбургского края» // Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева. М., 1949.

ЭВЕРСМАН Эдуард Александрович. Родился 11/23 января 1794 г. в деревне Веринггаузене (Wehringhausen), близ городка Гаген в Вестфалии. Отец его был бергмейстер русской службы и основатель Златоустовского завода. Воспитывался Эверсман в университетах Марбургском, Галльском, Берлинском и Дерптском. В 1814 г. приобрел в Галле степень доктора философии и магистра свободных наук, а в 1816 г. в Дерпте — доктора медицины и акушерства. В 1811 г. Эверсман служил на горных заводах Гарца, а в конце 1816 г. жил в Златоусте, где изучал языки татарский и персидский и обряды магометанской религии. В 1820 г., под видом татарского купца, ходил при посольстве Негри в Бухару, с целью пробраться в Индию, но в Бухаре узнали, что он европеец, почему он и должен был отказаться от своей цели. Животные, растения и ископаемые, собранные им в этом путешествии, были отосланы в Берлинский университет; животные были описаны Лихтенштейном в «Reise von Orenburg nach Buchara von E. Eversmann. 1823». В 1825 г. Эверсман, с военной экспедицией полковника Берга, ходил в Хиву. В 1828 г. был определен ординарным профессором зоологии и ботаники в Казанском университете. В продолжении службы при Казанском университете, Эверсман был командирован с ученою целью в губернии Оренбургскую, Саратовскую и Астраханскую, в Кавказскую область и четыре раза за границу.

Ученые труды его заключаются в 55 сочинениях, частью отдельно изданных, частью помещенных в различных журналах. Эверсман — ученый Волго-Уральского края. Фауна юго-восточных степей России, примыкающих к Казанской губернии, обязана преимущественно ему своей разработкой. Материалы, над собиранием которых он добросовестно трудился более 30 лет, займут одно из самых почетных мест в естественной истории нашего отечества. Эверсман был Членом обществ: Леопольдино-Каролинской Академии, Естествоиспытателей в Афинах, Лотос в Праге, Московского Испытателей Природы, Русского Географического, С.-Петербургской Академии Наук, Зенкенбергского в Франкфурте-на-Майне, Любителей Естествознания в Берлине, Академии Общепользных знаний в Эрфурте и Штетинского Энтомологического общества. Он скончался, после продолжительной болезни, будучи еще профессором в Казани, 14 апреля 1860 г.

Богданов А. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие: 1850—1888. М., 1891. Т. 3.

ЭРДМАН, Федор Христофорович (Иоганн-Фридрих), профессор патологии, терапии и клиники. Родился в 1778 году, в г. Виттенберге. Высшее образование получил сначала по наукам богословским, а затем медицинским, в Виттенбергском университете, по приобретении в котором степени доктора медицины и хирургии (за диссертацию «Utrum aqua per electricitatem columnae a Volta inventae in elementa sua dissolvatur?» Witt., 1802, относящуюся, собственно говоря, к физике), получил в том

же университете звание экстраординарного профессора натуральной истории (с 1804 г.), а затем и ординарного (с 1807 года) профессора патологии и терапии.

По рекомендации д-ра Пелица, расхваливавшего его способности и разносторонность знаний, Румовский предложил Эрдману кафедру патологии, терапии и клиники в Казанском университете и 17-го мая 1810 года состоялось его назначение на эту кафедру, с званием ординарного профессора. Таким путем замещена была в Казанском университете вторая (первую занял И. О. Браун) основная медицинская кафедра. На долю проф. Эрдмана выпали в Казани неустанные заботы по вопросу об устройстве клиники и об организации клинического преподавания. Безуспешными стараниями в этом направлении отмечена вся семилетняя деятельность Эрдмана в Казанском университете, несмотря на то, что им уже в 1811 году был представлен подробный план устройства клиники из трех отделений (терапевтического, хирургического и повивального) и на 24 кровати. Этот план был одобрен особою советскою комиссиею и попечитель в июне того же года выразил Эрдману по поводу его благодарность «за попечение в общем благе и пользе университета», потребован был им и технический проект клиники, стоимость устройства которой была исчислена в сумме около 60 тыс. рублей, при годовом бюджете содержания около 5 тыс. рублей — но все дело сразу стало, как скоро оно дошло до материальной стороны вопроса: попечитель сослался на традиционные «нынешние обстоятельства» и осуществление проекта отложено на неопределенное время. Эрдману пришлось ограничиться кое-каким клиническим материалом гимназической и университетской больницы, в том же году и в этих, именно, видах переданной в его заведование. Безуспешными оказались хлопоты Эрдмана об устройстве клиники, предпринятые им и вслед за полным открытием в 1814 году университета: небольшая и элементарно обставленная клиническая палата из двух небольших комнат в верхнем этаже так называемого «типографского дома» (на месте нынешнего здания старой клиники), вмещавшая в себе всего 4—8 кроватей, такова та примитивная клиническая организация, довольствоваться которою вынужден был проф. Эрдман.

Ученая и литературная деятельность проф. Эрдмана не ограничивалась обязанностями по преподаванию и может быть отмечена несколькими не лишними значения начинаниями. Так, в 1811 году он сделал описание Сергиевских минеральных вод, сопроводив его обстоятельным химическим их анализом; в 1812 году ездил в окрестности г. Тетюши, с целью исследования местных серных ключей; в 1813 году посетил, совместно с проф. Френом, остатки древнего города Болгары, составив в высшей степени обстоятельное их описание, долго почитавшееся лучшим после описаний их Лепехиным и Палласом. Обильный запас наблюдений самого разнообразного характера сделан был проф. Эрдманом во время многочисленных поездок его по округу, в качестве визитатора училищ (в Астрахань, среднее и нижнее Поволжье, в верхне-Камский край, в западную Сибирь). Результаты всех его путешествий, экскурсий и наблюдений были впоследствии сведены Эрдманом в трех томах его замечательного для своего времени труда: «Beitrag zur Kenntniss des Innern von Russland» (I—III, Рига, Дерпт и Лейпциг, 1822—1826), отчасти не утратившего интереса и для наших дней. Тщательно изучались Эрдманом и медико-

топографические условия города Казани и казанской губернии. Результаты этих изысканий отличались у него в самостоятельный труд: «Медико-топографическое описание казанской губернии», присланный им в казанский университет уже в ноябре 1822 года, из Дерпта, и образовавший собою первую часть только что цитированного сборника. Заслуживают быть отмеченными и деятельность Эрмана в качестве практического врача, и его деятельное участие в борьбе с «горячною» эпидемиею 1813 года. Эрман был первым деканом отделения врачебных наук и оставался в этом звании до своего увольнения из Казанского университета.

В 1817 году Ф. Х. Эрман принял приглашение на освободившуюся в дерптском университете кафедру терапии и клиники и в начале июня вошел в совет с прошением об увольнении. Не в силах была изменить решения Эрмана и коллегативная просьба товарищей не покидать Казанского университета: предложение об его увольнении последовало 17 июля 1817 года. Сотоварищи поднесли отъезжающему сочувственный печатный адрес, совет университета избрал его почетным членом, кафедра же Эрмана перешла к профессору К. Ф. Фуксу, изменившему натуральной истории для медицины.

Эрман, после своей начальной дерптской профессуры (1818—1822), выехал за границу и занял в Дрездене должность королевского лейб-медика, а в 1827—1843 годах снова был профессором дерптского университета по кафедрам физиологии, патологии, фармакологии, диететики и истории медицины.

Умер 16-го января 1846 года, в г. Висбадене.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2.

ЭРМАН, Федор Христофорович (Иоганн-Фридрих), профессор Казанского и Дерптского (Юрьевского) университетов, родился в 1778 г. в Виттенберге; среднее образование получил в местной гимназии; в 1795 г. он поступил на богословский факультет Виттенбергского университета, но уже через год перешел на медицинский факультет, который и окончил в 1802 г. со степенью доктора медицины, полученною им за диссертацию «Utrum aqua per electricitatem columinae a Volta inventae in elementa sua dissolvatur?» (Wittenb., 1802); в 1804 г.

Э. получил в том же университете звание экстраординарного профессора естественной истории, а затем в 1808 г. и ординарного по кафедре патологии и терапии и был назначен окружным врачом. По рекомендации доктора Пёлица, Э. в 1810 г. был приглашен на одну из самых важных кафедр, — кафедру патологии, терапии и клиники в недавно перед тем открывшийся Казанский университет. Первым его делом были заботы по устройству клиники и организации клинического преподавания; в 1811 г. им был представлен подробный план устройства клиник из трех отделений (терапевтического, хирургического и повивального), который получил одобрение со стороны советской комиссии и за который автор его удостоился благодарности от попечителя учебного округа; однако, когда дело

дошло до материальной стороны (нужно было 60 тыс. рубл. единовременно и 5 тыс. ежегодно), осуществление проекта было отложено на неопределенное время. Целых семь лет хлопотал и ходатайствовал Э. об ассигновании необходимых средств, но не имел никакого успеха. Пришлось ему ограничиться тем клиническим материалом, который могли дать гимназическая и университетская больницы, поступившие в заведывание Э. Деятельность его во время пребывания в Казанском университете не ограничивалась исключительно исполнением преподавательских обязанностей; страстный путешественник, обезбавший еще до переезда в Казань Францию, Италию и Швейцарию, он и здесь предпринимал многократно поездки в различные места, попутно исследуя те явления, которые интересовали его как специалиста, и в то же время внимательно наблюдала разнообразие стороны русской жизни. В 1811 г. он сделал описание Сергиевских минеральных вод, основанное на продоланном им тщательном и обстоятельном химическом анализе; в 1812 г. обследовал серные ключи в окрестностях г. Тетюши; в 1813 г. вместе с проф. Френем посетил руины древнего города Болгар, составив замечательное описание их, долгое время считавшееся лучшим; наконец, в качестве фактического ревизора училищ Казанского учебного округа он ездил в Астрахань, среднее и ниже Пovolжье, в Верхнекамский край, в Западную Сибирь и пр. и во время этих поездок имел случай сделать обширные наблюдения самого разнообразного характера. Результаты всех этих путешествий, экскурсий и наблюдений были сведены в замечательном до сих пор еще окончательно не утратившем интереса труде: «Beitrag zur Kenntniss des Innern von Russland» (Рига, Дерпт и Лейпциг, 1822—1826 гг.), первый из трех томов которого посвящен исключительно описанию медико-топографических условий Казанской губ. и имеет самостоятельное значение. Работал Э. также в качестве практического врача во время так наз. «горячечной» эпидемии 1813 г.

Э. был первым деканом отделения врачебных наук Казанского университета. В последнем он пробыл до 1817 г., когда принял приглашение занять освободившуюся кафедру патологии, терапии и клиники в Дерптском университете. В Дерпте, где он заведывал также поликлиникой, Э. читал лекции до 1823 г.; в этом же году выехал в Германию и занял в Дрездене должность лейб-медика саксонского короля. Однако в 1827 г. он вновь возвратился к профессорской деятельности в Дерптском университете, приняв кафедру физической патологии, фармакологии, диететики и истории медицины. В 1818, 1829, 1833 и 1839 гг. он был деканом медицинского факультета, с 1828 по 1842 г. состоял членом, а последние пять лет председателем дерптского цензурного комитета; наконец, в 1842 г. он вторично вышел в отставку и переехал в Висбаден, где и скончался 16 (28) января 1846 г.

Русский биографический словарь [Т. 24] Шапов-Юшневский. Спб., 1912.

[...] О представителях этого предмета (фармакологии.—А. Г.) в течение первого периода можно только сказать, что они, с современной им точки зрения, справедли-

во считались дельными преподавателями, а некоторые из них — и знаменитыми врачами, именно Им. Ф. Замен (Sahmen) и И. Ф. Эрдман, бывший впоследствии лейб-медиком Короля Саксонского. Касательно последнего надобно в особенности упомянуть еще, что он оказал университету услугу основанием весьма ценного фармакологического собрания.

Обзор деятельности Имп. Дерптского университета. На память о 1802—1865 годах / Сост. по отчетам и донесениям, представленным попечителю Дерптского учебного округа. Дерпт, 1866.

«Эрдман открыл под каменным полом 5 параллельных каналов, следы многих водопроводов в стенах, в одной стене остатки железной трубы, даже следы бассейна; все это приводит Эрдмана к убеждению, что это была баня. Эрдман первый приводит название тамошними жителями этого здания — «Белая палатка». Кругом этого здания Эрдман заметил углубления и засыпанные ямы, происхождение которых он не берется объяснять».

Эрдман (Betrage, I, 193, 194) говорит о ней (башне Сююмбеки): «высокая пирамидальная башня, выложенная из кирпичей с четырьмя уступами и русским орлом на своей вершине; она своею формою имеет некоторое сходство с египетскою пирамидою с четырьмя уступообразными этажами. Внутри ее находятся две залы со сводами, с немногими узкими и высокими окошками — одно над другим; кругом каждого уступа идет с внешней стороны ход с низкою стеною, на каждый из них можно взойти только изнутри. Впрочем, в настоящее время можно достичь только до первого уступа, потому что лестницы, которые ведут выше, упали».

Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

ЭРДМАН, Франц (Федор) Иванович, профессор восточной словесности. Родился 15 марта 1793 года, в г. Людвигслюсте (Вел. герцогство мекленбург-шверинское). Среднее образование получил в любекской гимназии, высшее в университетах Ростокском и Геттингенском; в первом из них получил степень доктора философии и был приват-доцентом и адъюнктом философского факультета (1816 г.).

24 июля 1818 года, по предложению проф. Френа, избран в Казанский университет ординарным профессором восточных языков; утвержден 4 сентября, прибыл в Казань 27 августа. В 1822—1827, 1828—1832 и 1835—1836 гг. нес должность декана словесного отделения; в 1823 г. безвозмездно преподавал в гимназии арабский и персидский языки; в 1824 г. поручено ему заведование минц-кабинетом и кабинетом редкостей. В 1825 г. путешествовал, с ученою целью, по оренбургскому и прикамскому краю. В 1828—1845 гг. цензор восточных сочинений; с 22 мая 1832 г. инспектор студентов и директор педагогического института (до 20 де-

кабря 1835 г.); 14 октября 1833 г. поручалось временное преподавание в университете древней истории. В 1832—1834 гг. Эрдман составил и изготовил к печати описание университетского собрания азиатских монет.

По преобразовании университета на основании устава 1835 г., оставлен ординарным профессором арабского и персидского языков, по разряду восточной словесности (1 августа 1837 г.). В 1840 году принял русское подданство. 23 июля 1841 г. утвержден деканом первого отделения философского факультета (по апрель 1845 г.) и проректором. 17 ноября 1843 г. оставлен на пятилетие, с утверждением в звании заслуженного профессора.

11 мая 1845 года уволен от университетской службы. Осенью 1850 года встречаем его в должности директора училищ новгородской губернии. Умер в 1863 году.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

ЭРДМАН, Франц-Федор Иванович, ориенталист, профессор восточной словесности, арабского и персидского языков в Казанском университете, писатель, родился 15 марта 1793 г. в Людвигслюсте (великое герцогство Мекленбург-Шверинское); среднее образование получил в Любекской гимназии, высшее — в университетах Ростокском и Геттингенском, в первом из которых был удостоен степени доктора философии. Профессорскую деятельность Э. начал в 1816 г. при Ростокском университете в качестве приват-доцента и адъюнкта философского факультета. 24 июля 1818 г., по предложению профессора Френа, он был избран на место последнего ординарным профессором Казанского университета по кафедре арабского и персидского языков, которую в том же году и занял; помимо этого, он исполнял и другие обязанности: в 1823 г. бесплатно преподавал те же языки в университетской (первой) гимназии; с 1824 г. заведывал нумизматическим кабинетом и кабинетом редкостей; между 1823—1845 гг. исполнял обязанности цензора сочинений на восточных языках; в периоды 1822—1827, 1828—1832 и 1835—1836 гг. состоял деканом словесного факультета (отделения); в 1833 г. временно преподавал в университете древнюю историю; наконец, с 1832 по 1835 г. был инспектором студентов и директором педагогического института. По преобразовании университета по уставу 1835 г. Э. был оставлен ординарным профессором по разряду восточной словесности; в 1840 г. он принял русское подданство; с 1841 по 1845 гг. состоял деканом философского факультета и проректором, а 11 мая 1845 г. вышел в отставку. Позже, с 1850 г. он служил директором училищ Новгородской губ. Умер Э. В 1863 г. Он напечатал в повременных изданиях значительное число статей на русском, немецком, французском и латинском языках по вопросам лингвистическим, историко-литературным, историческим, нумизматическим и др., но деятельность его в науке прошла, не оставив глубоких следов; хотя филологические и исторические знания у него были обширны,

но он не обладал достаточными критическими дарованиями и философской подготовкой, чтобы использовать их научно.

Русский биографический словарь [т. 24] Шапов-Юшневский. Спб., 1912.

В 1818 году Казанский университет кафедру Арабского и Персидского языков вверил доктору Францу Эрмману, вызванному также из Ростка и явившемуся к должности в конце августа следующего года. Но и его сопровождали прежние неблагоприятные обстоятельства в самом начале преподавания, а именно, недостаток слушателей с надлежащими познаниями в Латинском языке, необходимом тогда для следования за лекциями профессора, и имеющих чистое понятие о будущем своем назначении в государственной службе и наряду с исследователями литературы востока. В самом деле, трое студентов, обучавшихся Арабскому и Персидскому языкам, по истечении года оставили свое намерение; заменил их единственный слушатель, Немец, который занялся восточными языками, не как главным предметом, а посторонним только, вспомогательным для приобретения сведений, нужных ему при изучении богословских наук.

Вот причина, почему университетский совет 16 декабря 1822 года принужден был распорядиться введением преподавания Арабского и Персидского языков в Казанскую гимназию и поручить профессору Эрмману избрать там надежных питомцев для приготовления их к поступлению, со временем, в число студентов по восточной словесности.

Ковалевский О. М. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Имп. Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842 г.

Нумизматический кабинет Императорского Казанского Университета, как особенное заведение, получил свое основание не ранее 1819 года; до того же времени все принадлежавшие университету монеты и медали, по небольшому числу их, хранились, вместе с другими предметами, в кабинете редкостей.[...]

В численном отношении Казанский Минцкабинет отличается от всех прочих как русских, так и иностранных, обилием монет Золотой Орды, — весьма естественное последствие соседства Казани с Булгаром и вообще Поволжьем, в котором располагалась Орда.[...]

Почти с самого основания своего до 1845 года Нумизматический кабинет Казанского Университета находился в ведении ординарного профессора (ныне директора училищ Новгородской губернии) Ф. И. Эрммана, стараниями которого это заведение постоянно содержалось в порядке и процветании. Правда, что знаменитый предшественник г. Эрммана, академик, а тогда профессор Казанского университета, Х. Д. Френ как бы приготовил материалы для университетского Минцкабинета исследованием богатых собраний Фукса и Пото, прав-

да, что найдя почву уже обработанную, г. Эрмман продолжал то, что было замышлено его предшественником; однако без сведущего в своей науке и ревностного директора Нумизматического кабинета обширные коллекции не привлекли бы на себя внимания университета и просвещенного университетского начальства. Г. Попечитель Казанского учебного округа Михаил Николаевич Мусин-Пушкин не только обогащал кабинет своими собственными приношениями, но и ходатайствовал непрерывно перед Министром Народного Просвещения о приобретении сверхштатных покупок для Минцкабинета. В это время сделаны все важнейшие как по числу, так и по ценности, приобретения Нумизматического кабинета.[...]

Березин И. Нумизматический кабинет Имп. Казанского университета // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. LXXXVII. Отд. III.

ЭРИХ, Иван Иванович, профессор греческого языка и древностей. Родился в 1755 году, в Эрфурте; получил образование в университетах Эрфуртском, Йенском и Гёттингенском. Первое известие о педагогической карьере Эриха в России восходит к 1794 г., когда он был определен учителем немецкого языка в нижегородское главное народное училище, из которого перемещен учителем латинского языка в казанскую гимназию (31 дек. 1799 г.). 23 января 1805 года определен в казанский университет, при его открытии, адъюнктом древностей, греческого и латинского языков. Университетская карьера Эриха двинулась весьма быстро: мы видим его с 16 января 1810 г. — экстраординарным, а с 26 марта 1814 г. — ординарным профессором по кафедре греческого языка и словесности. В 1817—1818 гг. был деканом словесного отделения.

Уволен из университета 5 августа 1819 г., при массовом исключении из него Магницким профессоров.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804—1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1.

II

Как жили немцы в Казани

НАГУЕВСКИЙ Д. И. Петр Цеplin, первый профессор Казанского университета: 1773–1832. Казань, 1904.

Слухи о предстоящем основании университета в Казани носились в городе еще до прибытия Цеплина; эти слухи окрепли, когда стало известным, что Цеplin назначен преподавателем гимназии только временно, до открытия университета. Наконец, в декабре 1804 года получилось официальное уведомление, что устав университета 5 ноября подписан Государем. Известие это произвело сильное впечатление в кружках гимназии, из которой, как из питомника, многое должно было перейти в возникающий университет. По словам Аксакова, лучшие ученики высшего класса, слушавшие курс уже во второй раз, надеялись, что будут произведены в студенты: им открывалась широкая перспектива высшего образования. На улучшение своего положения рассчитывали и многие представители преподавательской корпорации, особенно же члены тогдашнего совета, познания которых могли найти себе применение в стенах нового учреждения. Определялось вполне и почетное, видное положение Цеплина, как старейшего члена нарождавшейся профессорской корпорации. [...] 14 февраля, попечитель прибыл в Совет гимназии и, прочитав лично Высочайше подтвержденную утвердительную грамоту Казанского Императорского университета, объявил затем об утверждении Министром Народного Просвещения Яковкина профессором, а Карташевского, Эриха, Запольского и Левицкого — адъюнктами университета. [...]

Так скромно и беспритязательно совершился акт официального открытия Казанского университета. Но шумно и с весельем приветствовали народившуюся alma mater новый профессорский кружок и представители гимназии. Однажды вечером, сообщает Аксаков, собралось к Карташевскому много гостей: профессор Цеplin, правитель канцелярии попечителя, Петр Иванович Соколов и все старшие учителя гимназии, кроме Яковкина; собрались довольно поздно... были веселы и шумны... все поздравляли друг друга: дело

шло о новом университете и о назначении в адъюнкты и профессора гимназических учителей... Гости просидели до трех часов, выпили очень много пуншу и вина и многие уехали очень навеселе... О назначении Яковкина ординарным профессором все говорили с негодованием, считая такое быстрое возвышение Яковкина не заслуженным, по ограниченности его ученых познаний... Говорили также о предстоящем производстве учеников высшего класса в студенты... [...]

В первый период пребывания Цеплина в Казани, деятельность его, как профессора вновь открытого университета, в значительной мере была обусловлена тем абсолютным положением, которое в среде зарождавшейся университетской корпорации властно занял председатель ее И. Ф. Яковкин.

Необыкновенно живой и энергичный, одаренный здравым практическим умом и житейской опытностью, Яковкин, облеченный обширными полномочиями окружного начальства, занял первенствующее место в тогдашнем педагогическом и ученом мире Казани. Опираясь на свои способности, на умение руководить административными пружинами, вверенными ему проживавшим безвыездно в С.-Петербурге попечителем С. Я. Румовским — Яковкин, усвоив привычку произвольных, беспартийных распоряжений в Казанской гимназии, решил приложить тот же прием и к управлению университетом. Чуждый университетского образования, незнакомый с характером академической жизни, с условиями и потребностями возникавшего рассадника высшей, свободной науки — Яковкин, в среде нарождавшейся коллегии профессоров, считал себя не первым между равными, а «начальственной персоной», полномочным лицом отсутствующего попечителя. [...]

Это исключительное положение Яковкина и его предвзятый взгляд на университет и его представителей, в связи с неослабными проявлениями самовластия, составлявшего отличительную черту его характера — послужили причиной бесконечных недоразумений и пререканий между директором и членами университетской корпорации и Цеплину, первому из профессоров, пришлось столкнуться и вступить в борьбу с приемами управления Ильи Федоровича. Хотя до назначения своего в Казань Цеplin и не был практически знаком с характером университетского режима, с организмом университетов и обязанностями члена профессорской коллегии, но, как воспитанник двух заграничных университетов, и человек постоянно вращавшийся в кругу людей академически образованных — он смотрел на профессоров, как на представителей, призванных служить науке, а не лицам, людей — обязанных неуклонно отстаивать те принципы академической свободы и корпоративного самоуправления, которые были дарованы «ученому сословию» профессоров университетским уставом Императора Александра первого. Человек независимых убеждений, энергичный и настойчивый, чуждый эгоистических происков — Цеplin при первом столкновении с неприглядными сторонами режима, введенного самовластным директором, выступил на защиту грубо нарушаемых прав и привилегий университета. [...]

Недоразумения и антагонизм между Цеплиным и Яковкиным шли все «crescendo» уже с первых собраний соединенного Совета университета и гимназии в 1805 году и достигли своего апогея в половине следующего года. [...]

В заседании Совета 6 февраля 1807 года было заслушано [...] предложение попечителя об увольнении Цеплина. [...] «По причине таковых поступков, тишину и спокойствие нарушающих, а особливо за непослушание, неоднократно начальству оказанное, увольняется г. Цеплин по согласию г. Министра Народного Просвещения вовсе от университета, с выдачею ему жалованья по день объявления ему сего предложения». [...]

Так просто и внезапно совершилось увольнение от должности первого профессора Казанского университета. Прискорбный факт этот вызван был не столько личными действиями и провинностями Цеплина, сколько отношением к нему двух вершителей судеб тогдашнего Казанского учебного округа — Румовского и Яковкина. [...]

В конце марта Цеплин стал готовиться к отъезду из Казани и часть своих книг принес в дар библиотеке университета. Яковкин доложил об этом Совету и сообщил попечителю (2 апреля 1807 года), не без иронии заметив: «что тот не дарит, кто не имеет куда давать». [...]

Преподавательская деятельность Цеплина в университете, за первый период его профессуры, была продолжением рассмотренной выше — гимназической и фактически началась только с марта месяца 1805 года. [...]

Слушателями Цеплина в университете были, за некоторыми исключениями, те же, что и в гимназии, а именно: Петр Кондырев, Владимир Граф, Петр Баляников, Василий Кузьминский, Андрей Шубин, Федор Ритта, Павел Попов, Никифор Андреев, Михаил Пестяков, Степан Шоник, Андрей Кайсаров, Еварест Грубер, Николай Манасеин, Павел Чуфаров. Все эти студенты, по аттестации профессора за март, «хорошо успевали и были хорошего поведения». [...]

Для характеристики преподавательской деятельности Цеплина следует еще указать, что некоторые из его слушателей избрали своей специальностью читанные им предметы. Так, в конце 1806 года, когда Яковкин, по собственным словам, «думал о заготовлении учителей», Павел Попов был назначен учителем истории, географии и статистики «для будущей Пермской гимназии», а Петр Кондырев, с 1807 года в звании кандидата преподавал в Казанском университете всеобщую историю, географию и статистику, а в 1820 году он был утвержден там же ординарным профессором исторических наук и политической экономии. [...]

По удалении Цеплина в 1807 году, в Казани объявился целый сонм немецких профессоров: Браун, Френ, Бартельс, Каспар Реннер, Фойгт, Финке, Литтров, Иоганн Эрцман, Броннер, Томас. Все они, во главе с старым приверженцем Цеплина, Германом, тем более могли желать возвращения в свою среду подвергшегося опале профессора, что презирали Яковкина, для которого новое появление в университетской среде его непримиримого и энергичного врага было бы событием крайне тяжелым. Но при каких обстоятельствах последовало вторичное назначение Цеплина, какие мотивы были приведены для этого в представлении Салтыкова — у нас нет достаточных сведений, [...] дело о вторичном назначении

Цеплина в Казань было начато 5 октября 1813 года, а утверждение его ординарным профессором по кафедре дипломатики и политической экономии последовало вследствие предложения Министра 9 октября 1813 года. [...] Так совершилось вторичное назначение Цеплина в Казанский университет, назначение, представляющее единственный в его истории факт официальной реабилитации несправедливо удаленного представителя высшей науки. Весть об этом дошла в Казань значительно раньше официального уведомления¹ и, без сомнения, с большой радостью была принята в среде немецкой партии профессоров, отозвавшись грозным «*momento mori*» для Яковкина, звезда которого со смертью Румовского видимо клонила к закату. Вместо нее, на ученом горизонте Казани, стала занимать заря автономной жизни университета, ярко воссиявшая сначала при выборе в Совете 4-го сентября 1813 года ректора, деканов и других лиц университетской корпорации, а затем при их утверждении в начале следующего 1814 года. [...]

С полным применением в Казанском университете устава императора Александра I для Цеплина настала новая эра жизни. Те принципы университетской самостоятельности, за которые он боролся и пострадал, теперь казались осуществленными вполне, стали внедряться в основы университетской жизни и захватывать все ее постепенно разветвлявшиеся отрасли. Проявлениям и проискам «начальственного» деспотизма, этому обычному симптому в жизни Казанского университета при Румовско-Яковкинском режиме, теперь был положен предел. Во главе университета уже стояли выборные ректор и деканы, а рядом с ними самоуправляющаяся корпорация профессоров. Свежая, давно желанная атмосфера академической жизни сразу охватила Цеплина, подействовав на него умиротворяющим, благотворным образом. Прежний «главный, высокий крикун», подымавший при Яковкине «беспрестанные споры», охотно примиряется теперь с новыми формами автономной жизни университета, и посвящает ему много трудов и времени, в аудиториях и в кабинетной тиши. Лекции свои по новой кафедре Цеплин читает по-французски или по-немецки или по-латыни, интересуется местной стариной, работает над историей Казани и Ханов Золотой Орды, пишет введение в русскую хронологию и опыт руководства по политическим наукам. С своей стороны и университетская корпорация не оставляет без внимания заслуг своего старейшего сочлена, подвергшегося незаслуженной опале в период Яковкинско-самовластия: Совет не раз избирает его деканом отделения нравственно-политических наук, членом Училишного Комитета и облакает особыми полномочиями. [...]

Примкнув сразу к преобладавшей тогда в университете немецкой профессорской партии ректора Брауна, в состав которой вошли крупнейшие представители академической корпорации — Френ, Бартельс, Литтров, Броннер, Эрл-

¹ Это видно из заметки о назначении Цеплина профессором (*professor designatus*), сделанной его другом Френом в монографии «*Numophylacium orientale Pototianum*» (стр. 79), одобренной к печати 13 сентября 1813 г.

ман, Фукс — Цеплин поддерживал ее интересы стойко, но умеренно, выступая с резким протестом только в тех редких случаях, когда попечителем, или его услужливыми приверженцами, нарушались автономные права университета. [...]

Самым крупным событием в жизни Цеплина и его деятельности в Казанском университете следует признать избрание его деканом отделения Нравственно-политических наук. 17 сентября 1814 года умер первый декан этого отделения Финке и преемником его выбран был Цеплин². Этим актом, без сомнения, Совет имел в виду не только почтить Цеплина, как первого по времени назначения члена своей коллегии, но и нравственно вознаградить за несправедливо испытанное гонение. [...]

Одним из первых актов деятельности Цеплина в должности декана было его участие в знаменательном событии научной жизни университета. Событие это — первый публичный в Казанском университете ученый диспут. Диспутантом явился саксонский уроженец Иоганн Готлиб или Богдан Ион, бывший студентом сначала Гёттингенского, а затем Московского университетов. [...]

В том же декабре месяце произошла под эгидой Цеплина и промоция кандидата, Эльпидифора Петровича Манассеина в степень магистра правоведения и политической экономии. [...] «Публичное испытание» Манассеина происходило 9 декабря; это была первая магистерская промоция под действием перед тем только введенного устава 1804 года. [...]

Таким образом, и первый публичный докторский диспут и промоция первого доктора и первого магистра из русских людей произошли в Казанском университете под ауспигиями и под ближайшим руководством его старейшего профессора. [...]

Настал 1819 год, — роковой для Казанского университета и старейшего профессора. Вслед за смертью первого ректора университета в самом начале года, наступило мрачное время ревизии и произвола Магницкого, едва не стоившее жизни Казанскому университету и роковым образом отразившееся на его первом представителе. [...]

8 марта, в Совете было заслушано предписание Министра Духовных дел и Народного Просвещения, кн. Александра Николаевича Голицына о Высочайшем поручении члену Главного Правления училищ М. А. Магницкому обозреть Казанский университет. [...]

Конец академического года и наступившие каникулы прошли однако без особых тревожений в университетской среде. Но это было затишье пред бурей. 30 июля Цеплин присутствовал еще в заседании Совета, но уже в последний раз. 20 августа в собрании Совета было заслушано предложение утвержденного уже в то время попечителем Магницкого, от 5 августа за № 61 «о мерах к приведению по Высочайшей воле всех частей университета в должный порядок». Для достижения этого, решено было начать «с оставления только тех из профессоров, кото-

рые заслужили одобрение ревизора, остальных же, неодобренных, удалить из университета». В силу этого уволены были по Высочайшему указу от службы с пенсией Герман и Эрих, без пенсии — Яковкин и Томас и удалены по предписанию попечителя — барон Врангель, Цеплин, Брейтенбах, Арнгольд, Срезневский. [...]

Причину этого «массового» увольнения профессоров, превзошедшего своей численностью и суровостью разгром Совета в попечительство Румовского, следует искать не столько в плачевном состоянии Казанского университета, сколько в настроении и во взглядах тогдашних правящих сфер и в личных происках самого Магницкого. «Воззрения Священного союза, замечает Д. А. Корсаков, направленные на борьбу с революционными идеями в западной Европе, проявились в Австрии и Германии страшными репрессалиями против университетов, признанных очагами религиозного и политического вольнодумства. Император Александр I отнесся к университетам также с недоверием, найдя исполнителя своих мыслей в тогдашнем министре народного просвещения и духовных дел кн. Александре Николаевиче Голицыне. Казанский университет был тоже «заподозрен» и ревизия его была возложена на Магницкого». [...]

О Цеплине Магницкий писал, что «он есть человек самый пустой и читает лекции политики, самой тщетной и почти не существующей науки. Способности имеет весьма посредственные». [...]

[...] мнение Магницкого о Цеплине, как о человеке «пустом и с весьма посредственными способностями» — совершенно несправедливо: Цеплин несомненно приносил существенную пользу университету, чего в свое время не отрицал и злейший враг профессора — Яковкин. [...] Его профессорской деятельности был положен окончательный предел и этот акт явной несправедливости и лживого доноса, подвергший вторичному гонению старейшего представителя Казанского университета, навсегда останется темным пятном в позорной деятельности Магницкого.

БУЛИЧ Н. Н. Из первых лет Казанского университета: 1805—1819. СПб, 1904. Ч. 1.

Большими затруднениями было обставлено для профессора Брауна начало его преподавания. Он делал все, что мог и сколько позволяли ему средства, в той среде, где наука являлась случайною и где все преподавание медицины ограничивалось пока его лекциями. «Для сравнительной анатомии, писал он на первых порах своей деятельности, к покровителю своему Франку, я сделал несколько сухих препаратов; что же касается до препаратов, которые должны храниться в спирту, то в Казани вовсе нельзя найти для них стеклянной посуды. Все, что я мог сделать в этом отношении, состоит лишь в том, что я потребовал спирт и посуду. Если получу требуемое, то у меня не будет недостатка в препаратах, особенно по ихтиологии; но для меня будет большое счастье, если мне удастся получить эти

² Еще до этого избрания Цеплин 22 июня подвергался баллотировке на должность инспектора казенных студентов, но из 17 шаров получил 5 избирательных (Броннер, его Дневник и Переписка стр. CXLVIII).

предметы в течение года. Моя аудитория состоит из трех слушателей, которым я читаю по латыни физиологию Прохаски. Анатомических сведений у них вовсе нет, так как предшественник мой демонстрировал им строение человеческого тела по овцам. Я постараюсь изучить с ними отдельные органы, на сколько позволяют обстоятельства, чтобы дать им некоторые понятия об анатомии».

Браун по-видимому рассчитывал для себя в Казани на практическую деятельность, но на первых порах ее почти вовсе у него не было, да и потом он не пользовался в городе особенною славою, за исключением нескольких глазных операций. Любопытны его заметки в этом отношении: «Врач практик не сделает себе фортуны здесь, так как русский человек вообще редко нуждается в медицине. Случится заболеть ему, — он идет в свою баню и заставляет натирать спину тертою редькою, или пьет огуречный рассол, прибавляя в него обыкновенно меду для лучшего действия; не поможет и это — пьет водку и тогда только шлет за доктором, когда смерть на носу. Здесь еще вовсе не знают разницы между врачом и фельдшером, так как ни один искусный врач не захаживал в эти страны, а если б и случилось что либо подобное, то господа штабные врачи, ставящие себя гораздо выше Гипократа и выдающие себя за величайших врачей в мире, вовсе не дадут ему хода. Из подобных людей состоит здешняя управа и весь практикующий цех. Моя практика ограничивается одною пока истерическою женщиною, да еще другою, у которой большая склонность к чахотке. Глазных пациентов еще не видал. Слава Богу, что жалование в 2000 рублей на столько достаточно здесь, что освобождает от всяких расчетов на такие неверные источники дохода. Несмотря на то, что сначала все это произвело на меня в высшей степени неприятное впечатление, теперь я уже привык несколько, и, если расширится круг моих знакомых, я надеюсь совершенно быть довольным Казанью. К чему человек однако не привыкает!» А привыкать было конечно нелегко, так как условия казанской жизни не походили на те, посреди которых вырос Браун. Приведем еще описание города, сделанное им в одном из своих писем; оно любопытно, как наглядное изображение Казани более чем за семьдесят лет до нашего времени: «Город расположен в остром угле, образуемом Казанкою, текущею с севера, и Волгою, в которую Казанка впадает. Последняя проходит под крепостью и до впадения своего в Волгу, течет по болотистому полю, покрытому кустарником на протяжении семи верст. Это поле, называемое лугом, летом служит для пастбы скота, а в сырые годы обращается в болото. Город очень велик, так что по объему не уступит Вене, но так раскинут по холмам и долинам, что в самом городе есть площади, напоминающие степи. Холмы большею частию состоят из глины: между ними водою вымыло глубокие овраги. Большая часть города лежит на болотистой равнине, на Юго-Запад, по направлению к Волге, и эта часть в свою очередь делится надвое длинным озером Кабаном (воду которого, за неимением лучшей, пьет целый город) и отводным каналом из него — Булаком, впадающим в Казанку. Другая часть города, к Северу, лежит на левом берегу Казанки. Большая часть города вообще расположена в болоте. Весною, вследствие разлива Волги до самого города, это болото становится озером, так что лодки с товарами по Булаку входят в самый город. Сверх того, частию внутри города, частию в его окрестностях,

находятся еще пять озер, или лучше сказать — болот со стоячею водою. При здешних сильных жарах, вода загнивает и делает очень нездоровыми прилежащие части города. Дома по большей части выстроены из дерева, без этажей, притом весьма некрасивы и неудобны. Очень часто делаются они добычею пламени. Такой печальный случай был и сегодня: от 6 до 10 часов вечера два дома, со всеми принадлежащими к ним строениями, обращены в пепел. Внутренние стены домов покрыты только известью; двери не притворяются плотно, замки весьма дурны, а печи куда не годятся; погреба встречаются весьма редко. Кухни вообще удалены от главного строения, так как хозяйка считает за стыд появляться на кухне. Немногие каменные дома непрочны. Все они выстроены из кирпича, сделанного из одной глины и только на половину высушенного, почему он скоро выветривается, а дома смотрят развалинами. Только в крепости есть небольшой клочок мостовой, все же остальные улицы не вымощены. При сухой погоде можно еще ходить пешком, но в дождь или осенью нельзя обойтись без экипажа, особенно в низких частях города, куда стекает сверху вся вода и где грязь подымается до самых осей дрожек. Как скоро однако вода стекла, размягченная глина так пристает к колесам, что пара лошадей с большим трудом вытаскивает экипаж. В Казани до 17 т. жителей, но число это несколько уменьшается летом, когда помещики разъезжаются по деревням; зимою они возвращаются, чтоб повеселиться. Знатных фамилий, по европейским понятиям, между ними нет однако вовсе. Большая часть населения в городе состоит из Русских; Татар считается около 5 т.; они живут в особой части города; немецких семейств около ста; это по большей части ремесленники». Далее Браун сообщает цены на жизненные припасы, замечает, что в течении двух больших постов чрезвычайно трудно купить мяса; «за то иностранных вин много в Казани, но они большею частью представляют подделку: привозят плохое вино из Тамани и в большом употреблении цимлянское».

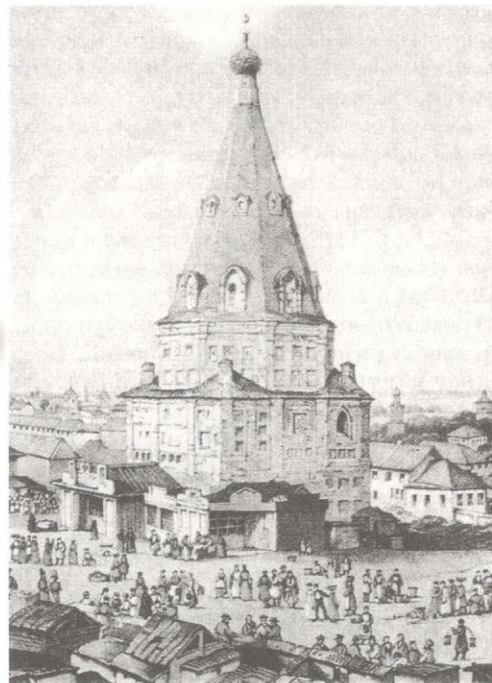
Любопытнее всего для нас на первых порах деятельности Брауна в Казанском университете должны бы быть его отношения к самовластному Яковкину, но об этом у нас мало сведений. Браун был «человеком характера чрезвычайно серьезного и стойкого», как выражается о нем его пасынок, профессор К. К. Фойгт, и весьма сдержанного и осторожного, прибавим мы от себя. Приехав в Казань вскоре после увольнения некоторых профессоров, так неудачно боровшихся с Яковкиным, он очень хорошо понимал свое положение, хотя и выражался об окружавшей его жизни несколько аллегорически: «Никогда ни один город, при первом знакомстве с ним, не производил на меня столь неприятное впечатление, как Казань, не по местоположению своему, которое весьма приятно, но потому что все здесь так сказать находится еще в муках рождения и потому каждый, владеющий двумя крепкими кулаками, думает о себе, что он призван быть помощником в этих родах, не смотря на слабость собственной головы. [...] Все это однако не должно охлаждать моего стремления быть полезным. Для меня это только предостережение и оно заставляет меня быть осмотрительным и осторожнее приниматься за дело, для того чтоб не погубить и ту частицу добра, которую я в состоянии принести».

Эти достоинства характера были причиною, что Браун в течение двенадцатилетней жизни своей в Казани успел приобрести всеобщее уважение, не только в среде близких ему немецких профессоров, для которых он был, по выражению Яковкина, «оракулом», но и между русскими, даже в городе, мало сочувствовавшем университету. Яковкин очень хорошо понимал, что рядом с ним, понемногу, вырастает в общем мнении человек нравственной силы, который должен сменить его и потому конечно старался представить его не в благоприятном свете в глазах Румовского. На первых порах он видимо расположен к Брауну: «от праводушия его, особенной ревности его к должности и откровенного беспристрастия здешний университет много доброго ожидать может», сообщает он попечителю (12 мая 1808 г.), но когда в конце 1810 года сделана была со стороны министра народного просвещения и попечителя неудавшаяся попытка дать самоуправление университету, и при избрании ректора большинство голосов соединилось в пользу Брауна, Яковкин видимо стал преследовать его. Он иначе не называет Брауна как оракулом между немцами, его общество считает он «предосудительным», жалуется на его самолюбие, сообщает о его нетерпимом характере [...].

БУЛИЧ Н. Н. Из первых лет Казанского университета: 1805—1819. Казань, 1891. Ч. 2.

[...]вакантные по уставу 1804 года кафедры могли быть замещаемы в Казанском университете почти исключительно иностранными учеными и преимущественно немецкими. Этому способствовали в то время многие условия: и бедность научного развития в нашем отечестве сравнительно с успехами его в Германии, и политическое положение этой страны под гнетом Наполеона, и известные способности немецкого народа к эмиграции, с помощью которых он очень удобно и выгодно устраивается в чужой земле. С 1808 года, вслед за известным математиком Бартельсом, [...] Казанский университет стал быстро наполняться немецкими профессорами. Собрав на родине разные справки, заведя при посредстве знакомых или родных некоторые связи в Петербурге, они являлись в русской столице к попечителю Румовскому и искали кафедр, доказывая разными способами свои знания и свою пригодность для университетского преподавания. Почти все они, или по личному убеждению попечителя в их достоинстве, или по ходатайству некоторых членов Академии Наук и других влиятельных лиц в столице, согласно представлению попечителя, утверждались министром и ехали в Казань. Весьма понятно, что выбор таких профессоров, зависевший не от коллегиального обсуждения их научных знаний и достоинств преподавания, а от произвола власти и от силы влиятельной рекомендации, был иногда совершенно случаен и часто неудачен: преподавание оставалось жалким в течение многих лет. Являлся неизвестный человек из-за границы, представлял разные дипломы и свидетельства, рекомендательные письма известных ученых, всегда снисходительных к

Э. Турнерелли
Башня в Гостином дворе

Э. Турнерелли
Сибирская застава

Э. Турнерелли
Башня Сююмбеки

Э. Турнерелли
Вид всей Казани во время разлива

непосредственным ученикам своим; в часы доброго расположения духа находили его и знающим, и способным; искатель нравился и — получал место. Явившись в Казань, при несуществовании факультетов, в университете, который ждал еще своего открытия, такой профессор преподавал известную специальность на свой так сказать страх, без всякого контроля ученой коллегии. Те, от кого зависело его определение, не думали о том, в какой связи с прочими находится предмет его преподавания, какую пользу мог он приносить неприготовленным слушателям. У них была одна формальная цель: как-нибудь заместить определенную уставом и вакантную кафедру. [...]

Раньше других заграничных искателей кафедр в далекой Казани явился к Румовскому в Петербурге в начале 1808 года молодой человек, саксонец родом, Иоганн Фридрих Христиан Вуттиг (Wuttig)¹. По словам попечителя в его представлении министру, Вуттиг обучался в разных немецких университетах: химии, технологии, фармацевтике, минералогии, физике и ботанике. Испытанию во всех этих науках, но преимущественно в фармацевтике, Вуттиг подвергался в Виленском университете (следовательно от ранее своего представления Румовскому был уже в пределах России, и отчасти знаком со страной). В другом русском университете, Дерптском, где Вуттиг занимался между прочим до 1807 года физическими опытами у профессора Паррота и приобрел по всей вероятности его рекомендацию, он публично защитил 2 мая 1806 года свою диссертацию «Versuch ueber die Gallussaure»², за которую получил степень доктора философии. Приехав в начале 1808 года в С.-Петербург, Вуттиг управлял чьею-то фабрикою купоросного масла. «Почитая для Казанского университета весьма полезным приобретение сего молодого ученого, подающего надежду быть, со временем, достойным звания профессорского», Румовский представил министру об утверждении Вуттига адъюнктом химии, фармацевтики и технологии, так как ни одна из этих трех наук, распределенных по разным кафедрам, не преподавалась еще в Казанском университете (15 апр. 1808 года). Утверждение не замедлило последовать и в конце мая того же года Вуттиг отправился в Казань. [...]

Сам Вуттиг был человек молодой, довольно знающий, по-видимому преданный своему практическому делу, выгодному в материальном отношении. Его имя пользовалось некоторою известностью между тогдашними специалистами. Он считался почетным членом королевского экономического общества в Лангензальце и Лейпциге, иностранным секретарем горного общества в Фрейберге, членом обществ натуралистов в Иене, Бреславле и наконец в Москве³. Несколько мелких

¹ Он родился в Вундеслебене близ Вейссензее, в Тюрингене, в Саксонии, 22 марта 1783 года. См. «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland» — Пеке и Напирского, где в указании года рождения Вуттига — очевидная опечатка.

² Это небольшая брошюра в 12°, разгонисто напечатанная и передающая результаты девяти опытов, сделанных автором. Румовский, основываясь на свидетельствах, предъявленных ему Вуттигом, говорит в своем представлении о нем министру, «о разных его сочинениях», но они были напечатаны Вуттигом вероятно впоследствии. До 1808 года они не указаны в подробных немецких биографиях Кайзера и Гейнзиуса.

³ В московском «Journal des naturalistes» напечатана его французская статья «Об очищении воздуха в галерных кораблях».

статей по технологии были напечатаны Вуттигом в немецких журналах. Эту литературную деятельность он продолжает и в Казани, ища случаев обогатиться новыми сведениями. Так в начале июля 1819 года, как только кончились занятия в университете, Вуттиг с специальной целью изучения минералогических богатств и некоторых производств на Урале, отправляется в отпуск в Оренбург. Едет он на свой счет (у Вуттига были некоторые средства и он владел даже участком земли на своей родине в Вейссензее, в Тюрингии). [...]

Еще до путешествия на Урал, Вуттиг сообщал попечителю, что им написано по-немецки сочинение «О приготовлении серной кислоты» (*Sur la fabrication de l'acide sulfurique*), с присоединением необходимых рисунков и полного объяснения производства. Сочинение это, по словам Вуттига, написано им не только для настоящих химиков, но также и для фабрикантов, так что всякий, имеющий самые незначительные сведения в химии и математике, может, пользуясь его наставлениями, и основать фабрику, и управлять ею. «Что касается до подробностей приготовления серной кислоты в большом количестве, пишет он к попечителю (посредством сжигания серы), то это пока секрет, известный очень немногим и так мне удалось секрет этот усовершенствовать и кроме того, имея в виду, что практические сведения проиобретены мною с большим трудом, что я рисковал даже здоровьем, что полное обнаружение этого искусства очень важно для каждого государства (так как потребление серной кислоты возрастает с каждым годом), я могу с большим основанием надеяться, без особенной нескромности, получить награду за свое сочинение». Но Вуттиг, вдаль от Германии, где бы он мог продать свою рукопись издателю, не знает как приступить к ее напечатанию в России и обращается к попечителю с просьбою указать ему средства для издания его сочинения. [...] Что касается до другого сочинения Вуттига «О приуготовлении купоросного масла», то оно было напечатано в Германии тогда, когда Вуттиг давно уже оставил и Казань и свое «второе отечество»: «*Gruendliche Anleitung z. Fabrikation der Schwefelsaure*». Berl. 1815. 8°. [...] По возвращении с Урала, Вуттиг не замедлил внести в совет свое сочинение, но в последнем не было лиц, которые могли бы судить о достоинствах его, и все дело ограничилось представлением случая «на благоусмотрение попечителя». [...]

Так в течение 1809 года Вуттиг, несмотря на все свои хлопоты, письма к попечителю и министру и угрозы отставкой, не мог добиться желаемой им ординатуры. Наступивший 1810 год был для него счастливей. Вместе с двумя другими адъюнктами, Эрихом и Запольским, он был, по представлению попечителя, утвержден 16 января в звании экстраординарного профессора. [...] Вуттиг конечно был недоволен, и решил расстаться с Казанью и со «вторым отечеством» своим очень скоро. В феврале, тотчас по получении известия о производстве в экстраординарные, он подает прошение о полугодовом отпуске за границу, в свой родной город, куда требуют его «некоторые обстоятельства касательно имения». [...]

Некоторую часть первого полугодия 1810 года Вуттиг еще читал свои лекции в Казани, или, как выражаются ежемесячные рапорты совета «занимался преподаванием технологии по собственной своей системе», хотя за январь и февраль он

не подавал «за болезнь» рапортов о своих занятиях, а с 18 мая уже считался в отпуску. Было у него 15—18 слушателей из всех 37 студентов этого полугодия. Какое содержание было его лекций и какой смысл они имели в общей системе учения — сказать затрудняемся. Полагаем, что и успехи были очень малые. Рассматривая списки слушателей Вуттига с его отметками: «хорош, внимателен, прилежен» и пр. и зная более или менее судьбу этих слушателей впоследствии, мы можем остановиться на одном только Алексее Лобачевском, сделавшемся впоследствии магистром химии и технологии, который сам отказался от предлагаемого ему чтения «технологии и наук относящихся к торговле и фабрикам» по неимению сведений в этих науках и по недостатку в университете пособий для такого преподавания. Правда сам Вуттиг говорит в своей статье «О делании кумачу»: «Машины, орудия и утвари показываю я во время моих лекций или на рисунках или на моделях; большую часть фабричных принадлежностей предоставляю я моим слушателям делать самим в малом виде: я же с своей стороны с сими последними хожу на фабрики, находящиеся в здешней губернии». На сколько однако правды заключается в этих словах — поверить мы не имеем возможности: всякая память о Вуттиге исчезла в технологическом кабинете университета.

Только раз в протоколах совета встречаем, что в начале мая 1810 года «по лекциям своим» он ездил в течение трех дней, в сопровождении двух своих слушателей: упомянутого нами А. Лобачевского и Эльпидифора Манассеина на какую-то кумачную татарскую фабрику, отстоящую от Казани в 90 верстах. Им была выдана подорожная и деньги на путевые издержки из сумм химического класса. Эта поездка, последняя, которую сделал Вуттиг в пределах Казанской губернии, имела связь с специальным изучением им приготовления кумача имевшего большое распространение в прежнее время в здешней местности. Теперь это производство, за успехами в технике приготовления красок и вследствие введения машин, почти уже не существует у татар. Прежде много было таких фабрик в Казанской губернии и главные мастера на них были бухарцы, а рабочие татары. Любопытный Вуттиг был хорошо знаком с ними. «Я часто бывал на сих кумачных фабриках, говорит он, и при карешнии занимался сам главнейшею работою, поелику татары часто изустно, и с некоторым при том удовольствием, разговаривали со мною о существенной пользе от их работы получаемой, и ничего от меня не утаивали. По сему в предлежащем моем сочинении⁴ сообщаю я по большей части такие опыты, который знающий сие дело легко может отличить от поверхностных наблюдений путешественника. Я жил наиболее в татарских деревнях Уракбешаке и др., в которых находятся обширнейшие фабрики, выделява-

⁴ Статья «О делании бухарского и персидского кумача» (перев. с нем. П. Петрова). См. Технологический журнал, издав. Имп. Академиею Наук, т. VIII, ч. I, стр. 3—70, СПб. 1811. Статью эту отдельно брошюрою Вуттиг издал, по отъезде из России в Берлин: *Ueber die Fabrikation des Burlats bei den Bucharen u. Persen*. Что Вуттиг обращал внимание на разные производства, которые он мог наблюдать во время своего кратковременного профессорства в Казани, доказательством может служить также и другая статья его в том же журнале: «Способ наводить чернь на серебре, употребительный в Чебоксарах», т. XI, ч. 4, (1812 г.), стр. 44—48. Способ этот, по собранным нами сведениям, давно не существует в Чебоксарах.

ющие ежегодно кумачу более 50 тысяч кусков. А как на оных фабриках мог я с рабочими людьми разговаривать без переводчика, то мне было гораздо легче и основательнее приступить к такому исследованию» (стр.8—9). Описание производства кумача на казанских фабриках сделано весьма обстоятельно Вуттигом.

Чтобы ехать в дозволенный отпуск, Вуттиг в начале июня 1810 года сдал вещи и шнуровые книги химического и технологического классов Запольскому и отправился в Петербург. [...] В конце того же 1810 года Вуттиг получил чин надворного советника и Академиею Наук удостоен звания члена-корреспондента.

БУИЧ Н. Н. Из первых лет Казанского университета: 1805 — 1819. Казань. 1891. Ч. 2.

Не вдруг Нейман присмотрелся к университету и к условиям жизни в незнакомом ему городе. [...] Уже тотчас по приезде, он стал жаловаться на расстройство здоровья. Квартира, в которой он остановился с семьею и Врангелем, оставалась нетопленною в течение всей зимы; она промерзла; сквозной ветер ходил по всем комнатам; пришлось немедленно искать другую, более удобную. [...] Казанский климат он считает очень нездоровым, для иностранцев же даже очень опасным. Это подтверждается, говорит он, ежедневным опытом. Так трое его сослуживцев, немецких профессоров, в непродолжительное время потеряли своих жен (Сторль, Браун, Финке); он сам похоронил свою шестилетнюю дочку, всегда пользовавшуюся хорошим здоровьем от самого рождения. [...] отпуск Нейману, с сохранением содержания, высочайше разрешен был 30 сентября 1810 года. Из Казани же он уехал в конце ноября. [...] Так кончилось первое появление на весьма короткое время Неймана в Казанском университете. Нельзя конечно не пожалеть об этом. Судя по его началу и по тем сочинениям, которые были изданы им в Дерпте, думаем, что университет терял в нем знающего и деятельного профессора, притом достаточно знакомого с русским языком и это знакомство без сомнения увеличилось бы с годами. Но с другой стороны следует согласиться, что переход Неймана в Дерпт был в порядке вещей. Он переходил почти на родину. [...] Так делали и все более выдающиеся первые казанские профессора немецкого происхождения; [...] Только позднее стали появляться у нас немецкие профессора, успевавшие акклиматизироваться, привыкшие к казанской почве и роднившиеся с туземцами. Надобно сознаться однако, что этот второй слой, по своему внутреннему достоинству, был значительно ниже первого.

И в нравственном, и в материальном отношении Литтров не мог пожаловаться на свою казанскую жизнь: ее формы, условия, образы он сохранил надолго потом в добродушных очерках своих, *Bilder aus Russland*. При нем была любимая молодая жена; через несколько месяцев по приезде в Казань у него

родился сын Карл, впоследствии тоже астроном, занявший его место директора венской обсерватории; он рос на его глазах. Друзья любили его. Литтров купил дом на Красной улице, а когда он сгорел, то другой, на Вознесенской. «Пансион, который завел Литтров, говорит его сын, куда самые богатые семейства стали отдавать своих сыновей, был так выгоден для Литтрова, что он ничего больше и не мог желать в экономическом отношении». [...] Если что мучило Литтрова в далеком восточном городе, так это зима с ее морозами, которую он с трудом переносил. [...] Желание оставить Казань зрело в душе Литтрова. Это желание тем более должно было развиваться, что исчезли причины, заставившие как Литтрова, так и других его соотечественников покинуть родину: войны затихли и Венский трактат утихомирил Европу. Он ждал только случая. [...] Случай этот представился в конце 1815 года. [...] Литтров оставил Казань в последний день мая месяца.

Все профессора факультета физико-математических наук, без сомнения и другие, более близкие сослуживцы, провожали его до Волги. Здесь, на ее берегу, в Усломе, был устроен прощальный обед, долго помнившийся потом Литтрову. Пели прощальные русские песни, которые так полюбились астроному. Одна из них, сочиненная кем-то из близких ему людей, была даже напечатана и один экземпляр ее вручен был Литтрову на память. [...] «Встретили ли вы уже весну?» — Пишет он к астроному Боненбергу, своему приятелю (7 марта 1817 г.) [...] — «Какие дни! Какая разница с Казанью и однако — зачем я не остался там?» [...] «Ни в одном университете я не встречал такой коллегиальной дружбы. На третий день по приезде я был там везде как дома и мы все, казалось, были членами одной большой семьи. Были ли они в самом деле лучше других, соединяли ли их теснее суровый климат и незнакомство с языком страны, где они жили, или может быть потому, что все они воспитались в школе бедствий, так как почти все были изгнаны из Германии ненавистными французами, — но жить с ними было отрадно и, какова бы ни была моя будущая судьба, я не перестану считать годы, проведенные с ними, лучшими в моей жизни».

Были случаи, что немецкие профессора, соблазненные или прелестью казанской жизни, или дешевизною условий ее, побуждали товарищей или близких людей в Германии последовать их примеру и искать места в Казани. Так, Реннер, вскоре после смерти Бюнемана, единственного профессора прав в Казанском университете, тоже бывшего геттингенским студентом, дал идею проситься на его место своему товарищу по университету Иоанну Христофору Финке [...]. В 1798 году он после экзамена защитил в Геттингене свою диссертацию на степень доктора прав «*De unius testis confessione*». До изучения прав Финке очень усердно занимался филологией в течение нескольких лет и участвовал в филологической семинарии геттингенского профессора Гейне. [...] в то время, когда он решился ехать в Казань, только что издал свой перевод толкований Теофила на институции Юстиниана, сочинение весьма важное для объяснения римского права [...]. Финке прошел хорошую школу: тогдашний юридический факультет Геттингенского университета, по личностям его

представлявшим и по силе научного знания, пользовался большой известностью. [...] Ученый и честный профессор, каким был Финке, притом стоявший в уровень с современным развитием науки, сам принимавший участие в этом развитии, должен был принести большую нравственную пользу своим слушателям. [...]

К сожалению он не мог принести всей пользы, какую можно было ожидать от него: он действовал в среде совсем незнакомой и чуждой; он говорил на языке чужом, понятным лишь для значительного меньшинства слушателей. Самая деятельность его, как профессора, насильственно прерванная смертью, продолжалась не долго. [...]

Сам Финке был недоволен своею обстановкою в Казани и ее условиями. Представления, составленные им об ожидающей его жизни в этом городе вдали от него оказались ложными. Повидимому он не принадлежал к числу тех ловких практиков, которые везде и ко всему умеют приноровиться. [...] Почти все немецкие семейные профессора, недовольные своими наемными помещениями в Казани, как известно избилующими неудобствами, старались, если можно было достать на то средства, приобретать свои собственные, небольшие конечно, деревянные дома. Так сделали Браун, Герман, Фойгт, Френ, Литтров; так должен был поступить, вынужденный необходимостью, и Финке. [...] Но жизнь этого вполне достаточного, как нам кажется, профессора сложилась не совсем удачно. Он недоволен был Казанью, не только потому, что в ней не видел он возможности продолжать начатые им ученые труды, для чего, особенно в то время, необходимо было иметь профессору большую силу воли, но и по вредному на его здоровье влиянию казанского климата, и по семейным потерям. Здоровье его сильно расстроилось. Он стал думать о том, как бы выбраться из Казани, переменить род службы, хотя мы не знаем каковы были его положительные намерения. [...] Невозможность продолжать в Казани учебно-литературную разработку права была главной и почти единственной причиною, как он сам выражался, оставить службу в Казанском университете. Какая болезнь свела его в могилу (ему было всего 41 год) мы не знаем. [...] Детей опекуны успели воспитать на ту незначительную пенсию, которая выдавалась им от казны. [...] сын кончил курс в Казанском университете, но судьба его нам не известна; дочь же в 1825 году сделалась женою профессора Эйхвальда.

ЗАЛЕСКИЙ В. Ф. История преподавания философии права в Имп. Казанском университете в связи с важнейшими данными внешней истории юридического факультета. Казань, 1903.

[...] В первое время по открытии университета не было разделения студентов по факультетам, не было деканов, ни особого факультетского делопроизводства

— вообще факультетов не существовало. Университет даже не был вполне отделен от гимназии, не имел ректора и во главе его стоял директор гимназии, он же инспектор студентов — профессор Яковкин. Совета университета также не существовало; в университетских отчетах до 1814 года мы неизменно встречаем почти одну и ту же фразу: «по малому числу гг. профессоров университета совет еще не открыт, а настоящие профессора и адъюнкты составляют совет Казанской гимназии, который под ведением его превосходительства г. попечителя Казанского университета управляет делами и до университета касающимися». Подобная же стереотипная фраза повторяется до 1812 года и относительно факультетов: «по причине недавнего основания университета разделения студентов по факультетам еще не осуществлено». [...]

И вот, когда в 1809—1810 академическом году сформировался почти полный комплект профессоров на трех факультетах и явилась настоятельная необходимость внести существенные изменения в установившийся порядок преподавания — предложение об этом было внесено в совет одним из профессоров и при том таким, который держался в стороне от советских неприятностей, «грязи и дрызг» и которого проф. Булич иронически называет «беспристрастным», намекая этим на его полное якобы равнодушие к учено-учебным делам.

Этот профессор был К. Ф. Фукс, подавший в совет 23-го февраля 1810 года свое предложение о внесении некоторых изменений в постановку дела преподавания. Он высказывает мысль о необходимости увеличения числа учебных часов, но в то же время предлагает двухчасовые лекции, как утомительные и вредно отзывающиеся на успехах, заменить часовыми; считает желательным разделение студентов по факультетам при условии, чтобы к слушанию факультетских предметов допускались лишь те из вступивших в университет молодых людей, которые прослушали полный курс наук пригготовительных¹; и, наконец, предлагает в круг приотготовительных наук ввести «науки, в указе 6-го августа 1809 года упомянутые»², и «курс российского правоведения», разделив слушателей этого предмета, вследствие их многочисленности, «на два класса: один г. проф. Неймана, другой г. адъюнкта барона Врангеля». [...]

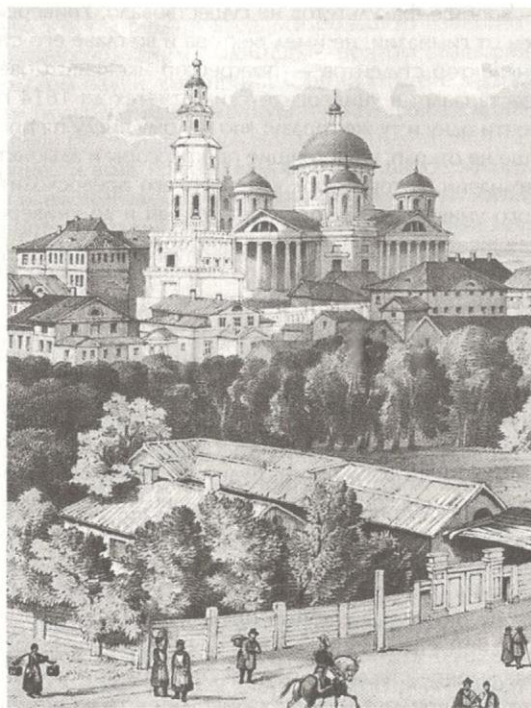
Совет заслушал это предложение в заседании 8-го июня и, согласно распоряжению попечителя, изложенному в этой же бумаге, потребовал, чтобы все профессора представили свои мнения по поводу проекта Фукса и в частности по

¹ «Окончившие курсы наук пригготовительных.....можно бы разделить впредь по отделениям наук для больших успехов»; «не прослушавший с успехом пригготовительные курсы не мог бы быть произведен в студенты».

² Указом Правительствующему сенату от 6-го августа 1809 года повелено было, чтобы никто впредь не был производим в чин коллежского ассессора, если не предьявить «свидетельства от одного из Императорских университетов, что он обучался в оном с успехом наукам, гражданской службе свойственным, или что он представ на испытание, заслужил на оном одобрение в своем знании». В качестве наук, «гражданской службе свойственных», перечислены — русский язык, один из иностранных, право естественное, римское, частное гражданское с приложением его к российскому законодательству, государственная экономия и законы уголовные, русская история, всеобщая история с географией, хронологией и статистикой, арифметика, геометрия и физика.

Э. Турнерелли
Казанский монастырь

В. Турин
Императорский
Казанский университет

вопросу о приготовительных науках. Было подано множество разнообразных мнений и предложений.

[...] Лишь 24-го августа 1811 года состоялось окончательное постановление по этому делу; «разбирая мнения гг. членов», совет, применяясь к смыслу и даже выражениям предложения попечителя от 26-го мая 1810 года № 362, нашел «для университета полезным» принять за норму две двухчасовые лекции в неделю для каждого профессора, равно как признал полезным, «чтобы приготовительные науки посещали все вообще поступающие и поступившие в университет, как студенты, для слушания преподаваний и прослушали курс оных». Одновременно с этим было точно определено, какие науки считать приуготовительными; «согласно с сказанным предписанием» попечителя совет положил считать приготовительными науками — «языки русский и латинский, арифметику, геометрию, историю и географию, физику опытную и философию, присовокупляя к тому естественную историю, отечественную статистику и основание прав, особенно российского». [...]

Система приготовительных наук, одобренная советом 24-го августа 1811 года, тождественна с существовавшей согласно ранее принятому порядку — исключен лишь новый язык и вместо него прибавлены предложенные Фуксом «основания правоведения»; в списке попечителя перечисляются все те же науки, пропущены лишь статистика, естественная история и правоведение.

Два других предложения Фукса — об учреждении часовой нормы лекций и о науках, в указе 6-го августа 1809 года упомянутых, были советом отвергнуты. Таким образом постановлением 24-го августа 1811 года, в сущности, был санкционирован действующий порядок; нововведением оказалось только включение оснований правоведения в систему приготовительных наук.

Самая важная сторона проекта Фукса — об учреждении отделений наук или факультетов — не была даже подвергнута обсуждению. Пока тянулась процедура предварительного рассмотрения проекта Фукса членами совета, министерство сделало попытку учредить факультеты. Попытка эта окончилась, однако, неудачей. [...]

Таким образом старый режим в университете сохранился и официально продолжался до «полного открытия» университета 5-го июля 1814 года, но фактически факультеты были уже открыты с осени 1812 года; университет этим обязан был профессору Броннеру³.

[...] Нейману принадлежит заслуга составления первого проекта организации преподавания наук, перечисляемых уставом 1804 года в составе отделения нравственно-политических наук. Назначенный профессором сразу на две кафедры — «прав российского гражданского и уголовного (и) судопроизводства» и «дип-

³ Это в высшей степени важное обстоятельство и крупнейшая заслуга Броннера — совершенно упущены из вида не только профессором Буличем, но и профессором Нагуевским в его последнем труде «Франц Ксаверий Броннер», 1902. Проект Броннера у них упоминается, но значения его они совершенно не коснулись.

ломации и политической экономии», он тотчас по приезде в Казань представил совету проект преподавания права и политической экономии. [...]

Преподавателю по кафедре русского права в то время приходилось работать в весьма неблагоприятных условиях. Свода законов еще не было и вообще не существовало никакого официального сборника законов; законодательный материал представлял собою массу разрозненных указов, регламентов, уставов и т.д. [...]

Профессор по кафедре «прав гражданского и уголовного (и) судопроизводства в Российской Империи» должен был поэтому сам делать систематические выписки из множества существующих законоположений, о чем Нейман и докладывал совету. [...]

Так как Нейман, получив юридическое образование за границей, до назначения своего в Казань два с половиною года служил в Комиссии составления законов и работал там над выписками уголовных законов, то он заявил совету, что начнет свой курс лекциями по уголовному праву и что попечитель уже выразил ему на это свое согласие.

Преподавание же «гражданского законодательства» было им поручено адъюнкту барону Врангелю.

[...]Прослужив в Казанском университете менее года, он не успел даже дочитать до конца курс уголовного права. [...]

Как ни мало было сделано Нейманом, мы все же должны признать, что ему принадлежит первая попытка внести известную систематизацию в преподавание юридических наук; кроме того — с прибытием Неймана и его адъюнкта, барона Врангеля, в первый раз от основания университета началось чтение лекций по нескольким юридическим предметам и тем положено было скромное начало организации юридического факультета; профессор Финке читал в это время римское право, профессор Нейман право уголовное и политическую экономию, адъюнкт Врангель уголовное и гражданское право. [...]

После смерти Финке кафедра его была довольно быстро замещена; профессором естественного права был назначен ранее служивший в Казани Нейман. Но назначение это было временное; он имел специальное поручение от министра — приготовить двоих молодых людей к занятию юридических кафедр в Казанском университете.

С приездом Неймана (назначен 19-го октября, прибыл 27-го ноября 1814 года) преподавание на отделении нравственно-политических наук снова пополнилось. С 30-го ноября он начал читать естественное право, в январе, сверх того, открыл курс римского права. [...]

Алехина и Манассеина он избрал в качестве тех двоих молодых ученых, которых обязан был приготовить к занятию юридических кафедр в Казанском университете. [...]

Прежде всего должно отметить прогресс в отношении способов замещения кафедр; по отделению нравственно-политических наук в 1815—1817 годах специально готовились к профессуре два молодых человека, с осени 1817 года приступившие к чтению лекций в звании адъюнктов; между тем до тех пор все ка-

федры замещались иностранцами; правда, был еще один русский профессор, казанец родом — Кондырев, но его приготовление к профессорскому званию совершенно не носило того систематического характера, как занятия Алехина и Манассеина.

ВЛАДИМИРОВ В. Историческая записка о 1-й Казанской Гимназии. Ч. 1. Казань, 1867.

По рассказам покойного адъюнкта Васильева, ученые иностранцы в Казани большею частью занимали квартиры в Поповой Горе (ныне ул. Тельмана. — А. Г.); эта улица составляла как бы Латинский квартал в Казани, тут жили Френ, Бартельс и Стефаний, у первого целую ночь светился огонек, за которым этот ученый разбирал свои манускрипты.

Казанские известия. 1814. 14 февр. (№ 7).

Во исполнение Высочайшего манифеста о принесении господа богу во всех храмах благодарственного моления за одержанные над врагами победы и за очищение Германии от французов, сего года, января 25 числа отправляемо было в городе Казани в церкви лютеранского исповедания торжественное молебствие. По окончании оного священнослужитель объявил с кафедры всему сословию лютеран, тогда находившемуся, что главный церковный старшина господин статский советник Карл Богданович Берстель предложил церковному конвенту, созданному по сему же случаю 17 января: не угодно ли будет в память толико знаменитых побед, последствием коих было освобождение Германии, происшествие, приводящее всякого благомыслящего германца в восхищение, составить особенную кассу, из которой возможно бы было снабжать потребными медикаментами людей больных бедного состояния без различия религии. Присутствовавшие тогда члены, не изъея ни одного, с совершенным удовольствием приняли сие предложение и объявили, что они всеми силами будут вспомоществовать такому благотворительному учреждению; а из них восемь врачей лютеранского исповедания, тогда в конвенте бывшие, изъявили согласие врачевать таковых болящих без возмездия. Сверх того двое казанских аптекарей вызвались во все время содержания их аптек отпускать из каждой ежегодно безденежно медикаментов на 500 рублей, да к тому что потребует более назначенного, то за половинную цену против в таксе поставленной. [...] В чем и подписались пастор Христиан Геринг, церковные старшины: статский советник Карл Берстель, профессор Мартин Герман.

Объявления.

С дозволения университетского начальства содержатель благородного мужского здесь в Казани пансиона императорского Казанского университета лектор и гимназии высшего французского класса учитель Иван Федорович Лейтер, живущий ныне в Лецкой улице в доме коллежского советника г-на Свенского сим объявляет, что жительство свое будет бы иметь с будущего сентября месяца в доме титулярного советника г. Павлова, что в приходе Покрова Пресвятой Богородицы. — В оном пансионе преподаются следующие науки: 1) закон божий, 2) математика, 3) российская словесность, 4) язык французский, 5) язык немецкий, 6) история всеобщая и российская, 7) география всеобщая и российская и 8) рисование. Если же почтенные родители пожелают, чтобы дети их сверх сих вышеупомянутых предметов были упражняемы в языке латинском, фехтовании, музыке и танцевании, то о сем с г-ном содержанием могут сделать особенные условия. Желющие ему г-ну Лейтеру вверять детей своих благоволят адресоваться в вышеозначенный г-на Павлова дом.

ЛАЖЕЧНИКОВ И. И. Как я знал Магницкого // Сочинения И. Лажечникова. Спб., М., 1884. Т. 12.

[...] Уже до меня в университете была ломка всему, что в нем прежде существовало. Начальники, профессеры, студенты, все подчинялось строгой клерикальной дисциплине. Науки отодвинулись на задний план. Гонение на философию доходило до смешного фанатизма, если фанатизм, в чем бы он не проявлялся, может быть когда-либо смешон. Например, во всех аудиториях на кафедрах вычеканен был золотыми буквами текст, приносивший против этого злохудожественного учения. Руководства немецких ученых, как растлевающие душу, были изгнаны из университетских курсов; преподавание многих учебных предметов, основываясь на богословских началах, как будто готовило студентов в духовное звание. [...]

Долгом считаю оговорить, что и в мое время, помимо бездарностей, были достойные преподаватели и ученые, служившие науке с любовью и пользою, как-то: медики Фукс и Лентовский, естествоиспытатель и археолог Эйхвальд, ориенталисты Казембек и Эрдман, астроном Симонов, математик Брашман.

ПОНОМАРЕВ П. А. О начале «немецкого гулянья» в Казани: по архивным документам // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1895. Т. XII, вып. 6.

[...] Казанским обывателям известно, что к сев.-востоку от нашего города, вверх по левому берегу Казанки, тянется нагорье, которое выступает к реке крутыми лесистыми обрывами и глубокими ушелистыми оврагами. Части этой живописной местности представляют последовательно: парк Родионовского Института, дачи г-жи Новиковой, Русскую Швейцарию, Куртино, Подсеку, сад Центрального дома и Немецкую Швейцарию.

Из рукописного журнала «Аркадские пастушки», издававшегося местными гимназиями в 1804 году и напечатанного в «Семейной хронике» Аксакова, известно, что Н. Панаев, автор статейки «Швейцария в Казани», гуляя однажды по сев.-восточным окрестностям города, забрел в овражистую и лесистую местность, напомнившую ему Альпийскую Швейцарию. Товарищам Панаева этот уголок также пришлось по вкусу, и они с общего согласия окрестили его «Казанской Швейцарией».

Но в настоящее время вопрос об открытии Казанской Швейцарии осложняется. У гимназистов 1804 года обнаруживается сильный конкурент, заявляющий право на первенство.

Дело вот в чем.

На днях мне доставлен был И. А. Износковым экземпляр «Краткой истории г. Казани» Рыбушкина, принадлежавший некогда И. И. Протопопову, местному старожилу, жившему в Казани с конца прошлого века. В этом экземпляре, на стр. 111—117, к названию «Швейцария», рукою Протопопова сделано карандашом следующее любопытное примечание:

«Эта роша, между кладбищем и дачею гг. Депрейсовых (прежде принадлежала гг. Нееловым) получила название Швейцарии в 1799 году от жившего тогда в Казани удаленного от должности обер-провиантмейстера Михаила Даниловича Перкова (ученого и образованного). Он, как убитый своим положением и притом от природы меланхолик, почти всегда удалялся от общества (аристократов, которые его непритворно уважали, начиная с губернатора) и от городских веселостей; бродил по отдаленным окрестностям города», к которым принадлежала и «эта роша, похаживавшая тогда более на дикий лес и отстоявшая в то время от окрестностей городских строений почти вавое нынешнего, так что в ней тогда ни одна нога горожанина от трусости не бывала. Он (Перков), посещавши эту рошу часто и найдя ее по виду и местоположению похожею на настоящую Швейцарию, в которой он долго жил, и прозвал ее этим именем, которым величается она и о сию пору».

Такие подробности изложить заставило меня то, что 1) воскресить память в знавших этого достойного человека — Мих. Дан. Перкова, которого расположением я пользовался лично, с которым вместе бывал в этой роше и срисовывал для него некоторые деревья, интересовавшие его по уродливости, и другие, чем-либо замечательные, с каркающими на них филинами и воронами, и 2) чтобы разве-

рить тех, которые говорят и пишут, что будто бы этой роше дал название Швейцарии профес. Каз. университета Броннер, который, как я совершенно знаю, явился на сцене казанской лет через 7—8 после, как она уже носила на себе это название, данное ей г. Перковым».

В настоящее время трудно, конечно, решить: когда и кому принадлежала честь открытия и названия Каз. Швейцарии: гимнастам ли 1804 года или удаленному от должности меланхолическому обер-провиантмейстеру 1799 года, но только ссылка на проф. Броннера не находит себе ни малейшего подтверждения и позволяет думать, что Протопопов ошибочно смешал проф. Броннера с проф. Фогелем, имя которого действительно имеет прямое отношение к той части Швейцарии, которую называют Немецкой.

«Немецкая Швейцария» — говорит проф. Шпилевский в своем «Указателе достопримечательностей г. Казани» 1873 г. — сделалась известною со времени проф. Каз. универ. Фогеля, который лет 40 тому назад исследовал у подошвы этого холма родники, думая найти в них какие-нибудь целебные свойства. Оказалось, что ключи дают обыкновенную воду; но профессору полюбилась эта местность, он выбрал ее для своего дачного пребывания и собственною рукою посадил березовую и сосновую роши, которые расположены ныне на западном склоне холма. Со времени Фогеля и до настоящего — здесь живут только немцы, которые выстроили несколько дач. Народ эту местность, снабжающую город лучшей водой, называет «немецким гуляньем»¹.

На чем основывал свое указание г. Шпилевский, я не знаю, но только его указание находит себе подтверждение в одном архивном «Деле» казанской шестигласной думы 20—30-х годов настоящего столетия².

Дело это, помимо прямого отношения к настоящей теме, представляет весьма любопытные черты из практики казанского городского управления и провинциальных нравов того времени вообще.

Первый документ этого «Дела» — подлинник прошения проф. и доктора медицины «Льва Лаврентьева сына Фогеля», поданного в Казан. думу 27 июля 1828 года.

Фогель просит уступить ему во временное пользование пустопорожный участок земли, не приносящий городу никакого дохода, находящийся за Подлужной Слободою близ ключа и занимающий 3627 кв. сажень.

На этом пустопорожном участке он выражает желание «сделать некоторые летние построения как для увеселения публики, так и для медицинских опытов», — изучения свойства воды и прилегающей «пошвы». «Быть может, — замечает при этом Фогель, — посчастливится мне отыскать, при разрытии ключа, целебные минералы». Так как разрытие ключа, устройство «купальень» и других приспособлений потребует издержек, то он просит сдать участок на 12 лет за

¹ Указатель проф. Шпилевского, стр. 65.

² «Дело по прошению профессора доктора медицины 7-го класса Льва Лаврентьева Фогеля об отдаче ему в оброчное содержание на 12 лет пустопорожного места за подлужной долиной, близ ключа для построения некоторого лесного устройства, увеселения публики и для медицинских опытов» № 286, началось 27 июня 1828 г. Решено 16 июля 1836 г., на 25 листах.

посильный оброк, указывая при этом, что устроенное им заведение «впоследствии времени может принести пользу и удовольствие городу и некоторый доход».

Дума в тот же день постановила резолюцию: освидетельствовать и измерить просимый участок, поручив это дело городскому архитектору Пятницкому. Кроме того, в том же заседании возбужден был следующий вопрос: «Присутствующим известно, что за Подлужной для увеселения общественного устроены уже некоторые заведения, но неизвестно с чьего разрешения, то поручить архитектору кстати дознать, кому именно принадлежат эти заведения, в чем они заключаются и не на городской ли земле устроены».

Пятницкий оказался относительно довольно аккуратен: после двукратного напоминания, ровно через два месяца, он ответил, что не имеет цепи и других съемочных инструментов и отправляется в командировку по поручению губернатора, а потому не может исполнить предложения думы и советует ей адресоваться к губернскому или уездному землемеру.

Но дума, очевидно, не приняла во внимание этого доброго совета и дело заглохло на целых два года.

По истечении этого времени, а именно в августе 1830 г. вопрос снова проскользнул в делопроизводстве думы, но уже на несколько иной почве.

Гласный Мокей Кузнецов представил рапорт, в котором довел до сведения думы, что им усмотрены захваты городской земли, а именно:

1) Не доходя до Подсеки, на городской выгонной земле, неизвестно кем засеян участок ржаным хлебом;

2) За Подлужной, на косогоре, выстроен неизвестно кем небольшой домик с каретником и на прилегающей лесной площадке «вычищены кусты для дорожек, устроены для гулянья беседки», а внизу, под горой, «загорожено значительное количество земли для огорода».

Дума в тот же день постановила: произвести дознание и через полицию истребовать крепостные акты у нарушителей городской собственности.

Но полиция оказалась не столь аккуратна, как архитектор Пятницкий. Прошло пять лет, а от нее не было ни слуху, ни духу.

Дума, очевидно, найдя, что пятилетний срок для наведения справок был достаточен, снова постановила: просить полицию о немедленном учинении дознания.

Но полиция продолжала безмолствовать, и только 25 ноября 1835 года, совершенно случайным образом, из дел полицейского повытья, приводимых в известность за смертью повытчика Уразлизова, дума получила необходимые для нее сведения.

Оказалось, что просимый Фогелем пустопорожный участок и участок, на котором устроены здания, сад и огород, в сущности одно и то же; что неизвестное лицо, самовольно застроившее городскую землю, и проф. Фогель, просящий эту землю как пустопорожную — также тождественны, и что, следовательно, Фогель водворился в городских владениях раньше, чем стал ходатайствовать о сдаче их в аренду.

В виду этих неожиданных данных проф. Фогель особой повесткой и приглашен был в думу для объяснений на 16 декабря 1835 года, т.е. ровно через 7 лет после подачи им прошения.

В чем заключались эти объяснения — неизвестно, но, надо думать, что дело подвинулось очень мало, так как из сведений, доставленных думой губернскому прокурору через полгода после этого, т.е. 16 июля 1836 года, видно, что Фогель, 21 марта 1836 года вошел в думу с новым прошением о сдаче ему на 12 лет того же участка и что сдача эта вновь замедлилась «за неснятием оного на план каз. губерн. архитектором и за недоставлением им плана».

По прошествии еще одного полугодия, 22 декабря 1836 года, архитектор Пятницкий представил, наконец, в думу план вырезанного из городской земли участка, предназначенного — по его словам — для «Немецкого гулянья».

Из плана выяснилось, что Фогель захватил кусок очень порядочный, — под гуляньем, беседками и аллеями значилось 5 дес. 1264 к. с., под постройками — 800 к. с., под огородами — 1058 к. с.

Представляя эти данные, архитектор заметил, что новое ходатайство Фогеля о прирезке земли кругом родника встречает препятствие. Родник — по его словам — довольствует большую часть города хорошей водой; с отводом же земли доступ к нему может быть прекращен арендатором.

О дальнейшей судьбе вопроса о «Немецком гулянье» цитируемое «Дело» не дает более никаких документальных данных. К нему приложена еще только одна маленькая расписка, из которой видно, что «сообщение архитектора с планом и прочие бумаги о Немецком гулянье взяты к г. губернатору 2 мая 1838 года».

В дополнение к этим данным, устанавливающим вполне определенно инициативу проф. Фогеля в вопросе об устройстве в Казани так называемого «Немецкого гулянья» или Немецкой Швейцарии, я считаю уместным привести еще один подтверждающий документ.

Наш покойный сочлен и казанский старожил В.К. Савельев подарил мне записанную в начале 30-х годов шутивную студенческую песенку, «Немецкое гулянье», первые строфы которой имеют отношение к Немецкой Швейцарии.

Вот они:

Раз ученому собранью
На Немецком на гулянье
Пирушка дана... (2 раза).
За горами, за долами
Сидит Фогель с пирогами
С горячими... (2 раза).

Здесь Фогель рисуется, очевидно, в качестве гостеприимного хозяина, пригласившего сослуживцев в завоеванные им владения. Далее описываются типы некоторых профессоров, остававшихся еще со времен Магницкого и подававших повод к шуткам молодежи. Но это уже не относится к настоящей теме.

В заключение считаю необходимым сказать несколько слов о том, что деятельность Фогеля по отношению к Каз. Швейцарии не прошла бесследно.

До нее гимназисты и студенты лазили здесь по оврагам, удаленный от службы Перков разгонял свою меланхолию, Протопопов срисовывал корявые деревья с каркающими на них воронами, но дальше дело не шло...

Нужно было явиться ученому немцу, чтобы расчистить здесь превосходные родники и культивировать местность... Целебных вод Фогель не открыл, лечебного заведения и ванн устроить поэтому не мог, но он дал Казани здоровую ключевую воду, которою обыватели пользовались до самого открытия водопровода; он первый способствовал пробуждению и развитию вкуса к дачной жизни и тем немало содействовал, конечно, поддержанию здоровья в местном населении.

В. Турин
Вид Казанской крепости

Казанец [Н. Я. АГАФОНОВ]. Нечто об исторических достопримечательностях города Казани // Казанские вести. 1891. № 271 (3 окт.).

Самый двор при доме Фукса представлял редкое явление. Здесь бегали маленькие медвежата, за палисадником виднелись павлины, фазаны, журавли, попугаи; в резервуаре воды ползали ящерицы и черепахи; в углу двора стоял верблюд, олень, зебра и пр. Уличные ребяташки ежедневно облипали забор его двора или наслаждались зрением животных подворотню. Все это, без сомнения, старожилы помнят.

III

Из воспоминаний казанских студентов

АКСАКОВ С. Т. Основание Казанского университета и первые годы университетской жизни // *Былое из университетской жизни. Казань, 1904.*

Прекрасное, золотое время! Время чистой любви к знанию, время благородного увлечения! Я могу беспристрастно говорить о нем, потому что не участвовал в этом высоком стремлении, которое одушевляло преимущественно казенных воспитанников и пансионеров: своекоштные как-то мало принимали в этом участия, и мое учение шло своей обычной чередой, под руководством моего воспитателя. Конечно, университет наш был скороспелка, потому что, через полтора месяца, то есть 14-го февраля 1805 года, его открыли. Преподавателей было всего шестеро: два профессора — Яковкин и Цеплин, и четыре адъюнкта: — Карташевский, Запольский, Левицкий и Эрих. [...]

В гимназии шли большие хлопоты о назначении студентам особых комнат отдельно от гимназистов, помешавшихся в том же здании гимназии, об устройстве студентам особенного стола в другой небольшой зале и об открытии новых университетских лекций. Наконец, в исходе августа, все было улажено и лекции открылись в следующем порядке: Григорий Иванович читал чистую, высшую математику; Иван Ипатьч (Запольский) — прикладную математику и опытную физику; Левицкий — логику и философию; Яковкин — русскую историю, географию и статистику; профессор Цеплин — всеобщую историю; профессор Фукс — натуральную историю; профессор Герман — латинскую литературу и древности; Эрих — латинскую и греческую словесность, и приехавший адъюнкт Эвест — химию и анатомию. Был еще какой-то толстый профессор, Бюнеман, который читал нам право естественное, политическое и народное на французском языке; лекции Бюнемана я решительно не помню, хотя и слушал его. Вот в каком смещении факультетов и младенческом составе открылся наш университет. [...]

Из воспоминаний Н. И. МАМАЕВА // *Былое из университетской жизни. Казань, 1904.*

Очень немногие профессора преподавали по печатным руководствам; более — или давали записки своих лекций, которые мы и списывали, возвращая оригиналы; или же просто «говорили». В последнем случае мы записывали со слов, потом — каждый из нас по заведенной очереди, отбирал от других записанные таким образом лекции, из всего составлял одну общую и носил профессору для просмотра. В то время еще не было известно искусство стенографии, и мы, торопясь записывать лекции со слов профессора, тем очень много портили наш почерк. По получении от профессора составленной нами лекции в исправленном виде мы списывали ее в тетрадки и ими уже руководствовались. Из этого можно понять, как мы были обременены перепиской. Студенты, имевшие достаток, нанимали кантонистов для переписки лекций.

О Н. М. Ибрагимове, Обществе любителей русской словесности при Казанском университете, о Г. И. Солнцева // *Былое из университетской жизни. Казань, 1904.*

Помню, раз я был на диспуте магистранта Ратовского. Он защищал диссертацию на тему: «Нет преступления без закона». Весь комплект профессоров университета был в сборе. Диспут начался тотчас же по прибытии попечителя университета Мусина-Пушкина. Начал его бывший деканом факультета Фогель, начал вяло, придираясь к словам, не предъявляя ни одного серьезного возражения. По временам открывали рот и другие профессора Винтер и Камбек: эти мудрецы шептались по-французски, возражения их также были ничтожные. Диспут шел крайне скучно. Но вот в собрании появился господин, в мундире министерства юстиции, с звездой на груди, среднего роста, но могучего сложения; в волосах его светилась проседа, но на приветливо улыбавшемся лице играл румянец, как у юноши. Глаза весело смотрели. Все встало, как лес. Попечитель, ректор университета поспешили к нему навстречу и приветствовали его с уважением. Один отставной профессор, умышленно взглянув на него, в то же время насмешливо кивнул головою соседу на юридических профессоров, которые, изображая на лице искусственную радость, раскланивались с посетителем. Ему предложено было почетное место, рядом с попечителем и ректором университета. Этот гость, принятый ученым собранием с таким вниманием, был прокурор Солнцев.

Когда все усеялись, диспут начался снова. Фогель с заметным смущением продолжал свою речь. Солнцев внимательно вслушивался. Вдруг он обратился к декану.

— Я не согласен с вами, г. профессор, — магистрант прав, — сказал он таким голосом, как будто гром по тучам прокатил, и начал опровергать положения Фогеля. Тот, краснея, попытался защищаться. Солнцев слушал его с нетерпением.

ем. Он походил на льва, готового броситься на свою жертву и растерзать. Дав Фогелю высказаться, Солнцев рядом ловко подобранных доказательств стал снова опровергать его. Могучий голос его раздавался, как труба, речь лилась свободно. Он просто прижал к стене Фогеля. Все с улыбкой переглядывались, слушая интересное ратоборство. Но несчастного профессора выручил попечитель.

— Позвольте вам заметить, — сказал он, — что здесь спор идет у профессора с магистрантом, а не с вами.

Солнцев замолчал. Освобожденный от страшного борца, профессор снова начал диспут с Ратовским, но продолжал уже недолго.

Из воспоминаний И. И. МИХАЙЛОВА // Былое из университетской жизни. Казань, 1904.

Говоря об университете, я молодею, начинаю жить тою же жизнью, когда, полный силы и радужных надежд, я вступал в этот храм науки с светлой верой во все великое и прекрасное. Для меня не было еще разочарования в жизни. Университет мне казался очарованным островом среди моря, на который вступают люди, забывая о прежней жизни. Они как будто отделены океаном и веками от прежнего окружающего их мира. В стенах университета совершалось крещение духом. Здесь проникался человек новыми мировыми идеями, становился гражданином Вселенной.

[...] В семье не узнавали студента, вышедшего из университета. Он казался пришельцем из другого мира, так его понятия противоречили понятиям, укоренившимся в семье. И нередко из бедной мешанкой или чиновничьей семьи, проникнутой затхлыми идеями, выходили государственные люди или ученые с светлым взглядом.

Конечно, были исключения; из числа студентов и в начале основания университета, и в последующее время, были недостойные своего призвания, которые остались по-прежнему дикарями, как будто пребывание в университете не имело на них никакого влияния. Но виновато в этом воспитание и дурные примеры в семействе и в окружающей среде. Впечатления детства отзывались тлетворным образом на молодых людях. Даже некоторые из числа доморожденных профессоров были небезукоризненны в нравственном отношении, не говоря уже о том, что плохо знали свой предмет.

Но как ни несовершенны были иные преподаватели в научном отношении, как ни неподготовленны были студенты к университетскому курсу, университет в целом исполнял свое назначение.

Воспоминания о Д. И. Мейере и др.: Из статей проф. Н. П. ЗАГОСКИНА и В. Н. НАЗАРЬЕВА // Былое из университетской жизни. Казань, 1904.

Юридический факультет Казанского университета представлял из себя в первой половине 1840-х годов нечто положительно невообразимое. Он олицет-

ворялся в небольшой кучке профессоров, с преобладающим немецким элементом, которые служили предметом посмешища для студентов всех факультетов и всех курсов. На лекции профессоров этого факультета студенты других специальностей ходили посмеяться, позабавиться курьезными выходками представителей казанского юридического знания, а студенты юридического факультета, для которых все эти ученые чудачества успели, как говорится, приестся, посещали лекции своих профессоров лишь по обязанности, сладко подремывая на них, занимаясь разговорами, ничего общего с наукою не имеющими, или украдкой почитывая посторонние книжки.

И замечательные же субъекты имелись в составе преподавательского персонала юридического факультета того времени.

Вот, например, профессор римского права Камбек, немец, почти не знавший русского языка, который из года в год начинал свой курс крикливым диктованием: «Рымское право, Р — большое, П — тоже большое, и пунктум. «Запшитэ это сэбэ на боке (то есть на полях)»; диктованием на ломаном русском языке передавал этот профессор и весь свой дальнейший курс. Недурен был и профессор международного права Гельмут Винтер, совершенно не знавший почти русского языка, а потому читавший свои лекции по какой-то ветхой тетрадке по-французски, который скакал в пафосе по аудитории, показывая наглядно картину вступления в 1814 году союзных государей в Париж, или картинно размахивал запачканным табаком носовым платком, демонстрируя слушателям морские сигналы, а не то так изображал ртом, немилосердно надувая щеки, салютационную канонаду. Если принять в соображение дарования и остальных профессоров юридического факультета того времени, читавших свои лекции по разного рода устаревшим учебникам, то можно представить себе ту умственную пищу, какую сулил своим юным питомцам этот пресловутый факультет. Только с половины 40-х годов замечается некоторое освежение юридического факультета, благодаря несколькими молодым и талантливым силам, присланным в Казанский университет; с этой поры юридический факультет из прежнего совершенно хаотического состояния начинает вступать в состояние переходное, которое затянулось для него, впрочем, на очень долгое время, чуть ли не до конца 70-х годов. Особенно освежился юридический факультет Казанского университета в 1845 году назначением в него двух новых профессоров Д. И. Мейера, знаменитого цивилиста, по кафедре гражданского права, и Е. Г. Осокина, по кафедре финансового права. «Возвратившись с вакансии, после перехода во второй курс», говорит В. Н. Назарьев, «мы узнали, что в Казань приехало несколько новых профессоров, бывших воспитанников педагогического института, побывавших за границей для усовершенствования в науках. Один из новых профессоров, Мейер, должен был читать гражданское право, другой, Осокин, теорию финансов.

Никто из нас не подозревал, что с приездом молодых профессоров связан настоящий переворот и пробуждение юридического факультета от продолжительного сна.[...]

ВОРОНОВ М. А. Моя юность: воспоминания о профессорах и студентах // Бывшее из университетской жизни. Казань, 1904.

Где вы теперь, мои друзья? Или и вас, также как меня перевернула жизнь, и замотанные ею вы рано, но прочно очерствели и потеряли и прежние мечты и надежды, и прежнюю веселость, и прежнюю удачу? Вспоминаете ли вы те светлые, юношеские дни, когда были так мимолетны все печали и горести, окружавшие нас, когда долгая задушевная беседа в добром кружке товарищей, а нередко бутылка «влаги пенной» да веселая песня разом отгоняли прочь все черные мысли о нужде, оскорблениях, карьере и других бедах и невзгодах?.. Милые, дорогие друзья. Где же те ожесточенные споры, чуть не до слез, которые мы вели когда-то? Где те надежды, которыми мы когда-то жили изо дня в день, из минуты в минуту? Где они те идеалы, которые мы воздвигали, которым мы чуть не молились когда-то? Где же, где все это?

Что может быть горше слез воспоминания и потери? Как болезненно хватают они за сердце и как тревожат и мучат душу. Но вот вижу — проходит другая фаланга: наши бывшие наставники и руководители. Теперь они уже сошли в могилы и не раздастся больше их голос в аудитории. Не ораторствуешь уже ты, добрый старик¹, что такой-то минерал «на поверхности своей якобы жиром привлечен», а такой-то «имеет цвет пера утки — селезень» нет и тебя, европейский ученый², вместо лекций излагавший на ломаном русском языке перевод какой-то старой латинской зоологии; умер и ты, веселый, серенький старичок, объяснявший все «жизненную силу» и наивно лепетавший о себе: «ми, германский профессор, ми все знаем»³; даже и ты, как кажется, облачился в гробовой саван, краса наших дней, оратор и мудрец, вводивший нас, по собственному твоему выражению, «в храм науки» и советовавший неуклонно следовать за тобой, как за «опытным запевалой».

ИЛЬИНСКИЙ А. И. За полстолетия: 1841—1892. Воспоминания о пережитом. Ч. 1: 1841—1854 // Русская старина. 1894. Т. 81.

Очень грустно было мне впервые покинуть родительский дом, очутиться в незнакомой семье, где я не слышал даже родного языка. Вся семья Блосфельда, он сам и жена его говорили всегда по-немецки, а немецкий язык был вовсе мне незнаком. <...> я считал себя отверженным и брошенным на посмеяние в эту чуждую семью, где никто и никогда не изъявил ко мне ни малейшего сострадания и участия. Кормили плохо: немецкие — кислые, сладкие, молочные, тыквенные, дынные и пивные супы не лезли мне в рот. На жаркое чаще всего давали зайца, <...> которого я не мог взять в рот, потому что прежде никогда не ел его и чув-

¹ П.И. Вагнер.

² Эверсманн.

³ Берви.

ствовал к нему какое-то непонятное отвращение. <...> Я, при виде этого кушанья плакал, но это возбуждало смех всей семьи, и меня начинали передразнивать. Сам профессор заявил мне, что две недели подряд я не получу другого кушанья, как зайца, и он сдержал слово: каждый день передо мною ставили порцию зайца, а сами ели другое кушанье. После обеда и вечером я голодал, принимался за уроки и не имел никакой охоты к занятиям: голод мешал мне учить уроки, и я получал ежедневно дурные отметки. <...>

Гельман. Это был человек строгий, солидный, державший себя всегда прилично. Когда он выходил из терпения, то моментально вспыхивал, лицо его краснело, и он начинал кричать. По-русски знал он порядочно, но имел немецкий акцент. Однако особенной пользы он не приносил потому, что считал русских неспособными к изучению немецкого языка. Он всегда говорил: «Вы, господа, скорее вашими головами разобьете эту печь, нежели изучите немецкий язык... О, вы не знаете, что такое немецкий язык. Кто его знает, тому не нужно учиться ничему!» И мы верили Гельману, что немецкий язык для нас недоступен, и плохо его изучали.

Профессор частной патологии и терапии Линдегрэн. Он почти не знал русского языка, читал свои несовременные, устаревшие, не представлявшие никакого интереса лекции на латинском языке. <...> Притом, Линдегрэн считал, подобно Блосфельду, русских неспособными к изучению высших наук, а следовательно и медицины. Читая нам о воспалении мозга, он говорил, что «болезнь эта редко встречается между русскими учеными, но зато весьма часто между немецкими, у которых мозг более восприимчив и более приспособлен к умственным занятиям». Вообще от лекций Линдегрэна мы не имели никакой пользы, а потому аудитория чаще всего была пуста. Многие предпочитали в это время заняться чем-нибудь более полезным, нежели слушать бестолковую болтовню на мертвом языке.

Но обращаюсь к быту студентов того времени.

Казеннокоштные студенты, имея все готовое и живя в стенах университета, в мое время успевали лучше своекоштных, и это объясняется именно обеспеченностью их быта, что давало им возможность охотнее и прилежнее посещать лекции и пользоваться примером и советом товарищей, живших с ними в одном помещении.

Казенный стол, на который отпускалось в день по 10 коп. на студента, был, благодаря существовавшим в то время умеренным ценам, довольно хороший; но, так как аппетит был у всех отличный, то в обеде съедалось и то, что положено на ужин. К ужину оставался пустой суп или ши и черный хлеб. Однако, наевшись хорошо за обедом, к вечеру многие вовсе не имели позыва на пищу, а потому столовая за ужином была относительно пуста. Платье шилось университетским портным по записке инспектора, а именно каждый год новая сюртучная пара и каждые два года мундир. Обувь доставлял университетский сапожник, и полагалось две пары сапог в год. Платье и обувь отдавались в собственность студента, белье было казенное и выдавалось каждую неделю по одной перемене. Спальни

были прекрасно устроены и помещались в среднем этаже университетского здания. На бумагу, перья и чернила выдавалось по 75 коп. серебр. в месяц, и деньги эти выдавались за каждые четыре месяца, т.е. по-третью (3 руб. серебр. в треть). Так как число казеннокоштных студентов в мое время было до 50 человек, то в день выдачи этих денег, все студенты имели довольно солидную сумму, около 150 р., в своем распоряжении и обыкновенно в вечер того же дня, когда получались деньги, направлялись целой гурьбой в гостиницу «Китай», купца Белозерова, на Воскресенской улице, и тут происходила, обыкновенно в скадчину, хорошая попойка. Эту гостиницу студенты всегда посещали охотно, играли на бильярде, пили чай, закусывали и ужинали. Содержатель гостиницы, чтобы оградить студентов от нашествия начальства, и особенно инспектора Ланге, отделил большую комнату, в которую вела дверь, устроенная в виде большого шкафа. Когда Василий Иванович Ланге являлся в гостиницу, чтобы поймать студентов, его водили по помещению и, дойдя до шкафа, говорили: «здесь шкаф для белья». Он удовлетворялся этим заявлением и уходил, довольный тем, что студентов в гостинице нет, между тем как в заветной комнате нередко пировала веселая компания студентов. Впоследствии, однако, Дементьев узнал этот секрет и донес Ланге. Результатом были бесконечные заключения в карцер «за препровождение времени в трактире».

Своекоштные студенты жили на частных квартирах, занимая, всего чаще, одну комнату, в которой ютились иногда по два и по три человека.

Студенты очень любили посещать театр и, разумеется, ходили в запрещенные места — в раек и галерею. Часто были очень шумные овации артистам, или раздавались свистки: тогда Ланге отправлялся в раек и галерею, ловил нарушителей приказаний его — не ходить в эти места, а равно и нарушителей тишины, — и отправлял их в карцер.

Студенты, как я сказал выше, были хорошо принимаемы в обществе и играли в нем выдающуюся роль. Многие слыли хорошими танцорами и потому были видными дамскими кавалерами. Почти ни один бал или вечер, даже в аристократических домах, не обходился без значительного числа студентов. В маскарадах тоже любили ходить студенты, несмотря на совет инспектора — избегать маскарадов. Но в маскарады обыкновенно являлся инспектор и наблюдал, как он выражался, «за благонаравием студентов». Весьма часто случалось, что студент, замеченный инспектором в чем-нибудь, по его мнению, не соответствующем с званием студента, отправлялся из маскарада прямо в карцер.

Студенты любили посещать и многие другие запрещенные места. В эти места Василий Иванович обыкновенно рассылал своих помощников, вменяя им в обязанность ловить студентов и доносить ему. Но помощники инспектора, как я уже заметил выше, кроме Зоммера, были все весьма хорошие люди, и потому как-то все обходилось благополучно. Зоммер же, преследовавший студентов, однажды поплатился. Однако, он не осмелился вывести это наружу. Вероятно, он боялся за свою собственную персону, чтобы не потерять места, так как потеря места для такого бездарного человека была бы очень не выгодна.

Вообще, нужно заметить, что хотя студенты того времени и любили иногда побаловаться, но это баловство не выходило из границ. Притом, такое баловство случалось, чаще всего, между студентами первого курса, которые как теперь всего чаще случается, вырвавшись на волю, после гимназических стеснений, первое время необузданно пользуются своею относительною свободою. Все это, с течением времени, укладывается в самые скромные рамки. Дух товарищества и дружбы в те времена ценился высоко, и этим объясняются многие неприятные столкновения с начальством, как результаты заступничества за товарищей. Во всяком случае, такое самоотвержение, такое самоотречение должны быть ценимы, как способствующие выработке добрых отношений, характера и воли людей, а поэтому, если гуманность, в полном смысле слова, подоспелет на помощь и удержит разбушевавшиеся молодые порывы, то и дело всегда может кончиться благополучно, а излишняя строгость, ожесточая молодые натуры, наносит им нередко непоправимый вред и вырывает из среды студенческой корпорации такие личности, которые впоследствии могли бы оказаться хорошими деятелями, достойными тружениками, верными и преданными слугами отечества и престола. В мои времена в университете жил дух любви, мира и согласия между товарищами, все любили правду, все хотели служить отечеству и престолу. Дух этот никогда не умрет в стенах университетов.

ЯНИШЕВСКИЙ Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893.

[...] За исключением математического разряда, в котором все профессора были русские, во всех других факультетах было много профессоров немцев: Винтер, Фатер, Фогель, Камбек, Берви, Блосфельд и т.д. В то время все это были уже не молодые люди, несмотря на давнюю службу в университете, все весьма плохо говорили по-русски и многие отличались замечательным чудачеством. Но, кажется, в этом отношении всех превосходил Винтер, читавший в юридическом факультете европейское государственное право. Винтер русского языка совсем не знал, кроме нескольких фраз, затверженных им, как, например, фраза, которою он считал нужным в начале лекций, знакомить слушателей с своею личностью: — Я штатский советник Гельман фон-Винтер, — одна штепень до генераль! причем поднимал вверх указательный палец правой руки. Лекции Винтер читал на французском языке, за исключением одной начальной фразы, которую говорил по-русски: европейский государственный право — важные материи! Хотя большая половина студентов не понимала по-французски, но лекции Винтера усердно посещались, как в виду разных проказ, которые там творились, так и потому, что физиономии студентов Винтер хорошо замечал, хотя и не знал их фамилий, и на экзамене тотчас бы обратил внимание, если бы явился студент, которого он редко, или вовсе не видал в аудитории, и могло бы быть очень худо, так как его предмет был главным, а он притом же был деканом юридического факультета.

В. Турин
Монастырь Казанской Божией Матери

В. Турин
Казанский Гостиный двор

Я часто встречал Винтера в коридоре, когда он проходил в профессорскую залу. Длинная, несколько согнутая фигура Винтера, с всклокоченными волосами, с растопыренными руками и полуоткрытым ртом, очень была смешна, особенно когда он раскланивался со стоявшими по обе стороны коридора студентами, причем Винтер очень низко наклонялся то в ту, то в другую сторону, вместе с множеством брелоков, висевших на часовой его цепочке, в ответ на поклоны, также весьма низкие, студентов, забавлявшихся этой процессией, подготовляемой заранее, ибо едва Винтер появлялся в прихожей, множество студентов бросались в коридор и расставались по обе его стороны рядами.

В аудиторию Винтер всегда приносил две тетради, в которых были написаны его лекции на французском языке; одна из них, написанная весьма тщательно, на хорошей бумаге, называлась *cahier normal*, ее Винтер клал бережно на окно аудитории, разостлавши на нем предварительно свой носовой платок. Эта *cahier normal* предназначалась, по словам Винтера, для предьявления попечителю если бы ему вздумалось войти в аудиторию. Тетрадка эта составляла нечто священное, до нее Винтер не позволял студентам дотрагиваться ни под каким предлогом. По другой тетрадке Винтер читал лекции. Студенты иногда школьничали над Винтером по поводу его *cahier normal*. Надо сказать, что у Винтера была давнишняя непримиримая вражда с профессором греческого языка, Фатером; из-за чего эта вражда происходила, неизвестно, но Винтер был убежден, что профессор Фатер может сделать ему всякую гадость, может даже подговорить к тому своих слушателей, студентов филологов; напр., может подговорить их украсть у него его *cahier normal*, т.е. сделать такую обиду, выше которой для Винтера ничего не могло быть. Зная эту слабость Винтера, студенты устроили с ним однажды во время лекции такую потеху: в то время когда Винтер углубился в чтение, один из студентов тихонько встал с парты и сделал вид, что подкрадывается к окну, на котором лежала *cahier normal*; Винтер, конечно, заметил это, соскочил с кафедры и бросился к студенту, только этого и нужно было: студент, который подкрадывался к тетрадке, опрометью бросился из аудитории, прочие все закричали — это не наш, это студент профессора Фатера! Винтер, не имея возможности поймать студента, убежал из аудитории, отыскал Фатера и сделал ему сцену, тем более смешную, что тот, не зная, что случилось, сначала никак не мог взять в толк в чем дело, и ругань между ними произошла беспощадная.

Враждой между Винтером и Фатером чаще всего пользовались студенты во время полугодичных репетиций у Винтера, на которые, ради потехи, ходили студенты и других факультетов. Репетиции эти производились в аудитории таким образом: Винтер, имея в руках книжечку со списком студентов, тычет пальцем в кого-нибудь из студентов, сидящих на партах, и говорит — ви! значалу. — Студент начинает говорить по-русски, притом такую чепуху, какую трудно вообразить; иные нарочно приготавливали на этот случай какой-нибудь смешной или сальный анекдот, или какую-нибудь сказку. Винтер, ничего не понимая по-русски, не столько слушает студента, сколько смотрит на его товарищей — не засмеются ли они? Если студенты выдержат и не засмеются, Винтер, через какие-нибудь четыре-пять минут, останавливает студента и подносит к кому-нибудь список студентов, с вопросом —

котори? Ему указывают на какую-нибудь фамилию и он против него ставит 5 или 4, смотря по тому записался ли отвечавший или нет. Если же товарищи не выдержат и засмеются, то Винтер тотчас останавливает отвечающего и, намереваясь поставить ему единицу, спрашивает — котори? Но тут оказывается, по уверению студентов, что в списке юристов этого студента нет, что это студент профессора Фатера; тогда Винтер немедленно выгоняет его из аудитории. Таким образом идет репетиция до тех пор, когда у всех юристов подлежащего курса получатся отметки, а все студенты профессора Фатера будут выгнаны. После репетиции Винтер непременно устроит Фатеру сцену. [...]

Мои товарищи по курсу, да, можно сказать, и все студенты того времени политикой вовсе не занимались, газет не читали, да их и негде было взять, публичных или частных библиотек для чтения тогда и в заводе не было, читальных комнат, не только у студентов, но и у профессоров тоже не было; журналы и газеты, которые получал университет, поступали прямо в университетскую библиотеку, где ими и пользовались профессора, студенты же ходили в библиотеку только для получения источников к диссертациям, но это было только уже в последнем курсе. Беллетристические журналы большинству студентов тоже не были доступны; из университетской библиотеки студентам нечего было и думать их получить, даже и за старые годы; поэтому журналы эти попадали в руки студентов изредка только от городских знакомых. Однако же все выдающееся в литературе студенты всячески доставали и с жадностью читали, а тогда было что почитать — писали Гоголь, Лермонтов, Солмогузов и др. Была в ходу между студентами и письменная литература, ее составляли преимущественно непропущенные тогдашнюю цензурой произведения Лермонтова, Рылеева и др., также разные стишки, песенки, сочиненные самими студентами и воспевавшие инспектора или его помощников в юмористическом духе; у некоторых студентов любителей, впрочем весьма немногих, можно было также найти и порнографические сочинения Баркова и Полежаева.

Корпорации студенческой, в тесном смысле слова, тогда не было, но товарищество между студентами существовало тесное; связывал всех мундир и общая всем alma mater, которая налагала на каждого студента известные обязанности, установившиеся обычаем. Не считалось для студента позорным, в товарищеской компании сильно кутнуть где-нибудь; разнести веселый дом на Песках или в Мокрой, где кто-нибудь из студентов был чем-нибудь обижен и пр. Если бы при этом кто-нибудь из кутившей компании обратился к любому студенту, хотя и к незнакомому, с просьбой о помощи, то можно с уверенностью сказать, что в этой помощи никогда не было бы отказано, достаточно было сказать — наших обижают. — Но вместе с тем студенты никогда не потерпели бы в своем товарище поступка подлого, низкого, да об них не было и слышно. А должен сказать еще, что во все время моего студенчества я не знаю вообще ни одной крупной студенческой истории ни с полицией, ни с университетским начальством; в мое время о тех легендарных кутилах студентах, какие бывали в Пушкинский (попечителя М.Н. Мусина-Пушкина. — А. Г.) период, остались только воспоминания в рассказах и песнях вроде такой напр.

Под вечер осенью ненастной,
Никольский в заведение шел,
А Ванька Голубев несчастный,
Качаясь, Рыбушкина вел и т.д.

ГАЦИСКИЙ А. С. Воспоминания об А.. М. Бутлерове, С. В. Ешевском и др. профессорах 1850-х годов // Былое из университетской жизни. Казань, 1904.

Посещал я также лекции профессоров и не своего факультета: на некоторые ходил вследствие возбуждаемого ими во мне интереса (напр. к В. И. Григоровичу), на другие — ради курьеза. Так, помню вступительную лекцию по римскому праву. Кривой профессор опрометью взбежал на кафедру, развернул массу засаленных тетрадок и быстро, быстро — с беспрестанными, однако, запинками, начал читать:

— «Рымское Право. Р — большое, П — большое, пунктум... Это запшыте сэбз на боке»!

Или далее:

— «Рымляне ымэли своего архиеррзя, краго (профессор читал сокращенно — краго, а не которого, как для него переписаны были лекции) называли: верховный жэрэбз»...

Профессор уголовного права, тоже немец (и, говорили, очень ученый — по-немецки), доказывал преимущество суда присяжных следующим образом:

— «Когда-то, одна молодая дэвушка била обвинэма в ужаснэйшем прресптуплэнии, самым сквернэйшим образом учинэнного... Когда-то, где-то нашли какую-то кашу чэловческих костей и ммяса... И ссуд приссэзных опрафтал ее».

В год моего поступления в университет, перешел из Казанского университета в Дерптский П. Д. Боборыкин и прислал нам из Дерпта обширное письмо листах на десяти, адресованное всем студентам Казанского университета. В нем он громил казанщину, проводив параллель между нею и Дерптом. Письмо, помнится, написано было мастерски, но мы обиделись им, хотели ответить, но не ответили, видано, потому, что нечего было отвечать, а обиделись потому, что правда глаза колола: не щадили профессора, за исключением, конечно, тех, о которых ничего нельзя было сказать дурного, но не щадили и студенты с их бездельничанием и повальными кутежами.

Моя уединенная жизнь продолжалась только в течение первого полугодия, со второго я сошелся со многими товарищами и вошел во вкус тогдашнего студенческого быта, преимущественно выражавшегося, за отсутствием других интересов, в дружных попойках, в ночных прогулках по улицам с громкими песнями. Справедливость, однако, требует сказать, что тому кружку, в котором я вертелся, не были чужды, если не научные, то литературные интересы (для меня лично «развеселое» студенческое житье умерялось еще тем, что я писал разные студенческие сценки, стихи на случай и, кроме того, довольно аккуратно вел свой дневник, сохранившийся и до сих пор в виде объемистой тетради листов в 50, на основании которого когда-

нибудь расскажу студенческое житье 50-х годов поподробнее). Мы сходились нередко и для литературных чтений, на которых читали и спорили о прочитанном, в антрактах пели хором (пели мы, правду сказать, очень хорошо: раз на бульваре, хором человек в 30, мы восхитили С. В. Пахмана, другой раз, на горах, в Адмиралтейской слободе, во время масленицы, до такой степени увлекли А. М. Бутлерова, что он бросил свои салазки, до которых был страстный охотник, и, присоединившись к нам, усердно подпевал нам). Происходили у нас иногда и научные беседы, но преимущественно курьезного характера. Так, живо помню одну из них. Мы уговорились беседовать на тему. Темой была избрана следующая: «о необходимости существования в государстве среднего сословия». Беседа шла очень оживленно, держась преимущественно на остротах и неожиданных сближениях и заключениях, и разрослась, отклонившись далеко в сторону от заданной темы, до того, что кстати пришлось замечание Марковникова (В. В. Марковников теперь ординарным профессором химии в московском университете), что, по Либиху, рюмка водки, выпитая перед обедом, нисколько не возбуждает аппетита. Заговорив о рюмке водки, естественно было сделать посылку на закуску: кто-то из нас сбегал за штофом водки и копченой колбасой, и мы стали верить теорию Либиха.

Иногда устраивали мы и домашние спектакли, с публикой, состоящей из 5-10 товарищей, швеек-соседей, знакомых извозчиков или дворника соседнего со «скитом», в котором мы случались, дома. Давались не полные пьесы, а отдельные сцены из них. Раз только задумали мы поставить «Свадьбу Кречинского» целиком и притом довольно торжественно: некоторые из товарищей привели своих знакомых. Но дело кончилось скандалом: Верочка (камералист Д.) и Кречинский сильно трусили и для храбрости «хватили», но не соблюли меры; нетрусливый суфлер вистовал им соп атоте и орал так, что актеров почти не слышно было. Верочка стала обнаруживать чересчур мужские манеры, а Кречинский, запасшийся храбростью всех усерднее, стал вставлять в роде совершенно непечатные выражения... Посторонняя публика разбежалась, и спектакль, не кончившись, завершился отчаянной попойкой.

Конец пятидесятых годов был для студентов казанского университета эпохой переходной от старых порядков к новым, от кутежей и карцера к «политическим» волнениям с сходбищами на открытом воздухе, у крепостной стены, на бульваре. Началось с так называемой «истории Л.». Зимой 1856—1857 года появились в Казани из Петербурга два офицера Л. и О., которые где-то погрозили надрать студентам уши. За это они были жестоко избиты студентами. Нам было объявлено, что попечитель желает с нами говорить. В актовый зал собраны были все студенты. Вошел попечитель и стал пенять на неблагоприятность такого поступка (виновные были неизвестны). Сначала все шло хорошо: попечитель пенял, мы слушали. Но кто-то начал смеяться, кого-то насморк одолел, кого-то дернуло свистнуть, и вдруг вся масса засвистала, как один человек. Добряк-попечитель сконфузился, чуть не заплакал, и не докончив своей речи, удалился.

Более он к нам не появлялся, подавши в отставку.

Это первое волнение прошло студентам даром и повело к другой, такой же шумной демонстрации, которая, однако, была не случайностью, зависевшей от

того, что кто-то свистнул и увлек за собою остальную массу, а мерую, обдуманную заранее, имевшей все признаки заговора с предварительными тайными сходками, с выбором коноводов и т.д. Нам всем был крайне ненавистен инспектор студентов Л. Решено было устроить ему самый формальный скандал и заставить его, таким образом, оставить университет. В начале февраля 1857 года собралось самовольно в актовый зал человек 300 студентов. Большая часть не знала вовсе цели собрания, а шла потому, что говорили просто, что нужно собраться, что-то будет. Потребован был Л., вместо него, вышел к нам ректор О. М. Ковалевский. Трое депутатов выразили ему единодушное желание студентов об удалении Л. из университета. Ректор пользовался большим уважением студентов. Он вступил с депутатами в спокойную беседу, но едва она началась — показался в дверях зала инспектор. Мгновенно раздался оглушительный крик: «долой Л., вон его!» К вечеру Л. подал в отставку и исправление должности инспектора было поручено профессору С.В. Пахману. Студенты торжествовали. Так как Л. обращал более всего внимания на соблюдение формы, и, бывало, увидав студента на улице, хотя бы с одной расстегнутой на виц-мундире пуговицей, отправлял его прямо в карцер, то торжество наше, на первых порах, стало выражаться именно в несоблюдении формы: некоторые дошли до того, что добыли какие-то звериные шкуры и ходили в них по улицам, вооруженные дубинами. Я написал какое-то «возмутительное» стихотворение, а несколько товарищей, переписавши его экземплярах в 20, ночью наклеили его на фонарные столбы. В кандидатских (так назывались комнаты, в которых жили в университете казенные студенты, оканчивавшие курс) узнали, что автор стихотворения я, и решили меня побить, найдя, что так как дело уже сделано, неразумно подливать к нему масла; я отделался тем, что один из распространителей стихотворения сознался в этом и удостоверял, что я ничего не знал о наклейке на столбах. Меня помиловали, да кстати помиловали и сознавшегося распространителя.

КОРСАКОВ Д. Былое из казанской жизни 1856—1860 годов. Воспоминания о прошлом // Литературный сборник. Издание «Волжского вестника». Казань, 1898.

До половины 50-х годов большинство казанского студенчества отличалось кутежами, буйством и выходками школьного «молодечества», нередко весьма грубыми. Эта «героическая» пора студенческого разгула создала целый цикл стихотворных произведений, сочиненных студентами, ими же положенных на голоса и распевавшихся даже в начале 60-х годов, когда я уже был студентом, и некоторые из них отличались несомненными поэтическими достоинствами. Вот, например, отрывки из одной такой песни, «думы студента-повесы», припоминавшего свое былое.

Стою один я пред избушкой,
Кругом все тихо и темно.
Но с этой бедною лачужкой
Как много дум сопряжено!

Закрты окна... чуть трепешет
 Огонь сквозь шели по ставням,
 То он погаснет, то заблещет
 Передо мною здесь и там!
 И слышу разговор невнятный,
 Смешенье пьяных голосов,
 Стаканов звон, смех мне приятный,
 И много непристойных слов...
 .....
 Повязка спала с грешных глаз
 И я студент, студент повеса
 Былое вспомнил в этот раз!..

Пели студенты и другие песни, очевидно занесенные в Казань заезжими немцами профессорами с их родины, из германских университетов, песни, распевавшиеся на студенческих коммершах Гейдельберга, Мюнхена и Берлина. Такова, например, известная немецкая песня:

*Sassa, geschmauset,
 Lasst uns nicht rappelköpfisch sein,
 Der nicht mit sauset —
 Der bleibt allein.*

С латинским припевом:

*Edite, bibite, collegiales,
 Post multa secula pocula nulla! и т.д.*

Песни такого рода переводились на русский язык и переделывались на русские нравы. Одна из них особенно любопытна в том отношении, что продолжение ее, чисто местное, представляет шуточные характеристики казанских профессоров 50-х годов. Начало песни — иноземное:

*Знаете ль причину,
 Почему Ричард
 Ездил в Палестину
 Турок воевать?
 Я скажу причину —
 Это потому,
 Чтобы на полтину
 Выпить одному.*

После такого вступления идет уже сатирическое воспевание инспектора студентов Вас. Ив. Ланге, занимавшего эту должность в казанском университете в 50-х годах.

*Инспектору Ланге
 Делает то честь,
 Что он ходит к Станге
 Смотреть кто там есть.*

В то время известный ресторан в Казани содержался немцем Ив. Богд. Станге; ресторан этот охотно посещался студентами, а Ланге, заботясь о нравственности учащегося юношества, тщательно наблюдал за его посещениями.

Казанские профессора следуют за инспектором. Воспевались они в следующих виршах.

Мишенька Славянский
 Ходит петушком
 Из породы шпанской
 С красным гребешком.*

Дальнейшие куплеты посвящены очень почтенным представителям науки нашего университета; в них задеты: известный математик А. Феод. Попов; другой Попов, Александр Васильевич, профессор монгольского языка; профессор финансового права Евгр. Григ. Осокин, ботаник Корнух-Троцкий, профессор римского права Фогель, хирург Андр. Ник. Бекетов, профессор русской истории Н.А. Иванов и еще некоторые.

КОРСАКОВ Д. А. Былое из жизни Казанского университета 1856—1860 гг.
 // Былое из университетской жизни. Казань, 1904.

Университеты русские, наравне со всем обществом, оживились с 1855 года. Уничтожение стеснительных правил, введенных в университеты после европейских событий 1848 года, начиная с отмены студенческих «штатов» и с возобновления многих кафедр, — являлись преддверием еще больших ослаблений прежних университетских порядков, ослаблений быстро следовавших одно за другим, начиная с 1856 года. Университетское преподавание все более и более отступало от тех казенных, сухих программ, которые господствовали в царствование императора Николая I. Суровая внешняя дисциплина на военный лад, тяжелым гнетом лежавшая на студентах, стала понемногу смягчаться, и университетская учащаяся молодежь, охваченная свойственным юношеству порывом ко всему новому и свободному, весьма естественно поддалась прежде всего умственному оживлению того времени и стала стремительно обнаруживать свои долго дремавшие умственные и нравственные силы. Это движение среди студентов сначала, разумеется, проявилось в тогдашних центрах русской умственной жизни, в двух столицах — Петербурге и Москве, а к нам в Казань передавалось только отраженным светом, несколько запаздывая и преломляясь через призму местных этнографических и общественных элементов Поволжья, Приуралья и Сибири; а эти элементы не представляли из себя особенно сильных культурных наслоений, что являлось непреложным результатом истории нашего края: русские восточные окраины заключали в себе очень много инородческих племен, а потому и не могли отличаться мягкостью нравов даже в XIX веке. [...]

* Профессор всеобщей истории М.И. Славянский.

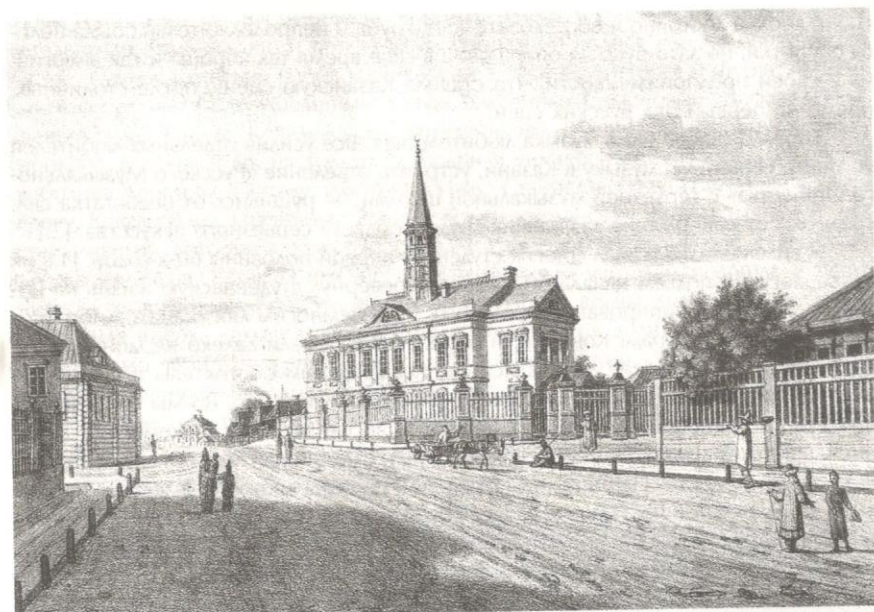

Профессоров в Казанском университете в 50-х годах было гораздо меньше чем теперь, потому что и студентов было почти вдвое меньше, и специализация знаний, особенно на медицинском факультете, далеко не была так развита, как в наши дни. В настоящее время покажется, например, даже невероятным, что один профессор, а именно упомянутый выше В. Ф. Берви, занимал две кафедры, из которых одна заключала в себе сравнительную анатомию и физиологию человека, а другая — общую патологию; П. И. Вагнер, будучи доктором медицины, являлся ординарным профессором по кафедре минералогии и геогнозии (под последней разумелись геология вместе с палеонтологией) и вместе с тем читал студентам естественного разряда сравнительную анатомию и физиологию животных; химия не подразделялась на ее теперешние разветвления и преподавалась одним профессором — правда знаменитым представителем этой науки — А. М. Бутлеровым. Гордость и слава казанского университета — факультет восточных языков, в исходе 1854 года был переведен в Петербург и с ним оставили свой родной университет лучшие наши профессора ориенталисты. Этим отторжением восточного факультета Казанский университет был очень обессилен в научном отношении[...].

СМОЛЕНСКИЙ Ст. [В.] Из воспоминаний о Казани и Казанском университете в 60-х и 70-х годах // Былое из университетской жизни. Казань, 1904.

Но довольно и этих примеров. Стоит однако упомянуть о дружном немецком кружке, крепко державшем Казань в своих руках. Тут были всякие люди от профессора, аптекаря и булочника до слесаря, колбасника и повивальной бабки. Летом эта колония, упрямо неговорившая по-русски, объединялась в загородной «Немецкой Швейцарии», распевая знаменитую «Was ist das Deutchen Vaterland» и другие возбуждающие песни из всяких «Rutli» и «Liederkrantz» ев. Немцы завели в Казани свое отличное пиво, с помощью известного Петцольда, и круговую помощь во всем; они усердно и исправно работали, нажились и держали себя замкнуто и независимо... Понятно, что и между ними были типичные фигурки, особо выдававшиеся из среды казанцев. И они служили темами для уморительных анекдотов, чаще всего на почве самоуверенности, невозможного ломания русского языка и мелкой вражды между своими распетушившимися Mitglieder`ами.

Но стоит упомянуть об эстетической стороне тогдашней Казани. Насколько помнится, театр в Казани был всегда очень хорош, очень любим. Но музыка, особенно же серьезная, на моих глазах шла постоянно на убыль. В Казанском театре как-то сам собою устроился приготовительный класс для всех драматических артистов, ставших потом русскими знаменитостями. От влияния ли университета, или большого круга любителей-лицедеев, дававших «благородные»(!) спектакли, в казанском театре можно было получать много «высоких наслаждений». Новая волна из произведений Островского, Дьяченко и массы появившихся исторических хроник, переводов и всякого пошиба обличений, трактовалась на Казанской

В. Турин
Главная татарская мечеть в Казани

В. Турин
Успенский Зилантов монастырь

сцене вполне достойно и последовательно. Груба и непродолжительна была полоса оперетки, но зато русская опера была в свое время так хороша и так энергична в своей предприимчивости, что ставила Казанскую сцену, после столичных, прямо на первый ряд русских сцен.

Гораздо слабее была музыка любительская. Все усилия отдельных любителей устроить серьезную музыку в Казани, устроить отделение «Русского Музыкального Общества» с серьезной музыкальной школой, — рушились от недостатка сил, средств и от равнодушия казанцев к труду в области серьезного искусства. [...]

Я видел близко и знал многих студентов первой половины 60-х годов. И в их среде могучий подъем начала 60-х годов перевернул студенческую жизнь на новый лад, оставив копирование прошлого либо немногим могоканам, либо особенно буйным натурам. Конечно, и между нами бывали далеко не монахи. И в нашем кружке иногда не допевались «по независящим обстоятельствам» последние куплеты «gaudeamus»; «младая кровь играла» и в нас, но мы не задевали ничего достоинства, ничего спокойствия и веселились без знакомства с полицией. Поэтому, думаю, не у одного меня скуден отдел пикантных описаний отдавания дани молодости. Наши головы были заняты серьезно, хотя вместе с тем мы жили далеко не скучно. Наши «сезоны», особенно на «блинах», отдельных у филологов, или математиков и др., паче же того «проводы» после «20 мая», были очень оживленны, пожалуй, даже давали повод к рассказам... Бывало, что и катавшиеся на Кабанах казанцы иной раз узнавали, что математики «сдали астрономию у Ковальского», а медики «анатомию у Лесгафта», а иные «сдали Булича, или Кремлева» (т.е. литературу или грозное *Jus Romanum*)... Но в этом веселье был отдых после труда, была радость удачи, было наквитывание отдыха после долгого напряжения головы и долгого сиденья. Это веселье и до сих пор вспоминается весело и чисто. И в «Чертговом углу», Бутырках, на Волге, в Свияжске наше веселье было широко, дружно, нараспашку, полно всяких споров... Наши «проведемте, друзья, эту ночь веселей» были очень забористы... Наши «советы нечестивых», как и незабвенные «мертвецкие» были полны самого высокого благородства.

[...] Успели поредеть наши ряды либо невольным уклонением от непосильных уже бурь житейского моря, либо простым переходом туда, где нет ни печали, ни воздыхания. Но равнодушных инвалидов между нами еще нет. И теперь, в дружеской товарищеской беседе старых казанских студентов неизменно и упрямо звучат те же нотки в речах, какие когда-то, на Поповой горе, или на Горшечной, были только помолоче и самоувереннее. Тон и темп этой музыки остался тот же самый, только нюансы ее стали еще полнее широкою терпимостью и еще радостнее в приветях правде и прогрессу. Не сидим мы и без посильной работы. Этою неугасающей радостью в труде мы, уже довольно помятые жизнью, обязаны именно университету 60-х годов. Одинок стоял этот дорогой нам университет в первые годы своей жизни. Как всегда и всюду, независимая наука не могла не подчиниться влияниям места и времени и в дальней Казани. Старые годы живо описаны достойным питомцем университета Н. Н. Буличем. Известно, как тяжело была выстрадана глубокая рана от Магницкого, надолго обесценившая свет Казанского ученья. Понадобилось много лет, чтобы понемногу стали невозможны

копии Городчанинова, наследственно вырождавшиеся, в русских и в немцах, включительно до Камбека. Но и при этой своеобразной полосе все же оберегается чистое и умное служение науке, начиная еще с Френа, Литтрова и Фукса, продолжаясь сиротливо было ушедшими в свои раковинки Симоновым, Лобачевским. Свежие силы Зинина, Ковалевского, Котельникова, Елачича, Казембека, Корнух-Троцкого, Мейера и др. настолько подбодрили университет, что в нем зажило свободнее Аристову, Попову, Дмитриевскому, Станиславскому, Григоровичу, Бутилерову, Ковальскому, Ешевскому, Буличу, Ковалевскому-сыну, Виноградову, т.е. той «стае славных», которые в свою очередь дали Университету целый ряд — его славных же учеников. К таким именно старым и новым учителям подошла и наша университетская пора. Если это еще не был гребень волны, то во всяком случае волна была высока сама по себе и умные пловцы этой волны учили нас, в 60-х годах, твердо верить в правду и силу любимой ими науки. Эту веру восприняли мы благоговейно и благодарно. Силою этою веры мы напутствуем следующие поколения, чувствуя тем и храм этой веры — родной, вековой Казанский Университет.

В. Турин
Казанская гимназия

Список литературы о жизни и деятельности немецких профессоров в Казани

ЛИТЕРАТУРА ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета: 1804–1904 / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1, 2.

Загоскин Н. П. История Имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань, 1902–1906. Т. 1–4.

Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета: 1805–1819. СПб., 1904. Ч. 1, 2.

Аристов В. В., Ермолаева Н. В. История Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского: 1804–1850. Казань, 1985.

История Казанского университета первой половины XIX в. // Описание рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Казань, 1968. Вып. XV.

Россияне и немцы на Волге: два века в одной лодке. // Казань, 1996. № 9–12.

ПЕРСОНАЛИИ:

БАРТЕЛЬС М. Ф.

Боголюбов А. Н. Математики. Механики: Биографический справочник. Киев, 1983. С. 33

Бородин А. И., Бугай А. С. Выдающиеся математики: Биографический словарь-справочник. Киев, 1987. С. 37.

Васильев А. В. Николай Иванович Лобачевский: 1792–1856. М., 1992. С. 17–20, 27.

Депман И. Я. М. Х. Бартельс — учитель Н.И. Лобачевского // Историко-математические исследования. М.–Л., 1950. Вып. 3. С. 475–485.

Корытников С. Н. М. Х. Бартельс — преподаватель астрономии в Казанском университете // Изв. Астрономич. обсерватории им. В.П. Энгельгардта при Казанском университете. 1960. № 32. С. 11–19.

Лаптев Б. Л. Бартельс и формирование геометрических идей Лобачевского // Памяти Лобачевского посвящается. Казань, 1992. С. 35–40.

Лумисте Ю. Г. Бартельс-исследователь и его достижения по аналитическим методам геометрии // Памяти Лобачевского посвящается. Казань, 1992. С. 41–60.

Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / Под ред. Л.Б. Модзалевского. М.–Л. 1948. С. 698.

Ряго Г. Из жизни и деятельности четырех замечательных математиков Тартуского университета // Ученые записки Тартуского ун-та. Тарту, 1955. Вып. 37. С. 74–103.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб, 1873. Т. 3, отд. 1. С. 284.

БРАУН И. О.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.–Л., 1948. С. 702–703.

Казанские известия. 1819. 15 февр. (N 14).

БРЕЙТЕНБАХ Ф. Л.

Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб, 1900. Т. 1. С. 344.

Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / Под ред. Л.Б. Модзалевского. М.; Л., 1948. С. 703.

БРОННЕР К. И.

Васильев А. [В.] Броннер и Лобачевский: Два эпизода из жизни первых профессоров Казанского университета. Казань, 1893.

Васильев А. В. Николай Иванович Лобачевский: 1792–1856. М., 1992. С. 20–23, 27–29.

Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1. С. 350.

Деятельность профессора К. И. Броннера и магистра А. В. Кайсарова // Верхунов В.М. История физики в Казанском университете. Казань, 1963. С. 58–71.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.–Л., 1948. С. 703–704.

Нагуевский Д. Профессор Франц Ксаверий Броннер. Его дневник и переписка: 1758–1850. Казань, 1902. 504 с.

Русский энциклопедический словарь / Изд. И. Н. Березиным. СПб., 1874. Т. 4, отд. 1. С. 325–326.

Энциклопедический лексикон. СПб., 1836. С. 144–145.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб., 1891. Т. 4, полумом 8. С. 721–722.

ВИНТЕР Г. Б.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.–Л., 1948. С. 713.

ГЕРМАН М. И.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.–Л., 1948. С. 719.

Селезнев И. Исторический очерк бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. IX, 201, 524.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 8а, полутом 16. С. 532-533.

ГОТВАЛЬД И. Ф.

Аристов В. В., Ермолаева Н. В. До конца дней своих... / Аристов В., Ермолаева Н. Все началось с путеводителя...: Поиски литературные и исторические. Казань, 1975. С. 142-150.

Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 74.

Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., [1913]. Т. 14. Стб. 573.

Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1. Имп. Публичная библиотека: 1795-1917. С. 168-172.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 9, полутом 17. С. 427.

КНОРР Э. А.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. ун-та св. Владимира: 1834-1884. Киев, 1884. С. 262-264.

Васильев А. В. Николай Иванович Лобачевский: 1792-1856. М., 1992. С. 91.

Верхунов В. М. Развитие физики в Казанском университете в XIX в.: 1804-1898 гг. // История и методология естественных наук. Вып. 1. Физика. М., 1960. С. 147-186.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.-Л., 1948. С. 741-742.

КРАУЗЕ И. Ф.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.-Л., 1948. С. 746.

ЛИТТРОВ И. А.

Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1958. Т. 1. С. 524.

Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1973. Т. 14. С. 564.

Васильев А. В. Николай Иванович Лобачевский: 1792-1856. М., 1992. С. 20, 27-29.

Депман И. Я. И. А. Литтров — учитель Н. И. Лобачевского // Историко-математические исследования. М., 1956. Вып. 9. С. 111-122.

Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г. Астрономы: Биографический справочник. Киев, 1986. С. 195-196.

Корытников С. Н. И. А. Литтров — преподаватель астрономии в Казанском университете // Труды Казанской городской астрономической обсерватории. XLI. Казань, 1976. С. 111-125.

Лаврова Н. Б. Библиография русской астрономической литературы: 1800-1900. М., 1968. С. 366.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.-Л., 1948. С. 752-753.

НЕЙМАН И. Е.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского, будущего Дерптского университета за сто лет его существования: 1802-1902 / Под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев, 1902. Т. 1. С. 582-586, 621.

Русский биографический словарь. СПб., 1914. Нааке-Накенский-Николай Николаевич Старший. [Т. 11]. С. 199-200.

РЕНАРД И. Х.

Владимиров В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Ч. 2, отд. 2. Казань, 1868. С. 31.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.-Л., 1948. С. 788.

Русский биографический словарь. СПб., 1913. Рейтерн-Рольцберг. [Т. 16]. С. 52-53.

Chr.-Q. Kayser. Vollständiges Bücher-Lexicon... Leipzig, 1834-1835. Bd. IV, V. Roggendorf. Biographisch — Litterarisches Wörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften. Leipzig, 1863. Bd. 2.

СТОРАЬ М. А.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.-Л., 1948. С. 798.

Нагуевский Д. Профессор Франц Броннер, его дневник и переписка: 1758-1850. Казань, 1902. С. CXXXI; 289, 295, 377, 398, 399, 406.

ТОМАС И. Г.

Знаменитые люди о Казани и Казанском крае. Сост. А. В. Гарзавина, И. А. Новицкая. Казань, 1999. С. 93-98.

Нагуевский Д. Профессор Франц Броннер, его дневник и переписка: 1758-1850. Казань, 1902. С. XXX, LXVIII, CXLVIII, CXLIX, CL; 15, 182, 222, 223, 230, 231, 247, 298, 322, 355, 377, 390.

ФАТЕР Ф. И.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.-Л., 1948. С. 804-805.

ФИНКЕ И.А.

Нагуевский Д. Профессор Франц Броннер, его дневник и переписка: 1758–1850. Казань, 1902. С. СХХV, СХLVIII, CLXXX, СХС, СХСIX, ССХVII, ССХIV, ССLXI, ССLXXVI; 11, 59, 202, 246, 248, 254, 376–378, 401, 408, 411, 460, 462.

ФОЙТ К.А.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.–Л., 1948. С. 806–807.

Нагуевский Д. Профессор Франц Броннер, его дневник и переписка: 1758–1850. Казань, 1902. С. LXVIII, CI, ССХV–ССХVII, ССLX; 196, 199, 202, 204.

ФРЕН Х. Д.

Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / Под ред. А. Н. Кононова. М., 1989. С. 237–239.

Дорн Б. Академик Френ и его ученая деятельность // Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1855. Т. 3, вып. 3. С. 434–454.

То же на нем. яз. В. Dorn. Ch. M. Fraehnu Opusculorum postumorum, pars 1, Petropoli, 1855. С. 407–451.

Куликова А. М. Переписка Х. Д. Френа как источник по истории востоковедения // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 1986. Ч. 1. С. 98–102.

Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. Казань, 1972. С. 21–35.

Савельев П. [С.] О жизни и трудах Френа // Труды Восточного отд. Императорского Русского археологического общества. СПб., 1856. Т. 2. С. 64–67.

Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1. Императорская публичная библиотека: 1795–1917. С. 547–552.

ФУКС К. Ф.

Гарзавина А. В. «В Казань, профессору К.Ф. Фуку...» Казань, 1987. 240 с.

Ермолаев И. П., Шамонов Г. Ф. Изучение отечественной истории в Казанском университете. Очерк 1. Первая половина XIX в. // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Казань, 1969. Вып. 2–3. С. 15–43.

Знаменитые люди из Казанского края / Сост. А. В. Гарзавина, А. И. Новицкий. Казань, 1990. С. 41–46.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.–Л., 1948. С. 808.

Нагуевский Д. Профессор Франц Броннер, его дневник и переписка: 1758–1850. Казань, 1902. С. XXXIII, LIV, LV, LVII, LXVIII, СХLVIII, CLXIX, ССLXIII, ССLXV; 5, 31, 96, 143, 298, 377, 378, 383, 384, 390, 394.

Памяти профессора К. Ф. Фукса / Сост. А. В. Гарзавина. Издатель В. Г. Диц. Казань, 1996. 66 с.

ЦЕПЛИН П. А.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.–Л., 1948. С. 810.

Нагуевский Д. И. К биографии профессора Казанского университета П.А. Цеплина: 1804–1807, 1813–1819. Казань, 1897. 14 с.

Нагуевский Д. И. Петр Цеплин, первый профессор Казанского университета: 1773–1832. Казань, 1904. 358 с.

Нагуевский Д. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка: 1758–1850. Казань, 1902. С. XXXIII, LXV, LXVI, LXXVI, СХLVIII, ССXLIV, ССXLV; 101, 102, 335, 336, 452.

ЭВЕРСМАН Э. А.

Гептнер В. Г. Эдуард Александрович Эверсманн. Зоолог и путешественник: 1794–1860. М., 1940.

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.–Л., 1948. С. 813.

Э. А. Эверсманн как путешественник и географ // Александров И. Н. Научно-теоретические и методико-педагогические проблемы географии в Казанском университете в связи с развитием географических идей в России: XIX–начало XX вв. Казань, 1964. С. 88–109.

ЭРДМАН Ф. И.

Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. Казань, 1972. С. 35–49.

Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.–Л., 1948. С. 814.

Нагуевский Д. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка: 1758–1850. Казань, 1902. С. XXXIII, LVII, LXIII, LXVIII, CII, СХХХIII–СХХХV, СХLVIII, СХСIX, ССХVII, ССХХVIII, ССХХХV, ССХХХVII, ССXLII, ССLXXVI; 31, 81, 202, 222, 254, 265, 269, 274, 298, 308, 311, 314, 315, 317, 322, 327, 336, 338, 358, 378, 382, 383, 401, 402, 411.

ЭРИХ И. И.

Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.–Л., 1948. С. 814.

Нагуевский Д. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка: 1758–1850. Казань, 1902. С. СХLVIII, CLXXX, ССIII, ССХХVII, ССLXII; 139, 191, 259, 265, 377, 378, 381, 398.

Составила И. А. НОВИЦКАЯ

Приложение

А. И. МИХАЙЛОВСКИЙ. ПРЕПОДАВАТЕЛИ, УЧИВШИЕСЯ
И СЛУЖИВШИЕ В ИМП. КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: 1804–1904 / Материалы
для истории университета. Казань, 1901–1904. Ч. 1, 2.

Период I (1804–1813 гг.)

1805-й год.

О. П. (ординарные профессора):

1. Цеплин, Петр(-Даниэль-Фридрих) Андреев., предположен с 7.1.804, назна-
чен с 23.1.805.

4. Герман, Мартын(-Готфрид) Иванов., с 26.4.805.

5. Сторль, Максимилиан-Викентий-Людвиг, с 30.5.805.

6. Бюнеман, Генрих-Людвиг, с 1.7.805.

7. Фукс, Карл Федоров., с 4.9.805.

А. П. (адъюнкт-профессора):

4. Эрих, Иван (Иоган-Генрих) Иванов., с 23.1.805.

Студенты:

1. Аксаков Сергей Тимофеев., с 18.2.805 — 16.2.807: Студ. со свидетельством.

1807-й год.

О. П.

Усилин, Петр Андреев. Ю до 7.2.807: уволен.

11. Браун, Иван (Иоган-Баптиста) Осипов., с 15.6.80; 7.

12. Френ, Христиан(-Мартин) Данилов., с 3.8.807.

13. Бартельс, Мартын (Иоган-Мартин-Христиан) Федоров., с 1.12.807.

1808-й год

О. П.

Бюнеман, Генрих-Людвиг, до 30.7.808: ум.

14. Фойгт, Карл(-Теофил) Амвросиев., с 7.2.808.

15. Реннер, Каспар(-Фредерик) Федоров., с 20.7.808.

А. П.

7. Миллер, Иван (Иоган-Трауготт) Егоров., с 16.2.808.

8. Вуттих, Иоганн-Фридрих-Эдуард, с 18.4.808.

1809-й год.

О. П.

16. Финке, Иван (Иоган-Христофор) Арнольдов., с 19.10.809.

17. Нейман, Иван (Иоган-Георг-Иосия) Егоров., с 19.12.809.

А. П.

Миллер, Иван Егоров., до 18.11.809: директор Иркутских училищ.

1810-й год.

О. П.

18. Литтров, Осип (Иосиф-Самуил) Антонов., с 2.2.810.

19. Эрдман, Федор (Иоган-Фридрих) Христофоров., с 17.5.810.

20. Броннер, Ксавер (Франциск-Ксавер) Иванов., с 16.9.810.

21. Томас, Иван Григорьев., с 19.12.810.

Э. О. П. (экстраординарные профессора):

3. Эрих, Иван Иванов., с 16.1.810.

4. Вуттих, Иоган-Фридрих, с 16.1.810.

1811-й год.

О. П.

Фойгт, Карл Амвросьев., до 23.6.811: ум.

Нейман, Иван Егоров., до 21.2.811: О. П. Дерпт. Ун.

А. П.

14. Ренард, Осип Христофоров., с 28.8.811.

1812-й год.

О. П.

22. фон-Брейтенбах, Филипп Леонтьев., с 4.2.812.

Э. О. П.

Вуттих, Иоганн-Фридрих, до 26.2.812: по пр. ув.

Лекторы.

3. Лейтер, Иван Федоров., пролитор с 4.7., лектор с 10.10.812.

1813-й год.

О. П.

Сторль, Викентий-Людвиг, до 27.1.813: ум.

Цеплин, Петр Андреев., с 8.10.813.

Должностные лица в 1-м периоде (1804–1813)

Совет.

Секретари Совета:

Эрих, Иван Иванович, поруч. и.д. с 7.9–1.12.809.

Инспекция.

Инспекторы:

Фукс, Карл Федоров., и.д. с 15.2–18.3.807.

2. Браун, Иван Осипов., с 2.7.813–4.7.814.

Смотрители Публичных Курсов:

2. Ренард, Осип Христофоров., с 1.4.812–

Директор Педагогического Института:

Броннер Ксавер Иванов., с 28.5.812–13.9.817.

Библиотека.

Библиотекари:

1. Сторль, Викентий-Людовиг, с 8.11.806–27.1.813: ум.

Больница.

Врачи:

1. Фукс, Карл Федоров., 2.8.806–1.7.811.

2. Эрдман, Федор Христофоров., 13.4.811–

Прозектор (и. об.):

Браун, Иван Осипов., с 1807–1817.

Временный Комитет (с 3.7.813) при Казан. Университете пред правлением.

Члены (утверждены 9.7.813):

1. Браун, Иван Осипов.

2. Бартельс, Мартын Федоров.

3. Литтров, Осип Антонов.

4. Броннер, Ксавер Иванов.

5. Томас, Иван Григорьев.

В заседании 20.4.814 слушано было об утверждении:

Ректором: Брауна, Ивана Осипов.

Деканами: Нр.-П. Отд. Финке, Ивана Арнольдов.

Ф.-М. Отд. Бартельса, Мартына Федоров.

Врач. Отд. Эрмана, Федора Христофоров.

Слов. Отд. Германа, Мартына Иванов.

Период II (1814–1836 гг.)

1814-й год.

О. П.

Финке, Иван Арнольдов., до 17.9.814: ум.

23. Эрих, Иван Иванович., с 26.3.814.

Нейман, Иван Егоров., с 19.10.814.

Лекторы.

5. Краузе, Карл Федоров., с 9.10.814.

1816-й год.

О. П.

Реннер, Каспар Федоров., до 4.6.816: ум.

Литтров, Осип Антонов., до 19.4.816: проф-р в Вене.

1817-й год.

О. П.

Френ, Христиан Данилов., до 3.8.817: ув. на службу при Академии Наук.

Эрдман, Федор Христофоров., до 17.7.817: по пр. ув.

Броннер, Ксавер Иванов., до 15.9.817: ув. в отпуск за границу.

Нейман, Иван Егоров., до 18.9.817: ув. на службу в Деп. Дух. Дел.

А. П.

Ренард, Осип Христофоров., до 6.10.817: ум.

1818-й год.

О. П.

Броннер, Ксавер Иванов. (в загран. отпуске).

31. Эрдман, Федор (Фридрих-Франц) Иванов., с 4.7.818.

1819-й год.

О. П.

Герман, Мартын Иванов., до 19.7.819: ув.

Браун, Иван Осипов., до 8.1.819: ум.

Томас, Иван Григорьев., до 14.6.819: ув.

ф.-Брейтенбах, Филип Леонтьев., до 14.6.819: удален.

Цеплин, Петр Андреев., до 14.6.819: удален.

Эрих, Иван Иванович., до 14.6.819: ув.

Эрдман, Федор Иванов. (прибыл в Казань 27.8.819)

1820-й год.

О. П.

Бартельс, Мартын Федоров., до 21.9.820: О. П. Дерпт. Ун.

Броннер, Ксавер Иванов., до 14.5.820: ув. за долгую отлучку.

1821-й год.

Лекторы:

Лейтер, Иван Федоров., до 18.7.821: ув. по пр.

1822-й год.

О. П.

41. Фогель, Лев (Людвик) Лаврентьев., с 11.8.822.

1824-й год.

А. П.

43. Краузе, Карл Федоров., с 26.11.824.

1826-й год.

А. П.

Краузе, Карл Федоров., до 25.6.826: уволен.

1828-й год.

О. П.

52. Эверсман, Эдуард(-Федор) Александров., с 21.3.828.

1830-й год.

Студенты:

Мамаев, Николай Иванович., 9.9.830–24.6.833: Д. Студ. и сер. мед.

1832-й год.

О. П.

57. Кнорр, Эрнст(-Август) Августов., с 24.12.832.

1833-й год.

3. О. П. (Заслуженный ординарный профессор)

Фукс, Карл Федоров., с 25.5.–1.7.833: по пр. ув.

О. П.

58. Шарбе, Август Васильев., с 16.5.833.

Д. Студенты:

Мамаев, Николай Иванович., 24.6.–4.10.833: выб.

1834-й год.

О. П.

59. Винтер, Гельмут Богданов., с 8.1.834.

Должностные лица во 2-м периоде (1814–1836 гг.)

Ректоры и Проректоры (замещающие Ректора или исправляющие его должность).

1. Браун, Иван Осипов., 24.2.814–8.1.819:

4. Фукс, Карл Федоров., 3.5.823–25.8.827.

Словесное отделение.

Деканы.

1. Герман, Мартын Иванов., 23.3.814–5.7.815.

2. Френ, Христиан Данилов., 13.5.815–6.7.816.

4. Эрих, Иван Иванов., 31.7.817–5.7.818.

6. Эрмман, Федор Иванов., 7.10.822–3.9.827.

8. Эрмман, Федор Иванов., 7.7.828–12.8.832.

11. Эрмман, Федор Иванов., 19.6.835–12.8.836.

Секретари.

6. Краузе, Карл Федоров., и.д. с 4.11.825, утв. 13.1.–16.6.826.

Физико-математическое отделение.

Деканы.

1. Бартельс, Мартын Федоров., 26.3.814–23.11.820.

Эверсман, Эдуард Александров., и.д. 21.8–19.9.828.

Нравственно-политическое отделение.

Деканы.

1. Финке, Иван Арнольдов., 26.3.–17.9.814: ум.

2. Цеплин, Петр Андреев., 17.10.814–5.7.818.

10. Эрмман, Федор Иванов., 14.11.827–12.8.828.

Эрмман, Федор Иванов., и.д. 22.6.–3.9.834.

13. Винтер, Гельмут Богданов., 16.6.834–12.8.835.

Винтер, Гельмут Богданов., и.д. 9.6.–12.8.836.

Врачебное отделение.

Деканы.

1. Эрмман, Федор Христофоров., 26.3.814–1.9.817.

3. Фукс, Карл Федоров., и.д. с 27.4., утв. 30.9.820–13.7.823.

4. Фогель, Лев Лаврентьев., 8.7.823–7.9.825.

Фогель, Лев Лаврентьев., и.д. 5.7.–27.9.827.

7. Фогель, Лев Лаврентьев., 15.6.832–12.8.833.

9. Фогель, Лев Лаврентьев., 15.6.834–12.8.835.

Секретари.

1. Ренард, Осип Христофоров., 13.4.814–6.10.817: ум.

Инспекция.

Инспекторы.

2. Браун, Иван Осипов., 2.7.813–4.7.814.

3. Броннер, Ксавер Иванов., 4.4.814–13.9.817.

4. ф.-Брейтенбах, Филип Леонтьев., 13.9.817–5.6.819.

11. Эрмман, Федор Иванов., и.д. с 16.4., утв. 22.5.833–20.12.835.

Директоры Педагогического Института.

1. Броннер, Ксавер Иванов., 28.5.812–13.9.817.
2. Герман, Мартын Иванов., и.д. 13.7.817–20.8.819.

Библиотека.

Библиотекари.

3. Фукс, Карл Федоров., и.д. с 26.6., утв. 16.7.821–13.7.823.
- Эрдман, Федор Иванов., и.д. 5.7.–9.8.829.

Типография.

Цензор (отдельный, для азиат. изданий).

Эрдман, Федор Иванов., с 16.11.828.

Больница.

Врачи.

2. Эрдман, Федор Хистифоров., 13.4.811–27.9.817.
4. Фукс, Карл Федоров., 19.4.819–26.11.829.
8. Фукс, Карл Федоров., 17.3.831–17.1.833.

Период III (1837–1864 гг.)

1837-й год.

О. П.

Фогель, Лев Лаврентьев., до 1.8.837: ув. за реформой.

А. П.

Камбек, Логин Федоров., с 14.10.837.

1839-й год.

Студенты:

960. Михайлов, Иван Иванов., 15.6.839–30.5.844: Д. Стд.

1840-й год.

О. П.

72. Фатер, Фридрих Иванов., с 26.7.840.

1841-й год.

А. П.

63. Брауэль, Фридрих(-Август) Иванов., и.д. с 31.12.841.

1842-й год.

Лекторы.

16. Крюгер, Карл Иванов., сверхшт. с 28.9.842.

1843-й год.

З. О. П.

6. Эрдман, Федор Иванов., с 11.11.843.

О. П.

Шарбе, Август Васильев., до 6.11.843: по пр. ув.

1844-й год.

Лекторы.

Крюгер, Карл Иванов., сверхшт., до 4.3.844: ув.

Д. Студенты:

Михайлов, Иван Иванов., 30.5.844–17.1.845: выб.

Назарьев, Валериан Никаноров., 22.8.844–2.6.848: Д. Стд.

1845-й год.

З. О. П.

Эрдман, Федор Иванов., до 11.5.845: по пр. ув.

1846-й год.

О. П.

Кнорр, Эрнест Августов., до 1.6.846: О.П. Киев. Ун.

Э. П. О.

51. Брауэль, Фридрих Иванов., и.д. с 17.9.846.

Студенты:

Янишевский, Ераст Петров., 24.8.846–30.5.850: Кнд., 3. Мед.

1847-й год.

О. П.

Винтер, Гельмут Богданов., до 9.10.847: ум.

1848-й год.

Э. О. П.

Брауэль, Фридрих Иванов., и.д. до 3.5.848: пер. в Дерпт. Ветеринарное училище.

Д. Студенты:

Назарьев, Валериан Никаноров., 2.6.–9.10.848: выб.

1849-й год.

О. П.

84. Готвальд, Осип Федоров., с 12.9.849.

Студенты:

Ильинский, Александр Иванов., 20.8.849–22.12.853: Лк., с. мед.

1853-й год.

З. О. П.

8. Эверсман, Эдуард Александров., с 2.12.853.

Э. О. П.

65. Камбек, Логин Федоров., и.д. с 23.1, утв. с 15.7.853.

Лекари.

Ильинский, Александр Иванов.*, 22.12.853–14.3.854: лк. Подвижн. запасн. парка 1 Артиллер. бригады в Динабурге.

1854-й год.

О. П.

Фатер, Фридрих Иванов., до 7.12.854: по пр. ув.

1855-й год.

О. П.

Готвальд, Осип Федоров., до 1.7.855. См. Библиотекарь.

Э. О. П.

Камбек, Логин Федоров., до 19.12.856: ув. за выслугой срока.

Студенты:

343. Ф.-Гациский (Дахнович-Гациский), Александр Серафимов., 5.9.855–16.7.858: по пр. ув. в Спб. ун., и 28.3.860–9.6.861: Д. Стд.

1856-й год.

Студенты:

Воронов, Михаил Алексеев., 1.9.856–7.11.857: по пр. ув. в М.-Х. Ак.

1860-й год.

З. О. П.

Эверсман, Эдуард Александров., до 14.4.860: ум.

Студенты:

Корсаков, Дмитрий Александров., 14.9.860–30.5.864: Кнд., З. Мед.

1861-й год.

Д. Студенты:

ф.-Гациский, Александр Серафимов., 9.6.–1.9.861: выб.

Должностные лица в 3-м периоде (1837–1864 гг.)

Ректоры.

и.д. Эрмман, Федор Иванов., 13.6.–2.7.842.

Проректоры.

4. Эрмман, Федор Иванов., 23.6.839–11.5.845.

1 отделение философского факультета*

Деканы.

14. Эрмман, Федор Иванов., 23.7.841–11.5.845.

2 отделение философского факультета**

Деканы.

и.д. Кнорр, Эрнест Августов., 10.6.–22.7.841.

Юридический факультет

Деканы.

и.д. Винтер, Гельмут Богданов., 11.6.–1.8.837; 15.6.–22.7.839;

10.6.–22.7.840; 1.–22.8.840; 10.6.–22.7.841; 10.6.–12.8.842;

12.12.842–1.2.843; 4.6.–28.8.843; 2.6.–3.8.844; 3.6.–22.7.845.

15. Винтер, Гельмут Богданов., и.д. с 17.11., утв.

21.12.845–9.10.847: ум.

Секретари.

15. Камбек, Логин Федоров., 26.4.838–13.4.839.

и.д. Камбек, Логин Федоров., 18.12.843–13.1.844.

Библиотека.

Библиотекари.

7. Готвальд, Осип Федоров., 24.1.850–10.5.897.

Типография.

Начальники.

12. Готвальд, Осип Федоров., и.д. 26.1.857–6.5.884.

Цензоры (отдельные, для азиатских изданий)

1. Эрмман, Федор Иванов., 16.11.828–25.4.845.

4. Готвальд, Осип Федоров., с 27.7.855.

1867-й год.

Студенты.

Смоленский, Степан Васильев., 6.9.67–29.5.872: [Д.С.]

1870-й год.

Д. Студенты.

140. Загоскин, Николай Павлов., 28.8.870–7.9.874: [Д.С.], З. Мед.

* Ускоренный выпуск военных врачей из студентов 5 курса.

* с 1850 — историко-филологический факультет

** с 1850 — физико-математический факультет

ОГЛАВЛЕНИЕ

Диц В. Г., Гарзавина А. В., Новицкая И. А. Роль немецких ученых в становлении Казанского университета	5
---	---

V. Dietz, A. Garsawina, I. Novizkaja Rolle der deutschen Gelehrten im Werden der Kasaner Universität	10
--	----

I. Материалы к биографиям:

Бартельс Мартин Федорович	15
Брауель Фридрих Август	20
Браун Иван Осипович	21
Броннер Ксаверий Иванович	25
Брейтенбах Филипп Леонтьевич	29
Бюнеман Генрих-Людвиг	29
Винтер Гельмут Богданович	30
Вуттиг Иоанн Фридрих	31
Герман Мартин Готфрид	31
Готвальд Иосиф Федорович	33
Камбек Логин Федорович	38
Кнорр Эрнест Августович	39
Краузе Иван Федорович	40
Крюгер Карл Иванович	41
Лейтер Иван Федорович	41
Литтров Иосиф Антонович	42
Миллер Иван Егорович	48
Нейман Иван Егорович	49
Ренард Иосиф Христофорович	50
Реннер Каспар Федорович	50
Сторль Максимилиан Викентий Людовик	52
Томас Иван Григорьевич	56
Фатер Фридрих Иванович	57
Финке Иван Арнольдович	60
Фогель Лев Лаврентьевич	61
Фойгт Карл Теофикус	62
Френ Христиан Данилович	63

Фукс Карл Федорович	73
Шарбе Август Васильевич	77
Цеплин Петр Андреевич	77
Эверсман Эдуард Александрович	88
Эрдман Федор Христофорович	104
Эрдман Федор Иванович	108
Эрих Иван Иванович	111

II. Как жили немцы в Казани

Нагуевский Д. И. Петр Цеплин, первый профессор Казанского университета: 1773—1832	112
Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета: 1805—1819	117
Залеский В. Ф. История преподавания философии права в Имп. Казанском университете в связи с важнейшими данными внешней истории юридического факультета	128
Владимиров В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии.	133
Казанские известия. 1814. 14 февр. (№ 7)	133
Казанские известия. 1816. 12 авг. (№ 65)	134
Лажечников И. И. Как я знал Магницкого	134
Пономарев П. А. О начале «немецкого гулянья» в Казани: по архивным документам	135
Казанец [Н. Я. Агафонов]. Нечто об исторических достопримечательностях города Казани	139

III. Из воспоминаний казанских студентов

Аксаков С. Т. Основание Казанского университета и первые годы университетской жизни	140
Из воспоминаний Н. И. Мамаева	141
О Н. М. Ибрагимове, Обществе любителей русской словесности при Казанском университете, о Г. И. Солнцева	141
Из воспоминаний И. И. Михайлова	142
Воспоминания о Д. И. Мейере и др.: Из статей проф. Н. П. Загоскина и В. Н. Назарьева	142
Воронов М. А. Моя юность: воспоминания о профессорах и студентах	144
Ильинский А. И. За полстолетия: 1841—1892. Воспоминания о пережитом	144
Янишевский Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента.	147
Гацкий А. С. Воспоминания об А. М. Бутлерове, С. В. Ешевском и др. профессорах 1850-х годов	151

Корсаков Д. А. Былое из казанской жизни 1856—1860 годов.	
Воспоминания о прошлом	153
Корсаков Д. А. Былое из жизни Казанского университета	
1856—1860 годов	155
Смоленский Ст. [В.] Из воспоминаний о Казани и Казанском	
университете в 60-х и 70-х годах	156

И. А. Новицкая. Список литературы о жизни и деятельности	
немецких профессоров в Казани.	160

Приложение. А. И. Михайловский Преподаватели, учившиеся	
и служившие в Имп. Казанском университете: 1804—1904	166

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Немецкие ученые — профессора Казанского университета
Авторы-составители: В. Г. ДИЦ, А. В. ГАРЗАВИНА, И. А. НОВИЦКАЯ
Дизайн и верстка: О. А. ПЕТРОВА

Издатель: Автономная некоммерческая организация
«Немецкий Дом Республики Татарстан»
Адрес: 420111, Казань, ул. К. Маркса, д. 26
Тел./факс: 38-96-26, тел.: 36-25-69, 36-26-47
E-mail: ndrt@inbox.ru

Подписано в печать 6.07.2004.
Формат 60x84 1/16. Объем 11,5 п.л. Офсет.
Тираж 2000 экз. Заказ Э-520.
Типография ГУП ПИК «Идел-Пресс».
Казань, ул. Декабристов, 2.

